

РОССИЯ В ЭПОХУ РЕФОРМ

РОССИЯ
В ЭПОХУ
РЕФОРМ

РОССИЯ В ЭПОХУ РЕФОРМ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ПОСЕВ

Обложка работы художника Адама Русака

Составители: В. Желягин и Н. Рутыч

© Possev-Verlag, V. Gorachek K.G., 1981
Frankfurt a. M.
Printed in Germany

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Острый и непрерывно нарастающий интерес к истории последних десятилетий дореволюционной России не может быть объяснен только возрождением духовных традиций русского народа, хотя несомненно, что именно этот процесс определяет основную струю в творческих усилиях послевоенных поколений.

Как отметил один из авторов сборника — покойный профессор Н. С. Арсеньев — повышенный интерес к собственной истории всегда связан с устремлением вперед, с желанием внести в помыслы о будущем те черты, которые оставили нам и государственно-национальное сознание, и культурно-политическая традиция. Эти помыслы о грядущем, после ухода последнего поколения, жившего в дореволюционной России, естественно не могут иметь ничего общего с возвратом к прошлому, с некритическим его восприятием. Но в то же время, продолжая мысль Н. С. Арсеньева, говорившего, что „без традиции нет истории”*, очевидно, что мысли

о будущем должны найти своего рода „точку отсчета”. Иначе говоря, необходимо выяснить, какие именно традиции могут послужить основой для строительства будущего.

Для авторов этого сборника таковой „точкой отсчета” без сомнения является период Думской монархии 1906—1916, когда правовой строй, основанный на Конституции, открыл самую светлую страницу в нашей истории. Этот правовой строй, со всеми его свободами, был подготовлен эпохой реформ Александра II. И поэтому необходимо отметить, что главным содержанием периода Думской монархии, несмотря на уже достигнутые права и свободы, было стремление продолжать реформы. Это стремление олицетворял П. А. Столыпин. Итак, период Думы, период развивающегося земства, подъема духовной свободы и небывалого развития во всех областях жизни, начиная от экономики и кончая искусством, продолжает оставаться для нас неисчерпаемым наследством, традиции которого не могут не стать, рано или поздно, достоянием всех думающих о будущем России.

Наконец, со времени прихода Ленина к власти, эта страница нашей истории оказалась забрызганной грязью многочисленных пристрастных статей ослепленного догматика, ссылаться на которого, однако, обязаны все занимающиеся историей в СССР вот уже

больше 60 лет. С другой стороны, и в эмиграции и в СССР, в течение ряда десятилетий, на первом месте в исторической литературе стоял период революции и гражданской войны. Все это вместе взятое отчасти объясняет относительную бедность литературы, посвященной Думской монархии.

Сознавая всю неполноту и несовершенство настоящего сборника, мы все же надеемся, что он вызовет интерес к государственно-правовым традициям и духовным исканиям этого наиболее динамичного и вдохновляющего периода нашей истории.

* Н. С. Арсеньев. Из русской культурной и творческой традиции. „Посев” 1959, с. 7.

ЧАСТЬ I

ВРЕМЯ АЛЕКСАНДРА II

1861 — 1881

Крестьянская реформа Александра II

Проф. Н. Арсеньев

Огромно значение реформ Александра II, ибо они разделяют всю новую историю России на два периода. Эти реформы были как бы экзаменом России — и власти и народа — на государственную зрелость, и этот экзамен был выдержан в значительной степени. К сожалению, русские революционеры, по отношению к реформам Александра II, обнаружили не только свою полную антигосударственность, но и подлинное отсутствие патриотизма.

Заслуга в том, что реформа вообще началась, что она была сдвинута с места, принадлежит Александру II. Я далек от мысли умалять огромное значение целого ряда перво-классных деятелей реформы, таких людей, как Н. А. Милютин, генерал-адъютант Ростовцев, Юрий Самарин, профессор Кавелин, князь Черкасский, Л. И. Кошелев, великая княгиня Елена Павловна, великий князь Константин Николаевич, министр Ланской, Я. А. Соловьев, братья Семеновы и многих других. Но император Александр II — чело-

век скорее мягкий, не обладавший энергией своего отца — не только возглавлял, как монарх, движение реформ, не только сочувствовал ему, но был одной из главных пружин, одним из главных вдохновителей, главным инициатором и „толкателем” дела крестьянской реформы, взявшим на себя перед лицом России сознательно, мужественно и добровольно всю тяжесть решения и ответственности за нее. Честь и слава этому благородному русскому царю и патриоту, и великому деятелю русскому, несмотря на все человеческие слабости этого доброго, мягкого, не слишком, казалось, сильного человека. Тем больше его заслуги, ибо он проявил необычайную силу духа, настойчивость, государственную дальновидность и широту, и истинное величие духа в проведении реформы и, как я уже говорил, инициативу. Но не только инициативу, но и завершающее решающее действие, окончательное творческое государственное решение, увенчивающее четырехлетние усиленные труды подготовителей и составителей огромного по своей сложности и значительности закона. Эта великая заслуга и честь в полной мере разделяется и его сотрудниками, некоторые из которых оказались не только честными, благородными и государственно мыслящими людьми, но и деятелями очень большого государственного калибра. Но Александр II

один заплатил своей кровью и жизнью за то, что он сделал: его убили за его реформы.

Революционерам нужны были не реформы, даже самые радикальные, а уничтожение прежней России — и государственно, и морально, и культурно-психологически, — то, что постарались и стараются осуществить коммунисты. Всякие реформы этим революционерам мешали. Именно Царя-Освободителя-то и нужно было, согласно их убеждению, убить, чтобы оскорбить, ошарашить народную душу, смутить и, осквернивши, всколыхнуть ее. От убийства Александра II ясная и прямая линия ведет к коммунизму. У них был общий идеал: строить „новую жизнь”, радикально уничтожая все прежнее, все святыни народа, всю нравственную и государственную преемственность страны. И то и другое — вдохновение людей, убивших Александра II, и вдохновение деятелей большевистского переворота — есть действие дьявольского аспекта, понимая под этим акт разрушающей, а не творчески-конструктивной, динамики, акт разрушающей злобы. Не отрицаю при этом субъективное героическое многих и из этих прежних революционеров, но это делало их динамику особенно вредной. Довольно о них: они получили то, к чему они шли и чем они внутренне уже жили, хотя коммунизм оказался несходным с тем, о чем они мечтали: безмерным и бес-

пощадным, подлинно-дьявольским, уже без налетов их незрело-преступного „идеализма”.

19 марта 1856 года в манифесте, объявлявшем народу о заключении мира с воевавшей против России коалицией, Александр II начертал уже как бы программу своей реформаторской деятельности. Особенный отзвук получили эти слова манифеста: *„Правда и милость да царствуют в судах... Да развивается повсюду и с новой силой стремление к просвещению и всякой праведной деятельности, и каждый под сенью законов, для всех равно справедливых... да наслаждается в мире плодами трудов невинных...”*

В этих словах о законах „для всех равно справедливых” можно было усмотреть довольно ясный намек на намерение отменить крепостное право. Это смутило многих сторонников крепостного права, и московский генерал-губернатор граф Закревский, принадлежавший к их числу, просил царя, в бытность его в Москве, рассеять эти тревожные слухи. Александр II в ответ на эту просьбу сказал 30 марта 1856 года свою знаменитую речь собравшимся в Москве предводителям дворянства.

Эта речь была полной неожиданностью для всех, никто из министров не знал предварительно о ее содержании. „Существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным, — сказал император и доба-

вил: — Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнет само собой отменяться снизу”, и просил предводителей „обдумать, как бы привести это в исполнение”. Это был решающий шаг.

Не будем припоминать все сложные и многочисленные фазы подготовки реформы. Правительство увидало, что нельзя рассчитывать на то, чтобы дворянство, как надеялся было Александр II, проявило инициативу. Правительству пришлось поэтому взять инициативу в свои руки.

В январе 1857 года был основан Секретный комитет для обсуждения реформы под председательством князя А. Ф. Орлова, который, как и большинство его членов, относился к ней без всякого энтузиазма. Но в число членов комитета был введен и генерал-адъютант Я. Н. Ростовцев, особенно близкий к государю человек, очень энергичный, тогда еще совершенно незнакомый с вопросом, но потом оказавшийся одним из самых серьезных, убежденных и жертвенных деятелей реформы. Казалось, что в мирном лоне Секретного комитета реформа заснет, как это было с многими благими начинаниями предыдущего царствования, если бы в ноябре 1857 года не произошел вдруг решительный сдвиг в сторону ускорения дела: обращение к государю помещиков северо-запад-

ных (литовских) губерний через генерал-губернатора Назимова и знаменитый рескрипт царя Назимову, в котором были указаны основные линии намеченных мероприятий. Этот рескрипт был сразу же по инициативе министра Ланского опубликован во всех губернских ведомствах (правительственных органах) империи, и через это вопрос об освобождении крестьян сразу сделался достоянием широкой гласности. Возвращение вспять или предание всего дела забвению в мирных недрах какой-нибудь комиссии было уже невозможно. Это как раз соответствовало видам Александра II. Герцен посвятил ему в этот момент восторженную статью в своем лондонском „Колоколе” под заглавием: „Ты победил, Галилеянин!”

21 февраля 1858 года Секретный комитет был переименован в Главный комитет по крестьянскому делу, и дело реформы закипело. Особенно важное значение в этом направлении имели четыре письма, адресованные генерал-адъютантом Ростовцевым императору из заграничного отпуска в течение лета 1858 года: в них Ростовцев все более становится на точку зрения выкупа земли в пользу крестьян при их освобождении. Извлечение из этих писем обсуждалось на заседаниях Главного комитета, журналы которых были утверждены императором 26 октября и 4 декабря 1858 года. 30 марта 1859

года были открыты в Петербурге две редакционные комиссии для составления систематически разработанных проектов крестьянской реформы и для рассмотрения проектов, поступивших с мест от губернских дворянских комитетов.

10 октября 1860 года редакционные комиссии закончили свою работу (они имели за один год и семь месяцев свыше 400 заседаний, рассмотрели около 60 проектов губернских комитетов и составили 17 проектов „Положений” — 5 общих для всей России и 12 местных). Подготовленные проекты были переданы в Главный комитет, состоящий из десяти лиц, но там не могло сначала собраться нужное большинство, и только под личным воздействием государя, министр Двора, граф Адлерберг, стал на сторону законопроекта, а затем и министр юстиции граф Панин. В конце декабря 1860 года последнее заседание Главного комитета, с присутствием всех министров, состоялось под председательством императора. В своей речи к членам Комитета Александр II очень лестно отозвался о результатах работ редакционных комиссий и сказал, что, перенося теперь это дело в Государственный совет, он не допустит никаких проволочек в его решении и предельным сроком для окончания его рассмотрения назначил 15 февраля наступающего 1861 года. „Этого я желаю, — восклик-

нул император, — требую, повелеваю”. Когда 28 января 1861 года началось в Государственном совете рассмотрение нового закона (на предварительное ознакомление членам Государственного совета было дано десять дней), заседание открыл сам император чрезвычайно обстоятельной и энергичной речью. В ней он изложил весь ход разработки крестьянской реформы и настаивал на быстром рассмотрении ее в Государственном совете. „Взгляды на представленную работу, — сказал он, — могут быть различны. Поэтому все различные мнения я выслушаю охотно, но я в праве требовать от вас одного: чтобы вы, отложив все личные интересы, действовали не как помещики, а как государственные сановники, облеченные моим доверием”. К 17 февраля 1861 года Государственный совет закончил рассмотрение всего дела — государь по каждому вопросу немедленно давал свою резолюцию, присоединяясь к мнению большинства или меньшинства. Он нередко, чтобы поддержать решения редакционных комиссий, которые он глубоко разделял, соглашался с мнением меньшинства Государственного совета — восьми голосов против тридцати пяти.

19 февраля 1861 года Александр II удалился в свой кабинет и тут, пожелав остаться наедине, подписал и закон об освобождении крестьян и манифест к народу.

Русский крестьянин был освобожден с земель. Из-за этого шла главная борьба, в этом — основная черта и особенно благотворительный характер этой реформы. Указывалось на два основных недочета реформы: крестьяне в среднем получили на 18% меньше земли, чем то количество, которым они пользовались при крепостном праве. Далее, земля была в общинном владении, а община очень стесняла индивидуальную хозяйственную инициативу крестьянина. Поэтому закон о праве выхода из общины, проведенный Столыпиным в 1906 году, открыл новую эру в смысле развития крестьянского благосостояния. Но и с этими недочетами, эта зрело обдуманная и блестяще проведенная крестьянская реформа императора Александра II является, как и прочие реформы, важнейшим водоразделом в новой истории России. Другим водоразделом является рабство, опять введенное коммунистической властью.

Память убитого Царя-Освободителя призывает нас к противоположному: к духу творческой любви, но прежде всего к объединению всех духовных и нравственных сил, без различия мнений и оттенков, для подвига еще более трудного, чем подвиг 1861 года: к освобождению России от нового, горшего, несравненно горшего чем прежде, крепостного ига.

И не забывайте прежней русской славы

при всем нашем недостоинстве и нашем нравственном унижении! Реформами императора Александра II Россия и теперь, через сто лет, может гордиться, или, вернее, расценивать их как великий дар Божий, который был дан русскому народу, — залог национального единства и нравственно-просветленной свободы.

Величайший памятник культуры

П. Якоби

„Правда и милость да царствует в судах!” Эти слова прозвучали в манифесте 19-го марта 1856 г., этими словами начинался Именной Указ Прав. Сенату 20 ноября 1864 г. о введении в действие Судебных Уставов, эти слова были начертаны на фронтоне здания судебных установлений в столице России, эти слова передают дух Судебных Уставов, являющихся классическим памятником гуманности в правосудии.

В чем же заключается величие этого законодательного акта? Почему до сих пор всякий человек с развитым чувством правосознания с благоговением произносит слова „Судебные Уставы”?

„Все познается чрез сравненье”, и величие этого памятника выдающегося законодательного творчества сразу выступает, как только нормы Судебных Уставов сравнить со смененными ими дореформенными судебными порядками, основанными на формаль-

Статья написана в 1934 г. к 70-летию Судебных Уставов от 20 ноября 1864 г. и к 45-летию введения их в действие в пределах Латвии. С вводом этих Уставов в России была создана наиболее передовая среди цивилизованных стран того времени судебная система. — Р е д.

ном процессе, покоящемся на сыскном начале, и с тем „с позволения сказать” судебным порядком, который водворился на развалинах правовой России.

Теперь нам трудно представить дореформенный суд в России с его формальными доказательствами, когда человек осуждался на основании чисто арифметического подсчета показаний „за” и „против” обвиняемого, причем законом была установлена особая таблица расценки свидетельских показаний, из которых показанию духовных лиц отдавалось первенствующее место среди доказательств, мужчина имел преимущество перед женщиной, хозяин перед слугою и т. п.

Разве не курьезом звучит 333 ст. свода законов уголовных кн. II (т. XV изд. 1857 г.) гласившая:

„При равной степени достоверности законных свидетелей, в случае противоречия их, давать преимущество:

- 1) Мужчине перед женщиною;
- 2) Знатному перед незнатным;
- 3) Ученому перед неученым;
- 4) Духовному перед светским”.

А институт „оставления в подозрении” лица оговоренного, но который „будет одобрен в повальном обыске”, „не быв совершенно уличен”! (ст. 311, там же).

Судебные Уставы на смену формальным предустановленным доказательствам выдвигали

нули принцип внутреннего убеждения судьи, расценивающего степень достоверности каждого свидетельского показания исключительно на основании своей судейской совести, таким образом суд мог придать веру показанию одного слуги перед двумя свидетельскими показаниями своих господ, что раньше было решительно немыслимо.

Но это могло быть допущено только при введении в Уставы принципа равенства всех перед уголовным законом. Отсюда вытек принцип равноправия сторон при состязательном начале на суде. Обвинение и защита должны бороться равным оружием на суде, причем в уголовном суде последнее слово оправдания признано за подсудимым (749 ст. У. У. С., изд. 1914 г.). Этот гуманный принцип — не единственный в Судебных Уставах: в силу основного положения, что всякое сомнение толкуется в пользу обвиняемого, при разделении голосов судей преимущество отдается мнению наиболее снисходительному к участи подсудимого (760, 813 ст. У. У. С., изд. 1914 г.). По уставам всякому обвиняемому предоставлен ряд гарантий против необоснованного ареста и вздорности обвинения. Всякому аресту должен предшествовать акт постановления по предъявляемому обвинению, объявляемого заподозренному лицу, причем допрос должен быть „снят немедленно и никак не поз-

же суток после явки или привода обвиняемого” (398 ст. У. У. С., изд. 1914 г.).

Какой чудовищной жестокостью показала отмена этой гарантии после революции 1917 г., когда люди стали томиться в застенках без предъявления какого-либо обвинения и допроса в течение многих месяцев! Как нас, приученных Судебными Уставами к основам признания неприкосновенности личности и святости домашнего очага и собственности, должно было тяжко поразить засилье коллектива и большевистское вторжение в святая святых жилища!

Судебные же Уставы сплошь пропитаны принципом уважения и защиты личности, даже впавшего в преступление гражданина.

Насколько диким, после привитого нам судебными уставами принципа личной ответственности, явился возрожденный коммунистами институт древности „заложничество”, когда ни в чем не повинные лица были ввергнуты в тюрьмы для достижения „самоуправцами” своих преступных вождений!..

Следующими ценными основами Судебных Уставов явились принцип устности, сменивший письменное производство дореформенных судов, и принцип гласности, уничтоживший прежнюю канцелярскую тайну в судебных делах.

В целях обеспечения свободы и беспри-

страстия суда Судебными Уставами к вынесению решений суда была привлечена общественность, путем призыва к служению правосудию судей общественной совести — присяжных заседателей, завоевавших такую симпатию в широких кругах населения. И действительно, только в присяжном суде налицо широкая действительная поверка доказательств.

Ценным благом Судебных Уставов явилось введение института несменяемости судей, давшего тот незабываемый тип самостоятельного судьи, которому можно было бы привести многочисленные примеры. Об этом, впрочем, позаботился своевременно в своих воспоминаниях Кони, нарисовавший достаточно ярко тип русского беспартийного бескорыстного труженика судьи по Судебным Уставам.

Крайне удачной явилась постановка Прокуратуры по Судебным Уставам, сделавшая прокурора не только государственным обвинителем, но и представителем законности. По Суд. Уставам прокурор, в отличие от французского типа прокурора, может всегда отказаться от обвинения: он — говорящий судья...

Таковы главнейшие черты Судебных Уставов Императора Александра II.

Воздадим же создателям этого гуманного памятника законодательства всех времен и народов наши чувства уважения!

Было бы несправедливо не коснуться в заключение личности того, кто дал свое имя уставам.

Ошибкой было бы думать, что венценосное имя Судебным Уставам было дано, так сказать *honoris causa* — вроде наименования, например, кодекса Наполеона и т. п. Император Александр во многом содействовал внесению в уставы гуманных начал. Все имеет „за” и „против”. Одним из „за” было то время, когда создавались уставы. Тогда не было дробления правящих кругов на непримиримо борющиеся партии, препятствующие своей партийной предвзятостью мнений строго научной работе; случайное большинство не имело решающего значения, да и вообще, можно ли сказать, что „большинство” само по себе обеспечивает торжество истины и справедливости? Пишущему эти строки пришлось держать в руках пожелтевшие от времени листы журналов Государственного Совета, где на полях рукой Александра II против мнения большинства и меньшинства членов Государственного Совета, были сделаны карандашные резолюции, причем сплошь да рядом Император соглашался с мнением меньшинства, склоняясь в пользу гуманного разрешения вопроса. Личное уча-

стие Государя в законодательных реформах того времени выявляется особенно ярко в том случае, когда в Общем Собрании Деп. Госуд. Совета — при окончательном обсуждении вопроса об освобождении крестьян, Александр II, встретив многочисленную оппозицию особенно реакционно настроенных сановников, стукнул кулаком по столу и грозным окриком: „Я так хочу!“ — решил судьбу величайшего исторического акта.

Заканчивая, мы не можем не выразить чувства преклонения пред величием духа создателей Судебных Уставов, благодарности и признательности тем, кто проводил в жизнь великие идеи, осуществляя на деле принципы Суд. Уставов, и пламенную надежду, что будущие служители Правосудия на родине незабвенных Уставов вновь воздвигнут их знамя там, где коммунизм потряс основы совести и права.

Об авторе

Автор статьи о Судебных Уставах императора Александра II, Петр Николаевич Якоби (внук физика-изобретателя, академика Б. С. Якоби, и сын сенатора), родился в 1876 г. в Петербурге и получил юридическое образование в Училище Правоведения. Начав службу в министерстве юстиции в Витебском и Петербургском прокурорском надзоре, П. Н. затем занимал должность начальника уголовного

отделения мин. юстиции. С приходом к власти большевиков и образованием независимой Латвии П. Н. с семьей перебрался в Ригу, где он прежде служил прокурором рижского окружного суда. Здесь П. Н. был приглашен на службу латвийского министерства юстиции в качестве постоянного члена консультации. Под его руководством была произведена работа по приспособлению русского уголовного уложения к новосоздавшимся условиям и был выработан проект дисциплинарного устава для лиц гражданского ведомства. Вместе с тем П. Н. принимал ближайшее участие в выработке нового латвийского уголовного уложения, к проекту которого он составил и издал двухтомный комментарий.

П. Н. Якоби был широко известен как автор многочисленных юридических трудов, а также — как публицист и литератор. Принимая деятельное участие в русской общественной жизни, он был инициатором создания Русского Юридического Общества и главным деятелем издававшегося этим обществом журнала „Закон и Суд”. На страницах этого журнала, в № 10 (50) за 1934 г., была напечатана помещенная выше статья П. Н. Якоби.

В августе 1940 г., вскоре после того, как Латвия была занята Красной Армией и включена в состав СССР, П. Н. Якоби был арестован НКВД, осужден и из рижской тюрьмы, в которой он сперва содержался, выслан на север Советского Союза, где и погиб в одном из лагерей.

Д. Л е в и ц к и й

Местное самоуправление

Земская реформа 1864 г. и ее значение

Е. Брейтбарт

Местное самоуправление, известное в России под названием земства, земской деятельности, в том виде, в каком оно наиболее близко к демократическому установлению, просуществовало у нас немногим более половины столетия, а если быть точным, то ровно 53 года.

Библиография работ о деятельности и истории русского земства насчитывает многие десятки, если не сотни книг, монографий, статей, статистических сборников. Казалось бы, в таком случае достаточно было бы отослать интересующихся к соответствующим источникам. Но ситуация в сегодняшней советской России такова, что она никак не способствует ни возникновению, ни развитию интереса к истории собственной страны и государства. Я имею в виду официальное воспитание, образование, систему информации общества. Если же в настоящее время мы наблюдаем реальный взрыв интереса к собственной истории, то это не благодаря, а вопреки существующей официальной ситу-

ации. Возникший сейчас интерес к истории России эксплуатируется немалым числом профессиональных историков и публицистов только в негативном плане, т. е. в том смысле, что беды сегодняшней России не случайны, а органические, что ничего другого не могло и не может быть в России.

Стало уже общим утверждение, что советская историография занимается „переписыванием истории”, истолкованием ее на марксистско-ленинский лад. В эту методологию, в частности, входит и произвольное опускание некоторых очень важных моментов нашей истории, которые либо не поддаются толкованию, либо чем-то неудобны, ибо разрушают стройную теорию исторического материализма. Вопрос о российском земстве как раз и принадлежит к числу таких, которые просто „выпадают” из советской концепции русской истории. Просмотренные мною советские журналы, имеющие отношение к истории и исторической науке, и книги, в названии которых фигурирует словосочетание „местное самоуправление”, дали очень бедный результат: 4—5 статей и диссертаций, причем по очень специальным аспектам земского вопроса. Одно можно утверждать с полным основанием: ни одной сколько-нибудь общедоступной работы по истории местного самоуправления¹ в Рос-

сии, работы общего характера не было уже несколько десятилетий.

В 1864 г. проведенная Земская реформа развязала руки общественной активности на местах, в провинциях и городах по всей стране. Началась пореформенная история земства, которое через 50 лет после бесчисленных трудностей, подъемов и застоев с полным основанием можно было считать самым демократическим и действенным из всех государственных институтов Российской империи.

В 1914 году территория, на которой функционировали организации земства, покрывала площадь в 3,2 млн. кв. верст, с населением 112,5 млн. человек, из которых 98,2 млн. были крестьянами. При этом вся европейская и азиатская Россия (без Финляндии) имела площадь 18,8 млн. кв. верст с населением 170,9 млн. человек.

1. Под местным самоуправлением разумеется такая система местного государственного управления, при господстве которой исполнительные и распорядительные органы местных учреждений избираются местным населением, объединенным в местные, публично-правовые союзы, и обладают достаточной степенью независимости в пределах своей компетенции (П. П. Гронский. Децентрализация и самоуправление. „Земское Дело” № 3, февраль 1913 г., с. 209).

Бюджет всех губернских и уездных земств в 43 губерниях страны, составлял в 1914 году 347,5 млн. рублей. Земство черпало свои доходы из следующих источников:

1914 год

	В млн. руб.	В %
Налоги, сборы		
Земля и леса	142,5	42,2
Городская недви- жимость	21,4	6,4
Фабрики и др. не- движимость		
вне городов	36,2	10,8
Правительственные субсидии	67,5	20,1
Другие доходы	68,8	20,3
Всего	336,4	100,0

Финансовая поддержка правительства возросла после революции 1905 года и в 1914 году составляла уже 1/5 всех доходов земств. Тем не менее, основным источником дохода остался тем же, что был и при установлении земств, т. е. земля и лес — 42,4%.

Расходы всех губернских и уездных земств на 1914 год были такие:

В млн. руб.

Образование	106,98
Здравоохранение	82,57
Социальное обеспечение	5,15
Земледелие и экономика	28,90
Ветеринарная служба	10,46
Дороги	17,51
Содержание администрации	23,43
Др. расходы, службы	
и т. д.	72,51

Всего	347,51
-------	--------

Если же в эту сумму включить страховой фонд, то бюджет земства на 1914 год был свыше 400 млн. рублей. Понять значение этих сухих цифр можно только сравнив соответствующие правительственные бюджетные статьи. Бюджет русского правительства на 1914 год составлял 3,6 млрд. рублей, т. е. всего лишь в 9 раз больше, чем бюджет земств 43 губерний.

Интересно отметить также соответствующие темпы роста бюджетов. Бюджет земства в 34 губерниях возрос со 171,7 млн. рублей в 1910 году до 292,1 млн. рублей в 1914 году. За тот же самый период государственный бюджет возрос с 2,5 млрд. до 3,6 млрд. рублей, что в процентах составляет для правительственного бюджета только 39% роста за 4 года, а для земств — 70%.

Если сравнить отдельные расходы земств с правительственными расходами по одним и тем же статьям, то результаты получаются просто разительные. По государственному бюджету 1914 года расходы на образование составили 155,3 млн, а расходы земств лишь немногим меньше — 107 млн. рублей. А в 1910 году, например, земство вложило в здравоохранение 48 млн., правительство — 3,7 млн. На ветеринарное дело, соответственно, 3,7 млн. и 2,1 млн. рублей. Если очень упрощенно определить главные задачи государства как обеспечение внешней и внутрен-

ней безопасности своих граждан и их благосостояния, — то можно сказать, что относительно удовлетворительно справляться со второй задачей царское правительство могло только с помощью земств, с помощью общественных сил, которым та же власть нередко пыталась связать руки, вопреки здравому государственному инстинкту.

Вплоть до начала XIX века функции местной администрации почти целиком исчерпывались судебно-полицейским управлением и сбором казенных податей, налогов и т. п. средств. На административно-хозяйственные дела не обращалось почти никакого внимания. От екатерининского „Учреждения о губерниях” 1775 года остались еще краткие указания об обязанностях земской полиции по исправному содержанию дорог и отводу квартир военным чинам, а также о функциях приказов общественного призрения, но не было общего положения о раскладке и отправлении земских повинностей. Дворянство было практически незаинтересовано в губернском и уездном хозяйственном управлении. Повинности поэтому падали почти исключительно на крестьян и мещан.

В 1805 году было обнародовано предварительное положение о земских повинностях и организации особого губернского присутствия для заведования ими. С этого момента начинается оживление и сколько-нибудь

действительное регулирование земского хозяйственного управления.

В 1833 году учреждаются губернские и уездные дорожные комиссии, затем строительные. С 1808 года налаживается деятельность городских и уездных квартирных комиссий. В 1834 году издано общее положение об обеспечении народного продовольствия. Наконец, в 1851 году издан Устав о земских повинностях и образованы губернские и уездные учреждения для заведования ими.

Земские повинности разделялись на денежные и натуральные. Денежные повинности подразделялись на государственные, губернские и частные (по сословиям и обществам). Натуральные повинности также подразделялись на общие, отправляемые всем населением губернии, и частные, особые для каждого города и села. Характеру задач и потребностей соответствовала и организация учреждений, главнейшими из которых были особое присутствие о земских повинностях и губернский комитет земских повинностей. И в том и в другом главное место занимало дворянство, причем многие должности были выборными.

Мы не будем останавливаться на том, как на самом деле действовала вся эта уже довольно сложная организация. С точки зрения авторов Земской реформы 1864 года и, тем

более, ее позднейших критиков, отправление земских повинностей нельзя было признать даже сколько-нибудь удовлетворительным. Наверное, можно назвать целый ряд причин этого состояния земской деятельности, из которых я назову одну, на мой взгляд основную. Правительство, даже желая призвать общественность себе на помощь, не сумело заинтересовать в своих реформах эту общественность. Дворянство, имея в своих руках выборное начало, пользовалось им весьма своеобразно, выбирая для исполнения земских дел далеко не лучших своих представителей, если не худших. Иначе и не могло быть, ибо все предпринятые относительно земства законодательные акты содержали в то же самое время жесткие ограничительные нормы, которые предоставляли местным земским учреждениям исключительно совещательные (другими словами „говорительные”) функции и передавали право решающего голоса центральному правительству. Результаты же подобного равнодушия самой общественности к делам своего местного общества в течение почти вековой деятельности (считая от времен Екатерины II) — были такие: ко времени реформ Александра II по всей России в ведении приказов состояло лишь 519 (!) больниц, 33 дома для умалишенных, 8 (!) воспитательных домов, 113 богаделен, инвалидных домов и домов для

неизлечимых больных, 23 сиротских дома, несколько училищ для канцелярских служащих, фельдшерских школ и исправительных заведений!

После обнародования „Положения 19 февраля 1861 года” — реформы освобождения крестьян — вряд ли у кого в российском обществе было сомнение в том, что за этой исторической реформой должны последовать и другие и, в первую очередь, реформа земского управления. Конечно, разные слои общества по-разному представляли себе пути, по которым она может или должна, по их мнению, пройти. При выработке положений Земской реформы столкнулись самые различные интересы и представления: старина и новизна, интересы одних — видеть земство самостоятельное и демократическое, других — земство самостоятельное, но недемократическое, третьих — иметь земство и недемократическое и несамостоятельное. В первую группу входили сторонники последовательного социально-политического обновления России, во вторую — земледельческое дворянство, которое, в большей своей части, хотело вознаградить себя за потери, причиненные ему недавней крестьянской реформой, а потому хотело видеть в земстве средство для себя удержать все, что еще возможно было. Третью группу составляла правящая бюрократия, ей хотелось так и остаться правящей

бюрократией при видимости существования свободных общественных учреждений.

Особенно ярко обозначилась эта взаимная борьба противоположных стремлений по двум вопросам — о социальном составе земских учреждений и о пределах и размерах компетенций государственного авторитета этих учреждений. Естественно, что по вопросу о социальном составе часть дворянства и бюрократия объединились против сторонников демократического земства. По второму вопросу бюрократия оказалась одна против дворянства и демократов, ибо разработка земской реформы была в руках именно правящей бюрократии. Поэтому, если в вопросе о социальном составе она готова была выдать векселя дворянству, то авторитетом она не хотела делиться ни с кем.

Полной победы не одержал никто. Реформа явилась, по выражению проф. Кизеветтера, равнодействующей для всех трех основных сил, между которыми развернулась борьба при ее выработке.

Согласно букве выработанного закона, в земские учреждения население данной области должно было выбирать своих представителей по трем избирательным собраниям — куриям, — носившим ярко выраженный сословный характер: собрание частных земледельцев, общества городские и общества сельские. Реформа, на словах оговаривая,

что характер земских учреждений по существу своему бессловный и имеет целью общие хозяйственные интересы данной местности, на деле проводила принцип сословности, ссылаясь на исторически сложившийся порядок сословного деления общества. Везде, где земства были введены, они рассматривались не как элементы государственной власти, призванные ограничивать и контролировать действия органов и представителей центральной власти, а как частные корпоративные организации, образующиеся для удовлетворения таких местных интересов, которые отличны от интересов государства.

Земства были введены в 34 центральных губерниях империи и не были установлены в Сибири, Туркестане, на Кавказе, в Польше, балтийских губерниях и на казацких территориях и некоторых других, где их открытие откладывалось на некоторое время.

Одновременно с сословностью земств и правовой, юридической ограниченностью институтов земства деловая компетенция земств была установлена необычайно широкой. По закону 1864 г. в нее входили: организация народного образования, здравоохранения, социальной помощи, развитие агрокультуры, торговли, индустрии, строительство и ремонт дорог и мостов, противопожарная служба, продовольственные запасы местности, местное почтовое обслужива-

ние и многое другое. Иными словами, трудно найти такую отрасль местной деятельности, которая бы была оставлена за пределами компетенции земства. Вдобавок на земства было возложено большое число обязанностей официального порядка: содержание тюрем, оплата расходов по передвижению полицейских и судебных властей, особые обязанности на случай военного положения и т. п. При этом государство практически, по этой реформе, отказывалось от всякой помощи земствам.

Если существовавшие до реформы земские учреждения (каков бы ни был их характер) почти полностью финансировались правительством, то новые земства получили лишь ничтожную часть тех средств, которые отпускались прежде. Поэтому вся будущая административно-хозяйственная деятельность земства зависела исключительно от тех новых финансовых средств, которые оно сумеет найти, от тех новых налогов, которые оно сумеет взыскать с населения.

Российскому земству суждено было возникнуть в качестве демократической институции не при конституционном и демократическом режиме, а при абсолютной монархии и на базе управляющей бюрократии. Земство нагружалось огромным числом обязанностей при минимуме прав, которые в дальнейшем правительство будет еще более урезать.

Я не буду приводить подробной статистики результатов земской деятельности до следующей по времени земской реформы 1890 года. Отмечу только, что даже в этих ограниченных условиях земства развернули достаточно активную деятельность, о которой абсолютные, а тем более сравнительные цифры мало что могут сказать. Важно и то, что земская активность с первых же шагов стала перерастать отмеренные ей законом рамки. Это неизбежно вело к тому, что земство вошло в затяжной конфликт с государством — как в лице центральной власти, так и, особенно, с ее представителями на местах.

Мнимое равновесие земских и правительственных учреждений, которое с таким трудом было достигнуто законодателями на бумаге, в тексте Земской реформы, разрушалось самыми обыденными фактами земской жизни. Земство далеко перешагнуло за пределы обязательных повинностей, в известной степени уклонилось от обычных методов управления абсолютистского государства. Удовлетворение земством новых потребностей, вызванных ростом производительных сил страны, энергичное вмешательство его, например, в дело народного образования, соответствующее увеличение местных финансовых средств, не всегда согласованное с словесными интересами, подчас даже противоречившее им — все это были крупнейшие

факты, с которыми нельзя было не считаться. Местная правительственная администрация, несмотря на то, что закон предоставил ей одинаковую с земскими учреждениями компетенцию, фактически была устранена от многих важных сторон жизни местного населения. Новые земские учреждения, едва вступив в заведование местными делами, самой логикой вещей втягивались в борьбу за влияние на общегосударственные дела, с которыми местное управление оказалось связанным огромным числом нитей. В самом же земстве господствующую позицию заняли не крупные землевладельцы, как представлялось законодателям, а среднее поземельное дворянство, обнаружившее известное тяготение к правовому порядку. На все это правительство не могло соответствующим образом не среагировать.

В период между двумя крупными земскими реформами — 1864 и 1890 гг. — был издан целый ряд указов и разъяснений, все более ограничивающих деятельность земств. Менялись министры — менялись законы. Уже через два года после Земской реформы последовали новые циркуляры, ограничивающие финансовую власть земства по отношению к торговле и промышленности. В 1867 г. были изданы правила о порядке производства дел в земских собраниях, усилившие до необычайной степени власть председателей со-

браний — предводителей дворянства. Другой закон 1867 г. установил губернаторскую цензуру для печатания постановлений и протоколов земских собраний и земских управ. Результат не замедлил сказаться — газеты и журналы вдруг замолчали о деятельности земских собраний, т. к. корреспонденты не могли печатать свои статьи без предварительного разрешения губернаторов. В последующие годы число высочайших разъяснений и циркуляров возрастало. Наиболее значительным из них было опубликованное в 1874 году новое „Положение о народных училищах”, которое фактически устраняло земства от заведования делом народного образования. В 1879 году последовал закон, обязывающий руководство земств предоставлять губернаторам сведения о „политической благонадежности” земских работников.

И все же земство действовало во всех областях культурной и хозяйственной жизни. Остановить или окончательно подавить активность земских учреждений не удалось. В последующие годы земство, наряду с непрекращающейся работой в культурной и хозяйственной областях, начинает организовываться и как политическая сила общества. Во всей полноте встал вопрос об объединении разрозненных сил земства, что повлекло за собой создание земских ассоциаций и союзов, начали собираться всероссийские зем-

ские съезды — как правило, без официальных разрешений. Земским вопросом интересуется и политическая подпольная и эмигрантская пресса.

Упомянем и замечательных штрих — объединение земством общих усилий в наиболее трудные для населения периоды — так, земство самочинно взяло в свои руки контроль за снабжением населения продовольствием во время голода в конце прошлого века или, например, собирало медикаменты и отправляло эшелоны с ними и с медицинским оборудованием на Дальний Восток во время русско-японской войны.

В 1903 году была образована неофициальная организация, известная под названием „Земские Конституционалисты”, в которую входили или поддерживали почти все земские работники. Конституционалисты сумели провести в большинстве земских собраний резолюции, призывавшие правительство отказаться от бюрократической формы правления в пользу конституционного правления. Этот призыв был окончательно сформулирован на первом Всероссийском съезде земств, который состоялся в Петербурге в ноябре 1904 года. В конце мая 1905 года Николай II принял депутацию от третьего земского съезда, возглавлявшуюся князем С. Н. Трубецким, и выслушал земскую программу конституционных реформ.

В результате именно политической активности земств революция 1905 года закончилась для русского общества провозглашением „Манифеста 17 октября” и созывом Государственной Думы.

В период 1905—1917 гг. земства развивали энергичную деятельность во многих областях экономики и культуры. Теперь это делать было легче, благодаря улучшению отношений с правительством и тому вниманию, которое уделялось его нуждам Государственной Думой. С одной стороны, следует признать, что, например, консервативное большинство как Третьей, так и Четвертой Дум не стремилось способствовать радикальной реформе довольно устарелых принципов земского управления, но, с другой, Дума выступала в защиту сохранения самого принципа местного самоуправления и склоняла правительство к расширению финансовой поддержки существующим земствам и к установлению новых в тех областях и губерниях страны, где они еще не существовали,

Финансовые субсидии правительства земству имели форму ассигнований на определенные нужды (развитие агрономии, школьное дело и др.) или представляли собой учреждения специальных правительственных фондов для сельских и городских местных организаций, чтобы дать им возможность обеспечить развитие, например, дела образования (вплоть до университетского).

В предвоенное десятилетие правительство, наконец, согласилось расширить земскую институцию в тех губерниях и территориях, где оно до сих пор упорно противилось их установлению. В 1911 году был проведен закон, санкционирующий создание учреждений местного самоуправления в пяти западных губерниях (Киевской, Волынской, Подольской, Минской и Могилевской) и в 1912 году закон был распространен на еще три области — Астраханскую, Оренбургскую и Ставропольскую. В дальнейшем планировалось введение земства на Дону, в Сибири и в других областях.

Последнее десятилетие существования российского земства отмечено необычайным ростом деловой и общественной активности земств. Хотя в стране формально действовало законодательство 90-х годов минувшего века, земство становится значительной общественной силой, все больше привлекая к себе внимание всех слоев населения. Почти все крупнейшие русские газеты и журналы отдают свои страницы обсуждению земских проблем, выходит огромное количество книг по общим и специальным вопросам местного самоуправления. Земство устраивает съезды и конференции, выставки, участвует в международных выставках и съездах по вопросам самоуправления. Земство само призывает граждан принять участие в госу-

дарственных делах. Обсуждения, анализы неудач или слабостей некоторых ветвей земской деятельности — все, все говорит о необходимости реформ, об установлении правового статуса земской институции в государстве. В потоке земской литературы нет-нет да и мелькают статьи с заголовками типа „Трагедия русского местного самоуправления” — но не надо как не преуменьшать, так и не преувеличивать подобного накала страстей. Государство так или иначе шло к осуществлению позитивных реформ.

Если вернуться теперь к вопросу о значении российского земства и необходимости знать его историю, то остается сказать совсем немного.

Конечно, нам не придется перенимать у нашего земства методiku деятельности, нам придется решать задачи совершенно новые и несравненно более сложные. Но что необходимо, совершенно необходимо взять у него, так это, во-первых, осознание нашей способности к деятельности на благо своей страны — полувековая и достаточно еще близкая нам по времени история российского земства являет собой пример и одновременно залог этой способности, как бы ни была она задавлена. Во-вторых, высокое чувство ответственности, каким обладало наше земство вообще. В литературе о земстве можно много раз встретить такое понятие, как

„земский либерализм”. И я позволю себе утверждение, в котором я убеждена, что этот земский либерализм есть наиболее совершенная форма либерализма вообще. Во всяком случае именно по чувству ответственности перед обществом (но и не только поэтому).

Наконец, что необходимо взять у нашего земства — это его нравственную основу. При этом я имею в виду самые простые понятия, такие, как душевность, забота о ближнем (а не дальнем или „забота вообще”), отзывчивость — человечество так оплакивает потерю их, что иногда кажется, что, может, и впрямь были времена всеобщего братства. Но и то правда, что хотя мир в своем стремлении вроде бы имеет целью достижение братства, на самом деле этих простых чувств становится все меньше. Я хочу сказать, что, например, разница между земским врачом или земским учителем, имевшим „общественный авторитет”, т. е. уважение народа, и нынешним учителем или врачом, являющимися „государственными служащими”, огромна. Это одна из труднейших современных проблем: как в условиях господства бездушной техники и не менее бездушной науки, при ее „массовых методах”, сохранить наличие душевного контакта в тех профессиях, в которых он изначально необходим, будь то воспитание или врачевание.

И еще хочется подчеркнуть, что ключи для решения важнейших проблем современного общества, в том числе и нынешней России, лежат, в первую очередь, в руках самого общества, а не государства. Именно об этом говорит история российского земства.

Печатается в сокращении. — Ред.

Список источников

1. Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России. Изд. 2-е. Петербург, 1917.

2. Богословский М. Областная реформа Петра Великого.

3. Цейтлин С. Я. Земская реформа. В кн. „История России в XIV веке”, т. 3. Изд-во бр. Гранат.

4. Цейтлин С. Я. Земское самоуправление и реформа 1890 г. В кн. „История России в XIV веке”, т. 5.

5. Общественное движение в России в начале XV века. Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. — С.-Петербург, 1909.

6. Russian Local Government During the War and the Union of Zemstvos. By T. J. Polner in collaboration with Pr. Vlad. A. Obolensky and S. P. Turin. — New Haven: Yale University Press, 1930.

7. Петрункевич И. И. Из записок общественного деятеля. Прага, 1934.

8. Дьюи Джон. Свобода и культура. — London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1968.

9. Белоконский И. П. Земское движение. 2-е изд. М., 1914.

10. Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления русского государства первой половины XVI века. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1957.

11. Ключевский В. О. Лекции по русской истории (ст. „Право и факт в истории крестьянского вопроса”). В кн.: В. О. Ключевский. Сочинения в 7 томах. — М.: Соцэкгиз, 1959.

12. Журнал „Земское дело” за 1912—1913 гг. (Двухнедельный журнал для разработки земских вопросов и всестороннего освещения деятельности и нужд земского самоуправления в России). С.-Петербург.

Славянофилы и реформы

Ю. Жедилягин

В 1972 году журнал „Вопросы истории” отмечал, что у нас в стране наблюдается „оживление интереса к славянофильству”¹. А в 1976 году В. Кулешов уже ставил прямой вопрос: „В чем причина того, что интерес к славянофильству снова сегодня поднялся у нас?”²... Этот интерес, как и интерес к истории России вообще, несомненно связан с процессом возрождения русского исторического самосознания, а следовательно — с началом культурно-психологической реакции общества на существующее положение.

В системе исторического материализма славянофильство как явление прежде всего культурно-историческое не поддается ни определению, ни убедительной критике. Если в 1939 году академик Н. Державин определял славянофилов как „группу националистически настроенной либеральной буржуазии”³, то в 1951 году славянофильство представлялось как „дворянская реакция на развитие капитализма и освободительного движения”⁴. А в 1972 году упомянутый уже исторический журнал, полностью игнорируя даже ту борьбу, которую пришлось вести Ю.Ф. Самарину с реакционной частью дворянства в период приготовления и разработ-

ки крестьянской реформы, писал, что „славянофилы предлагали решения стоящих перед Россией задач в интересах эксплуататорских классов”⁵... Естественно поэтому, что у самих же советских авторов возникает чувство, что все их разговоры о славянофилах остаются как бы „недоговоренными”, как будто „о чем-то еще не доспорили”⁶. Отчасти это связано просто с тем, что в области духовной культуры и общественно-политической мысли не всегда возможно выразить и объяснить на марксистско-ленинском жаргоне то, что легко выражается и объясняется на русском языке. Но главная причина этой „недоговоренности”, конечно, в том, что — для сохранения „стройности теории исторического материализма — от советских авторов во что бы то ни стало требуется доказать „бесплодную отвлеченность” славянофилов.

Но чем же, в таком случае, объясняется отмеченное „оживление интереса” к славянофилам? Вряд ли одной только их — причем искусственно раздутой — враждебностью к „гнилому” Западу и воспеванием самобытности русской культуры. Нам кажется, что в сегодняшних условиях России этот интерес обращен в первую очередь к той *национально-государственной альтернативе*, которую предложили в свое время славянофилы пораженному Крымской войной николаевско-

му — бюрократическому, принявшему западный облик — государству.

Противоречия в понимании „европейскости” России совершенно явно обнаружались в русском обществе в 1849 году, во время венгерских событий. Национальная общественность крайне недоброжелательно отнеслась к действиям русских войск в Венгрии и сам Д.А. Милютин, будущий реформатор русской армии, осуждал николаевскую интервенцию. Но русский император, будучи „западником”, в силу своего легитимизма „никаких резонов не принимал и был убежден в своем всемогуществе”⁷ — вплоть до Крымской войны. В отличие от наполеоновской кампании, эта война была воспринята в русском обществе как проявление культурно-политической вражды, как поход Европы на Россию и нанесла тяжелый моральный удар в первую очередь тем, кто уже был готов воспринять величие западного просвещения. Русские западники почувствовали себя „обманутыми Европой” и в большинстве своем осознали, как говорил П.В. Анненков, что они „любили не действительную Францию, а Францию идеальную, воображаемую, фантастическую...”⁸. Нельзя недооценивать глубину психологического кризиса, возникшего в русском обществе в результате Крымской войны. Фрейлина А.Ф. Тютчева, будучи свидетельницей перехода от

царствования Николая I к царствованию Александра II, говорила, что Николай I видел, „как под ним рушились подмостки того иллюзорного величия, на которое он воображал, что поднял Россию”⁹. И это видела вся русская общественность. П.А. Валуев, бывший в то время Курляндским губернатором, писал в 1855 году: „Взгляните на дело, всмотритесь в него, отделите сущность от бумажной оболочки, то — что есть, от того — что кажется, и — редко где окажется прочная, плодотворная почва”¹⁰.

Ю.Ф. Самарин в своей, можно сказать, „исторической притче”, опубликованной в „Русской Беседе” в 1857 году, после выхода очерка Н. Орлова „О трехнедельном походе Наполеона против Пруссии в 1806 г.”, сознательно подчеркивал, что бюрократизированное прусское государство истощало до войны народные соки и, не восполняя их, сделало народ безразличным. Самарин говорил о Пруссии, но думал о России: „Где лишается законных прав своих критика слова, там мстит за нее неотразимая критика событий, и эту критику самовольная, самоуверенная Пруссия должна была принять из рук надменного победителя... Пруссия не искала себе оправдания, не старалась уйти от собственного унижения и, с полным сознанием своей слабости, своих ошибок и своей испорченности, приступила к трудному подвигу

самоисправления”¹¹. Иными словами — встала на путь реформ. Именно этот путь „трудного самоисправления”, путь реформ, рожденных творческим осмыслением нравственных и культурно-исторических традиций народа, а не абстрактными теориями отвлеченного либерализма, и связанных с конкретной культурной почвой и живой действительностью, предложили России после крымского поражения Самарин и его единомышленники.

Величайшая историческая заслуга славянофилов в том, что в трагической обстановке 1855-56 годов они — связав свои идеи реформ с делом общенационального возрождения — придали русской общественно-политической мысли ту творческую динамику, которая должна была вывести Россию на путь развития своего национального, правового государственного устройства.

Кризис был превзойден общим патриотическим подъемом, единым национальным стремлением к обновлению страны, мобилизовавшим все творческие силы общества — не только славянофилов, но и всех тех западников, которые сумели понять, что им не нужно себя „выносить за национальные скобки”, чтобы быть европейцами... Л. Толстой восторженно говорил, что „кто не жил в 1856 году, тот не знает, что такое жизнь”. Это было время, когда „писали, читали, го-

ворили и все россияне, как один человек, находились в неотложном восторге”¹². Заслуга же императора Александра II в том, что он проявил глубокую политическую прозорливость и, ощутив мощную патриотическую общественную опору, решительно стал на путь преобразования всей русской жизни и призвал к служению России лучших государственных деятелей того времени.

Выражаясь словами И.В. Киреевского, можно сказать, что в связи с Крымской войной в стране выявилось „общее почти для всех мыслящих людей искание особого православного начала для просвещения, не сознаваемого, по большей части, но чувствуемого каким-то неясным чутьем”¹³. Это говорило о том, что в этом переломном периоде нашей истории произошла своеобразная революция: была отвергнута идея николаевского „европеизма” и на смену ей была выдвинута та национально-государственная идея — идея государства, опирающегося на национальные культурно-политические традиции, — которая вынашивалась в славянофильской общественности еще с 30-х годов. Эта идея не была антиевропейской, она не исключала Россию из системы государств христианской культуры. А.С. Пушкин в отзыве на „Историю русского народа” Н. Полевого писал: „Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть

христианство. В сей-то священной стихии исчез и обновился мир. История древняя есть история Египта, Персии, Греции, Рима. История новейшая есть история христианства. Горе стране, находящейся вне европейской системы!"¹⁴.

И.В. Киреевский, будучи лично знаком с Гегелем и Шелингом, считал Западную Европу своим „вторым отечеством" и первый свой журнал назвал „Европеец". В Киреевском, как говорил М.П. Погодин, „свет западного просвещения как бы преломился и, отразившись, обратился, так сказать, на озарение своих истоков и обличил неполную доброзначность западного развития"¹⁵. Но это чувство, по словам Погодина же, „не увлекало Киреевского в противоположную крайность — он не развивал презрения ко всему иностранному"¹⁶. Такое реальное понимание Запада, в отличие от его идеализации, было возможно только благодаря сознанию, что Россия — не „пробел в нравственном миропорядке" (Чаадаев). Ставя вопрос о самобытности русской культуры и не отрицая при этом ее европейского характера, славянофилы выступали не как антизападники, а как *русские европейцы*. Будучи почвенниками, они были *русскими реалистами*.

Вне реальности, вне того общего творческого подъема, который ознаменовал начало

царствования императора Александра II, оказались фактически только те „крайние западники”, западничество которых осуществлялось в служении мировой социалистической революции. Именно здесь, в западной общественной, обнаружился культурный и политический водораздел: если Белинский понимал национальное значение Пушкина, то Писарев, например, хотел его „развенчать”... В общественно-политической жизни середины прошлого века уже совершенно ясно обнаружилось и антигосударственность, и полное отсутствие патриотизма, и доктринерство тех западников-революционеров, „духовные ценности” которых иногда пытаются сегодня, на страницах советской печати, связать с „теориями славянофилов”.

„Почему славянофильские теории в той или иной форме противопоставлять тем духовным ценностям, которые были созданы революционными демократами?”, спрашивает, например, В. Кулешов¹⁷, забывая при этом, что сам же Ленин отделял „революционную демократию” от всей национальной общественности, в которую он включал, совершенно справедливо, и западников — К. Д. Кавелина, Т. Н. Грановского, П. А. Анненкова и других. Понимая несостоятельность попыток совместить идеологический догматизм революционеров с национальными, культурными и духовными ценностями

славянофилов, В. Дьяков, со своей стороны, подчеркивает, что „революционно-демократическое направление, с первых же шагов, противостояло либерализму в целом, т.е. и западникам и славянофилам”¹⁸.

Поясняя вражду славянофилов к революции, Ю. Ф. Самарин писал: „Революция есть не что иное, как рационализм в действии, иначе — формально правильный силлогизм, обращенный в стенобитное орудие против свободы живого быта. Первой предпосылкой служит всегда абстрактная догма, выведенная априорным путем — обобщением исторических явлений известного рода. Вторая предпосылка заключает в себе подведение под эту догму данной действительности и приговор над последней, изрекаемый исключительно с точки зрения первой: действительность не сходится с догмой и потому осуждается на смерть. Заключение облекается в формулу повеления и, в случае сопротивления, приводится в исполнение посредством винтовок и пушек, или вил и топоров, что не меняет сущности операции, предпринимаемой над обществом”¹⁹.

Много было препятствий на реформаторском пути России. Нужна была целенаправленность общественных лидеров, нужна была напористость. Но активная позиция славянофилов в деле отмены крепостного права, в деле земской реформы и подготов-

ки всех дальнейших преобразований, „говорит сама за себя”²⁰. Славянофилы выступали за свободу слова, придавали важнейшее значение гласности суда, требовали созыва земских соборов и предлагали целый ряд реформ для развития промышленности. В журнальной полемике, в политических брошюрах и в записках на высочайшее имя славянофилы „активно заявили о себе по всем животрепещущим вопросам своего времени”²¹. Но не просто „заявили о себе”, а представили государственные задачи в том новом национальном свете, который озарил и обосновал путь реформ.

Записка Ю. Ф. Самарина 1856 года „О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе” пролежала на письменном столе императора всю зиму 1856-57 годов. К ней неоднократно возвращался Александр II до того, как принять решение о создании „секретного комитета по крестьянскому делу”. Немало творческих усилий в деле крестьянской реформы приложил и А. И. Кошелев, который еще с детства дружил с братьями Киреевскими и с В. Ф. Одоевским. Кошелев еще в 40-х годах доказывал преимущество вольнонаемного труда перед крепостным, а затем принимал непосредственное участие в подготовке реформы в качестве члена Рязанского губернского комитета по крестьянскому делу. Важнейшую

роль в подготовке этой реформы сыграл и В. А. Черкасский, член Тульского губернского комитета, ставший потом членом Редакционной комиссии, а в 1864 году разработавший вместе с Ю. Ф. Самариным и Н. А. Милютиным закон о предоставлении в собственность крестьянам (в Польше) находившихся в их пользовании земель. Сам же Николай Алексеевич Милютин был с 1859 года фактическим руководителем работ по подготовке крестьянской реформы.

В 1857-58 годах в многочисленных статьях, брошюрах и записках многих выдающихся общественных деятелей — В. А. Черкасского, А. И. Кошелева, а также западника К. Д. Кавелина и др. — были высказаны идеи и предложены проекты значительно более „смелые” по крестьянскому вопросу. Но Ю. Ф. Самарин настаивал, чтобы „не вдруг, а постепенно”. Видя реальную возможность реформ и дальнейшего продвижения по пути преобразования общества и государства, он не хотел „пугать”, не хотел упустить эту возможность, и в письме А. И. Кошелеву подчеркивал, что „вести одновременно спор с дворянством и правительством, считаю делом невозможным”²². Самарин заботился о том, чтобы „втиснуть, если не все желанное, то по крайней мере все необходимое на первое время и достаточное для определения дальнейших мер”²³. Крестьянская реформа

была, по замыслу ее подготовителей, только первым шагом. Этим и объясняются, конечно, ее недостатки, например, „переходной этап” с идеей „временно обязанных”, которая, вероятно, не давала крестьянам возможности ощутить всю полноту своего освобождения. Кроме того, настояв на сохранении общины, славянофильские деятели реформы затормозили в значительной мере процесс возрождения крестьянского хозяйства. Каким-то образом, изменяя своему реализму, славянофилы думали, что община есть русское национальное воплощение начал общественной справедливости, забывая, что она была навязана административно — для удобства собирания податей. Выйдя из-под власти помещиков, крестьяне оказались под властью сельской общины. Ошибка была исправлена только в 1906 году, после проведения реформы Столыпина.

В декабре 1861 года Иван Аксаков, отмечая в газете „День”, что обнародование крестьянской реформы „сдвинуло оба сословия (дворянство и крестьянство — Ю. Ж.) с векового подножья”, настаивал на том, что дворянам „необходимо теперь определить себе самим, что они такое”²⁴. А в январе 1862 года он выступил в той же газете со статьей „о самоуничтожении дворянства как сословия”, предлагая дворянству просить распространения своих прав на все осталь-

ные сословия и тем прийти к „нравственному единству и цельности русской земли”²⁵... Под впечатлением февральских событий 1848 года во Франции деятели славянофильской общественности осознали, что уже перед всей Европой стал вопрос „социальный” с неменьшей силой, чем вопрос политический. Но воспринимая этот факт как перевоплощение политических проблем в „социально-политические”, славянофилы — в отличие от революционеров — не „эксплуатировали” социальные явления в политической борьбе.

Не выступая против монархии как исторической власти, славянофилы выступали против авторитарного бюрократизма. К. С. Аксаков писал Александру II: „Правительство не может, при своей неограниченности, добиться правды и честности — без свободы общественного мнения это невозможно. Все лгут друг другу, видят это и продолжают лгать... Все зло происходит главным образом от угнетательной системы нашего правительства, угнетательной относительно свободы мнения, свободы нравственной”²⁶. Централизованному, бюрократическому николаевскому государству славянофилы противопоставили идею развития земства — местного самоуправления на выборных началах. И в разработке этой важнейшей Земской реформы 1864 года — первого решительного

шага на пути разделенного управления, на пути ограниченной монархии — они сыграли, как и в деле крестьянской реформы, первостепенную роль.

Особую активность в подготовке этой реформы проявил П. А. Валуев, близкий к славянофилам выдающийся государственный деятель, принимавший участие еще в законодательной работе М. М. Сперанского. В доме своего тестя, поэта П. А. Вяземского, Валуев неоднократно встречался и с А. С. Пушкиным. Будучи уже Курляндским губернатором, он выступил с запиской „Дума русского во второй половине 1855 года”, в которой подверг критическому анализу всю правительственную систему Николая I. Под его руководством и начались работы по Земской реформе, в которых участвовал и А. И. Кошелев, автор опубликованной в 1862 году брошюры „Конституция, Самодержавие и Земская дума”. После реформы 1864 года Кошелев, как и многие другие славянофильские деятели, принимал активное участие в работах органов земского и городского самоуправления.

Быстрое развитие земского дела было обеспечено тем, что оно привлекало культурные силы общества, которые до реформы не имели возможности активно участвовать в жизни страны. Подписанное в 1864 году „Положение о земских и уездных учреждениях”,

хотя и было частично урезано по сравнению с первоначальными проектами славянофилов, все же открыло большое поле действия для гражданской инициативы людей. Земство охватило широкую сферу деятельности, включая народное образование, народное здравоохранение, благотворительные учреждения, ветеринарию и агрономию, помощь развивающемуся кустарному промыслу и многое другое, — вплоть до организации складов, закупки сельскохозяйственной техники, создания курсов по садоводству и т.д. Активная земская деятельность развивалась на фоне общего экономического и промышленного подъема страны в 1861-1890 годах, в котором городские самоуправления сыграли не маловажную роль.

Земство сумело быстро поднять свою организацию до уровня Губернских Земских Собраний, так сказать местного парламента, в который входили гласные, избранные уездами. Его постоянным исполнительным органом была Губернская Земская Управа, избранная этим Собранием. Ниже были Уездные Земские Собрания и Уездные Земские Управы. Уже в конце 1865 года петербургское Губернское Земское Собрание предложило правительству идею учреждения „центрального” земского собрания, то есть центрального представительства всех земских собраний, а в 1867 году высказа-

лось в пользу участия земства в законодательной работе. Иначе говоря, те активные общественные силы, которые привлекала земская деятельность, могли мирно и постепенно довести организационное развитие земства до такой степени, когда оно приобрело бы значение общенационального парламента, рожденного идеей служения и конкретными делами.

Чтобы остановить реформы, лишавшие ее перспектив „крутой ломки” всей русской государственности, революционная демократия решилась на убийство Александра II. Император погиб в день, когда подписал проект закона о привлечении земских деятелей к руководству общегосударственными делами. Прямым последствием убийства Александра II было поражение славянофилов как общественно-политического течения. Была сломлена „пружина” реформаторской динамики.

Последовавшее в 1890 году сокращение прав земств в административном порядке и подчинение их административному контролю задержало органическое развитие местного самоуправления на пути становления русской конституционной государственности, но не уничтожило ни саму идею свободной гражданской самодеятельности, ни волю к ее осуществлению. Земская идея не умерла, но она была впредь связана с вопросом обще-

государственного устройства, то есть с вопросом ограничения самодержавия.

И, наконец, уже в условиях конституционного строя, земские кадры явились естественным костяком той политической силы, на которую — через ее представителей в Государственной думе — смог опереться П. А. Столыпин для проведения своих реформ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Е. Дудзинская. Буржуазные тенденции в теории и практике славянофилов. „Вопросы истории”, № 1. — М., 1972.
2. В. Кулешов. Славянофилы и русская литература. — М., 1976, с. 5.
По мнению автора, „живучесть славянофильства тем и объясняется, что всегда находились социальные силы, которые были заинтересованы в возрождении его идей”. Какие же это могут быть „социальные силы” в бесклассовом „развитом социализме”?
3. Н. Державин. Герцен и славянофилы. „Историк-марксист”, № 1. — М., 1939.
4. А. Дементьев. Очерки по истории русской журналистики 1840-1850 гг. — М. Л., 1951, с. 355.
5. Е. Дудзинская, ук. соч.
6. В. Кулешов, ук. соч., с. 5.
7. П. Зайончковский. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. — М., 1978, с. 181.
8. Цит. у Прот. В. Зеньковского. Русские мыслители и Европа. — Париж, 1955, с. 40.

9. А. Тютчева. При дворе двух императоров, т. 1. — М., 1928, с. 98.
10. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел, т. 1. — М., 1961, с. 19.
11. Барон Б. Э. Нольде. Юрий Самарин и его время. — Париж, 1978, с. 91.
12. Л. Толстой. Декабристы. Соб. соч., т. 3. — М., 1979, с. 357.
13. Дневник И. В. Киреевского — 15 марта 1852 — 20 апреля 1854. In "Jahrbücher für Geschichte Osteuropas". E. Müller. Июнь 1966, с. 109.
14. А. С. Пушкин. История русского народа Полевого. Полное соб. соч., т. VII. — Л., 1978, с. 100.
15. Цит. у Барсукова. „Жизнь и труды Погодина”, т. XIV. — СПб, 1890, с. 576.
16. Там же.
17. В. Кулешов, ук. соч., с. 5.
18. В. Дьяков. Освободительное движение в России 1825-1861 гг. — М., 1979, с. 112.
19. Барон Б. Э. Нольде, ук. соч., сс. 229-230.
20. Е. Дудзинская, ук. соч.
21. Там же.
22. Барон Б. Э. Нольде, ук. соч., с. 102.
23. Там же.
24. „День”, 2.12.1861.
25. „День”, 6.1.1862.
26. Сб. „Ранние славянофилы”. — М., 1910, с. 90.

К столетию Сан-Стефанского мирного договора

Н. Рутыч

...Идут как будто бы с парада
Иль не оставили следа
Недавний лагерь у Царьграда
Чужой язык и города?
За ними снежные Балканы
Три Плевны, Шипка и Дубняк...

А. Блок

Возвращению гвардии после окончания Освободительной войны 1877-78 гг. посвящено начало первой главы блоковского «Возмездия». Тридцать с лишком лет спустя, в 1910 году, когда Блок начал свою поэму, эта война все еще оставалась самой популярной из всех войн, которые когда-либо вела Россия за границей.

Войны в далеких от русской родной земли странах никогда не вызывали в народе особенного подъема. Даже заграничные походы 1813 г. и занятие Парижа вызывали сомнение у значительной части общества, не говоря уже о колебаниях самого фельдмаршала Кутузова. Здесь же, наоборот, хотя с самого начала войны было известно, что Россия не претендует ни на Константинополь, ни на какие-либо завоевания в тогдашней европейской Турции, не только пресса, общественное мне-

ние, но и масса простых людей, бросая деньги в приходскую кружку на помощь братским славянским народам, как бы подталкивали правительство Александра II на развязывание военных действий.

В 70-е годы прошлого века вся Россия напряженно следила и горячо откликалась на события в Османской империи. Уже герцоговинско-боснийское восстание 1875-76 гг. вызвало повсеместные сборы пожертвований. Первые русские добровольцы отправились на помощь восставшим. Апрельское восстание в Болгарии и гибель в мае 1876 г. отряда добровольцев Христо Ботева еще больше взволновало русское общество. На свирепые турецкие репрессии отзывались многие русские писатели. Тургенев выступил в тогдашнем самиздате со своим знаменитым стихотворением «Крокет в Виндзоре» (цензура пропустила эти стихи только после войны), осуждая позицию невмешательства, занятую английским правительством. А Достоевский вскоре после объявления войны писал в своем дневнике:

«Эта неслыханная война, за слабых и угнетенных, для того, чтобы дать жизнь и свободу, а не отнять их, — это давно уже теперь неслыханная в мире цель войны...»

Русское правительство и сам император Александр II долго колебались, прежде чем решиться на войну, настойчиво пытались пу-

тем дипломатического давления на Оттоманскую империю вынудить ее на более умеренный курс во внутренней политике и, главное, на реформы в провинциях со славянским населением.

Но все было напрасно. Турецкие репрессии вызвали в 1876 г. сербско-черногорско-турецкую войну. Добровольцы генерала Михаила Григорьевича Черняева не могли изменить положения, в основе которого лежало огромное численное и техническое преимущество турецкой армии над сербской. Но они своим порывом призвали Россию к солидарности с угнетаемыми славянскими народами. И тогда правительство Александра II, заручившись нейтралитетом Австрии, потребовало от Турции в ультимативной форме отвода войск из Сербии и проведения реформ согласно Лондонскому протоколу великих держав, подписанному также Россией. Турция ответила отказом. И тогда — 24 апреля 1877 г. — Александр II подписал манифест об объявлении войны.

План войны был составлен ближайшим сотрудником военного министра Милютина генералом Николаем Николаевичем Обручевым. Генерал Обручев, будучи молодым офицером Генерального штаба, отказался участвовать в 1863 г. в подавлении польского восстания. Друг Герцена и Огарева, один из подпольных организаторов «Земли и Воли», он в то же время был участником реформатор-

ской деятельности генерала Милютина, пользовавшегося неограниченным доверием у императора Александра II.

По плану генерала Обручева русские войска должны были, с согласия Румынии, сосредоточиться на Дунае, форсировать его и, выставляя заслоны против мощной системы турецких крепостей на южном берегу Дуная, стремительным броском перевалить через Балканы и выйти к Константинополю.

Но русское командование недооценило турецких сил. Турки сумели сосредоточить в северной Болгарии 190.000 штыков, в то время как в четырех первых русских корпусах, подошедших к Дунаю, было 150 тысяч. Пришлось ожидать середины июня, когда закончат мобилизацию и подойдут 9-й и 13-й корпуса. Только тогда 14-я дивизия генерала Драгомирова получила приказ форсировать Дунай в районе Зимница.

Главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич-старший, сам царь и весь генералитет армии собрались на берегу Дуная, чтобы лично убедиться, на что способна новая армия, призванная по мобилизации — впервые после введения закона о всеобщей воинской повинности в 1874 году.

За ночь на 15 (27) июня на южный, высокий берег Дуная успело высадиться только 12 рот без артиллерии. В рукопашном бою они отбили несколько ожесточенных турецких контратак и удержали занятый плац-

дарм. В 11 часов утра большая часть 14-й дивизии была уже на южном берегу и, поднятая своим командиром в общую атаку, одним рывком заняла Систово.

«В первые же дни своего пребывания в Систово я посетил тот уголок дунайского берега, где переправлялись на лодках под градом ядер и гранат русские войска с Драгомировым и Скобелевым во главе, — вспоминает болгарский писатель Иван Вазов. — Всё Систово, еще бывшее под обаянием великого события, которое принесло ему свободу, рассказывало чудеса о героической неустрашимости русских воинов на волнах Дуная и на берегах его, где оно было трепетным зрителем происходившего».

Новая пореформенная русская армия сдала свой первый экзамен.

Вскоре после этой переправы передовой отряд генерала Гурко занял Шипкинский перевал и перевалил через Балканы. Казалось, путь на Константинополь был открыт. Но 15-тысячный русский отряд столкнулся с 45-тысячной армией Сулеймана-паши, срочно переброшенной из Албании и Сербии. Перед отходом обратно к перевалам, на Шипку, в сражении у Старой Загоры Сулеймана-пашу вместе с русскими полками передового отряда генерала Гурко сдерживало и болгарское ополчение, показавшее себя, по словам командовавшего им генерал-майора Столбова, блистательным. С августа по декабрь продолжалось «сидение» на Шипке. Особенно в начале оно далеко не было «спокойным», как потом зимой доносил генерал Радецкий. Так,

например, 5 дней и ночей (21—26 августа) отбивал непрерывные атаки Сулеймана-паши 36-й Орловский полк. Когда кончились патроны, отбивались штыками и камнями. Шипку спасла прибывшая частично на крупах казачьих лошадей 4-я Одесская стрелковая бригада, прославившаяся впоследствии под командой генерала Деникина в первой мировой войне.

«С тех пор — пишет он («Путь русского офицера», изд. им. Чехова, с. 330) она носила название «Железной», и имя это вошло в обиход всей российской армии и получило признание в словах Высочайшего рескрипта на имя полковника фельдмаршала Гурко, бывшего впоследствии шефом ее 14-го полка».

Переход к обороне по Балканскому хребту совпал с маршем армии Османа-паши из Видина в Плевну и попыткой сильной армии Махмеда-Али нанести удар из Шумцов на Руцук, с тем чтобы отрезать русских от Дуная. Отряд наследника престола — будущего царя Александра III — сумел парализовать Махмеда-Али на левом фланге, но на правом после двух неудачных штурмов Плевны, пришлось, как и на перевалах, перейти к обороне. Ожидали прибытия свежих войск — Гренадерского корпуса из Москвы и 2-й гвардейской дивизии со стрелковой бригадой из столицы.

А полевые укрепления Плевны росли. К Осману-паше тоже подходили подкрепления. К югу от Плевны, прикрывая путь на Софию,

выросли редуты Горного Дубняка.

Горный Дубняк. Его недаром дважды упоминает Блок в своей поэме. На штурм его редутов с ходу пошла только прибывшая 2-я гвардейская дивизия. Новые американские винтовки, скупленные турецким правительством после окончания гражданской войны в США, позволили защитникам редутов открыть огонь невиданной плотности. Падали знамена. Один за другим выбывали из строя убитыми или ранеными командиры батальонов лейб-гвардии Московского, Финляндского, Павловского полков. Но снова и снова роты подымались в атаку. Потрясенный потерями, генерал Гурко был готов отдать приказ об отступлении. Но порыв гвардии нельзя было остановить. Группа солдат Московского полка все же добралась до рва и, подняв в последнюю атаку остальных, дорвалась до главного редута. Темнело, шел 12-й час с начала боя.

В 1939 году в дни сентябрьской мобилизации Ленинградского военного округа автору этих строк довелось видеть в бывших казармах лейб-гвардии Московского полка на Выборгской стороне Ленинграда несколько запыленных и помятых парадных киверов с позеленевшими бронзовыми буквами над козырьком «За Горный Дубняк». Тогда в 1939 году, когда картины друга генерала Скобелева Верещагина («апологет царского империализма»), написанные под Плевной и на Шип-

ке, валялись в запасниках Русского музея, ни одному политруку не приходило в голову объяснить, что означают эти бронзовые буквы... Но память о войне 1877-78 года все еще была жива в русском народе. И 5 лет спустя, в 1944 году, Сталин воспользовался ею. Но только для того, чтобы навязать Болгарии диктатуру своей партии и прислать своих ставленников во главе с освободившимся от коминтерновских забот Димитровым. Но об этом ниже...

Осенью 1877 года, после третьей неудачи под Плевной, когда никто не поддержал Скобелева, прорвавшегося у Зеленых гор почти до самого города, на место генерала Зотова прибыл герой севастопольской обороны Тотлебен. Он окончательно блокировал Плевну, отрезав ее от путей снабжения, проходивших через Горный Дубняк. Оставшись без продовольствия, генералы Османа-паши решили на совещании 1 декабря идти на прорыв. Но на дороге в Софию все еще 50-тысячная армия Османа-паши встретила Гренадерский корпус, который отбросил ее назад в Плевну. 10 декабря Осман-паша сдался, имея все еще 45 тысяч солдат и офицеров. Император Александр II лично вернул ему саблю.

Несмотря на суровую зиму, русское командование поспешило выйти на открывшийся маневренный простор. С помощью болгарского населения, расчищавшего занесенные

снегом горные дороги и помогавшего тащить на руках пушки, генерал Гурко спустился в софийскую долину и 4 января 1878 года занял будущую столицу Болгарии. А стоявшие на перевалах войска Радецкого начали второй переход через Балканы. Умело маневрируя, дивизия генерала Скобелева атаковала с фланга армию Вессель-паши и вместе с другими частями вынудила ее к сдаче под Шипкой-Шейновым. Еще глубже в турецком тылу генерал Гурко окончательно разгромил в трехдневном бою под Филиппо армию Сулеймана-паши. 20 января его авангард занял Адрианополь. Теперь дорога в Константинополь была действительно свободна. Последняя турецкая армия Мехмета-Али была заперта в Шумле и Варне. 30 января было занято предместье Константинополя Сан-Стефано, где на другой день было подписано перемирие. Тяжелый зимний поход за Балканы увенчался полным успехом. Его прямым результатом был подписанный 3 марта Сан-Стефанский мирный договор.

День подписания этого договора справедливо считается первым днем независимости Болгарии. Никто и никогда позже не мог добиться лучших условий для Болгарии, чем граф Николай Павлович Игнатьев. Даже 34 года спустя, после первой победоносной Балканской войны 1912 года, Болгария не могла получить тех границ, на которые с характерной для него решительностью заставил согласиться Турцию граф Игнатьев.

Действительно, Болгария, став по Сан-Стефанскому договору автономным, но в то же время совершенно независимым конституционным княжеством, избавилась раз и навсегда от турецких гарнизонов. Ее территория охватывала пространство от Дуная до Эгейского моря и от Черного моря до Орхидского озера. Иначе говоря, в Болгарию по Сан-Стефанскому договору входила почти вся Фракия (с ее тогда многочисленным болгарским населением) и вся Македония до самых Салоник.

Тогда же полную независимость получили и расширили свои границы Румыния, Сербия, Черногория. Россия же в Европе удовлетворилась лишь возвращением южного угла Бессарабии, уступленного после Севастопольской обороны по Парижскому мирному договору 1856 года.

Первым, кто выступил за пересмотр Сан-Стефанского договора был министр иностранных дел Австрии граф Дьюла Андрoши-старший, добившийся сразу крупных военных кредитов на мобилизацию армии. Его поддержал лорд Биконсфильд, а затем фактически и Германия, и Франция.

На Берлинском конгрессе Болгария была разорвана на три части: Фракию и Македонию вернули Турции, а из южной забалканской части Болгарии создали искусственную турецкую автономную провинцию под названием Восточная Румелия. Зато Англия получила Кипр, Австрия оккупировала Боснию и Гер-

цеговину, Франция получила согласие на протекторат над Турецким Тунисом...

Когда после Берлинского трактата русские войска покидали Апашкертскую долину в Малой Азии, вместе с ними уходила часть армянского населения. Оставшиеся армяне или погибли еще при султани Абдул Гамиде, или были добиты в 1921 году... Но это уже другая тема.

Возмущенный дипломатическим поражением в Берлине, навсегда порвал с министерством иностранных дел граф Игнатъев. Но в сохранившей свою самостоятельность части Болгарии, несмотря на всё, началась независимая государственная жизнь. Созданный при ближайшем участии князя Урусова и Лукьянова (заведывавшего судебным отделом русской гражданской администрации в Болгарии) проект Конституции был предложен Учредительному собранию в Тырнове. Никто этот проект не навязывал. Он лег в основу одной из самых либеральных конституций своего времени. Через год после Берлинского конгресса русских войск уже не было в Болгарии.

Еще накануне победы, перед самым концом войны Достоевский писал:

«...У России, как нам всем известно, и мысли не будет, и быть не должно никогда, чтобы расширить свою территорию, присоединить их к себе политически, сделать из их земель губерний и краев... да сохранит Бог Россию от этих стремлений, и, чем больше она

выкажет полного политического бескорыстия относительно славян, тем вернее достигнет объединения их около себя...»

Но, как подчеркивал Достоевский, — объединения нравственного, служащего «высшим, бескорыстным идеям».

Можно было бы привести немало примеров, когда и русские и болгары следовали этому завету. Одним из них является судьба выдающегося военачальника генерала Радко Дмитриева, выдвинувшегося во время Балканской войны 1912 года. Будучи посланником в Петербурге, Радко Дмитриев с первого дня мировой войны вступил в русскую армию, порвав с правительством царя Фердинанда. Уже в ходе галицийской битвы он принял от генерала Рузского 3-ю армию, взявшую Львов. Затем он не менее доблестно и искусно командовал 2-м сибирским корпусом и 12-й армией, прикрывавшей на Двине, под Ригой, важное петроградское направление. Осенью 1918 года генерал Радко Дмитриев погиб во время гражданской войны, до конца оставаясь верным России. Он был расстрелян вместе с генералом Рузским как заложник в штабе Кавказской (позже 11-й) Красной армии во время наступления Добровольческой армии Деникина на Кубани.

И все же надо признать, что вопреки многочисленным примерам тесной русско-болгарской дружбы, опасение Достоевского в какой-то степени оказалось пророческим. Ес-

ли Россия, выражаясь его словами, сохранила «политическое бескорыстие» и не пыталась превратить Болгарию ни в свой протекторат, ни удержать ее во власти своих проконсулов, то при вступлении Советской армии в Болгарию в 1944 году руководство КПСС поспешило послать вслед за войсками Коларова, Димитрова и многих других, давно ставших профессиональными работниками Коминтерна.

И маршал Жуков («Воспоминания и размышления», М. 1969 г.), и маршал Бирюзов («Суровые годы», М. 1966 г.) рассказывают, как Сталин перед наступлением в Болгарию посылал их в Москве к Димитрову за «руководящими указаниями». Бирюзов прямо пишет о роли Заграничного бюро ЦК БРП в подготовке захвата власти. Он перечисляет многих работников болгарской компартии (находившихся в Москве с 1924 года), посланных в Болгарию в 1944 году для участия в этом захвате: Георгий Дамянов, сменивший в дальнейшем генерала Вельчева на посту военного министра; Иван Михайлов, ставший командующим артиллерией, а потом министром обороны; Иван Кинов, принявший вскоре пост начальника генерального штаба; Захари Захариев, назначенный начальником ВВС... Список Бирюзова можно было бы продолжать еще долго. Сам он признает, что, будучи председателем союзной Контрольной

комиссии, верил в абсолютную непогрешимость Сталина. Несмотря на погонь и на претензии представить себя и окружающий его штаб в качестве преемников русской армии, освободившей Болгарию в 1877 году, Бирюзов действовал как типичный партийный работник. Достаточно привести его слова о болгарском митрополите Стефане и о бывшем протопресвитере русской армии отце Георгии Щавельском (оставившем исключительные по своему интересу воспоминания, широко использованные и Солженицыным в его «Августе 14-го»):

«С победой народно-демократической революции Стефан..., оставаясь, конечно, врагом болгарских трудящихся, ... на руководящие посты своей экзархии ставил, как правило, наиболее реакционных церковников. Ближайшим советником при себе держал русского белоэмигранта, бывшего духовника Николая II протопресвитера Щавельского, известного своей ненавистью ко всему советскому...»

Только партийное начальство могло продиктовать Бирюзову эти слова о православной церкви. В них нет ничего русского.

Вот уже три десятилетия как русско-болгарская дружба проходит через жестокие испытания. Не будем больше приводить цитат. Но все же скажем, что в столетнюю годовщину Сан-Стефанского договора русские могут с чистой совестью повторить, что тогда, в 1878 году, они выполнили призыв, выбитый на медали за поход 1877-78 годов: «Не нам, не нам, а имени Твоему».

Несколько штрихов к портрету Александра II

А. Столыпин

Обращаясь к своему воспитаннику, поэт Жуковский закончил одно из своих произведений словами: „И будь на троне человек”. В этой краткой фразе четко сформулированы два начала: с одной стороны, — трон и все, что по отношению к трону обязывает венценосца; с другой стороны, — человеческое начало в сердце и в деяниях монарха: прямота, благородство, великодушие, близость к подданным.

Александр II придерживался в своих отношениях с окружавшей его средою порядка, унаследованного с времен Великого Петра, а то и ранее от московских царей. Между ним и окружающими была грань, которую не следовало переступать.

Это был последний государь, который почти никому не подавал руки (разве только членам семьи и, в виде особой милости, некоторым пожилым вельможам). Будучи совсем молодой девушкой, моя мать была ему представлена в Москве на каком-то приеме. Она сделала ему глубокий реверанс, а он, на расстоянии трех шагов, отвесил ей в ответ поклон. Жать руки окружающим начал лишь Александр III.

Это был последний государь, который обращался на „ты” ко всем лицам мужского пола, будь то фельдмаршал или дровосек. В этом выражалось социальное равенство всех подданных Империи перед царем. Обращаться на „вы” к окружающим начал опять-таки Александр III. Мне представляется, что таким образом между культурным слоем и народом была поставлена еще одна, ранее не существовавшая психологическая преграда.

О „тыканье” царя мне хочется сказать еще несколько слов. В этом отношении крестьяне были еще при Александре II даже в несколько привилегированном положении: они тоже обращались к царю на „ты”, что было немыслимо для лиц других сословий. В этом взаимном „тыканье” был порою грубоватый юмор. Припоминается один случай, имевший место несколько ранее описываемого времени. Однажды император Николай I прибыл с визитом в одно великорусское село. После преподношения хлеба и соли сельский староста начал подготовленную приветственную речь. Он воскликнул: „Царь, ты столп!”, смешался, воскликнул вторично: „Царь, ты столп!”... и снова смешался. Наступило долгое, неловкое молчание. Тогда Николай I воскликнул ему в ответ: „А ты дубина!”. Среди крестьян поднялся веселый хохот, атмосфера разрядилась.

Такой грубоватый юмор, думается, ничем не затрагивал царского величия. Перебрасывался такими словцами с крестьянами и Александр II. Почти столетний крестьянин, старовер Исаия, вспоминая о нем, рассказывал мне в детстве: „Это был настоящий царь. Рост высокий, голос яркий. Как он гаркнет, мы все замирали от умиления”. О двух последних императорах Исаия почти не упоминал.

Александр II был последний государь, который любил церемониал и придворную пышность. При нем Зимний дворец был жилым домом, согласно его назначению: царь в нем жил, оттуда управлял Империей. Лишь после убийства царя Зимний дворец превратился в знакомый нам мрачный призрак: в опустевшие покои, разве что в пристанище для некоторых привилегированных сановников и проезжих коронованных гостей.

Во дворце устраивались приемы и балы, на которых царь появлялся во всем своем величии. Французский писатель Теофиль Готье, посвятивший одну из своих книг путешествию в Россию, описывает такой бал. Особое впечатление произвело на него наличие среди присутствовавших таких гостей, как „кавказские гордые воины” и „посланцы из эмиратов Центральной Азии в их национальных одеяниях”. Перед французом, как он об этом пишет, промелькну-

ла в этот миг вся многонациональная мощь Империи.

Отмечу мимоходом, что правдивая книга Теофиля Готье „Путешествие в Россию” (1867 г.), теперь почти покрыта мраком забвения, тогда как написанный несколько ранее пасквиль маркиза де Кюстина часто цитируется „специалистами по русскому вопросу” и почитается почти как евангельская истина.

Был ли Александр II прав, придерживаясь церемониала, как во дни „матушки Екатерины”? В простонародье его не порицали, блеском двора гордились. Жалели, наоборот, что его преемник Александр III замкнулся в Аничковом Дворце и в Гатчине и упростил царский образ жизни. Жалели еще более, что последний царь окончательно замкнулся в Царском Селе, отказался от пышности, „отрезал себя от народа”, как говорили тогда. За строгую экономию в обиходе его не хвалили, народу она была непонятна.

Любя четкий распорядок в своем окружении, Александр II не был однако рабом этикета. Он его нарушал каждый раз, когда ему это подсказывало его человеколюбие. Это можно видеть, между прочим, в отношении царя к моему прадеду князю Михаилу

Дмитриевичу Горчакову. У меня имеется снимок со старинной гравюры, относящейся ко времени Крымской войны. В открытой коляске царь 29 октября 1855 года выезжает из Бахчисарайского дворца для осмотра укреплений северной стороны Севастополя. Рядом с ним сидит главнокомандующий Горчаков. Я вначале недоумевал, почему, вопреки всем правилам, да еще на виду у нашей армии, прадед сидит не слева, как полагается, а справа от царя. Оказывается, Горчаков был глух на правое ухо и царь посадил его справа от себя, дабы не ставить в неловкое положение и иметь возможность продолжать с ним беседу...

Хорошее отношение государя к прадеду не изменилось и после инцидента во время коронации в кремлевском соборе. Стоя возле монарха, Горчаков держал на бархатной подушке державу (рядом с ним, как полагалось, два других сановника держали на подушках корону и скипетр). Но от слишком густого ладанного дыма Горчаков неожиданно упал в обморок, выпустил из рук подушку и держава покатилась. Многие среди присутствовавших сочли это за плохой признак: не умереть царю естественной смертью... Но Александр II, мало заботившийся о своей личной судьбе, успокоил после церемонии взволнованного Горчакова, сказав ему со своей неотразимой улыбкой: „Не бе-

да что свалился. Главное, что стоял твердо на полях сражений””*.

Такое же чисто человеческое отношение государь проявлял и по отношению к моему деду генералу Аркадию Дмитриевичу Столыпину. В самом разгаре русско-турецкой войны А. Д. Столыпин был неожиданно приглашен в ставку к царскому завтраку. Он находился далеко и прибыл к царю со значительным опозданием. Это его сильно взволновало. Александр II встретил его словами: „Я тебя ждал, чтобы сесть за стол”. Ждала и вся свита.

Чуткая предупредительность и общительность Царя-Освободителя не ограничивалась его близким окружением. В мирное время, в хорошую зимнюю погоду, он любил по утрам прогуливаться в Летнем саду; всегда один, без охраны. Во время этих прогулок он заводил разговоры с прохожими, шутил с детьми. Детвора, жившая недалеко от Летнего сада, загорелась в те времена своего рода азартом. Направляясь в Летний сад, порою бегом, дети вельмож и дети дворников перекликались: встретим сегодня царя или нет?!

* Шестнадцатилетним мальчиком Горчаков пошел в 1812 году добровольцем в армию и был тяжело ранен на Бородинском поле. Его племянник Лев Толстой, создавая образ Пети Ростова, частично использовал биографию своего дяди.

Предупреждениям полиции царь не внимал: он не знал, что такое страх. Вот именно в одну из таких прогулок государя подстерег террорист Соловьев, совершивший 2 апреля 1879 года покушение, к счастью, неудавшееся. В ограде Летнего сада на месте покушения была потом сооружена часовня. Она была после революции разрушена, как и много других памятников, напоминавших о нашем историческом прошлом. Это покушение произвело в свое время страшное впечатление во всех слоях русского общества. О нем долго потом вспоминали как во дворцах, так и в деревенских избах. К дикому кровавому террору люди привыкли лишь впоследствии... В мои детские годы, проведенные в Зимнем дворце, пожилой и важный придворный камердинер Илья часто повествовал о покушении у Летнего сада. Он говорил, с торжественным трепетом в голосе: „Вот как было дело: злодей целится, целится, а Его Императорское Величество все милостивейше уклоняется!”.

О последнем покушении, приведшем к трагической гибели, Илья говорить отказывался. Он отрицательно тряс головой, украшенной седыми бакенбардами, и молча крестился. Такого рода верные слуги были наследием прошлых времен...

Судьбоносное заседание

Н. Рутыч

Нет сомнения, что бомба Гриневицкого, разорвавшаяся 100 лет назад, на Екатерининском канале, нарушила ход нашей истории. Ибо она не только убила Императора Александра II, самого доброго, самого благожелательного русского царя, смело вставшего на путь реформ, но и разорвала в клочья его последний проект, основная идея которого была осуществлена лишь четверть века спустя, когда была созвана Первая Государственная Дума.

Одобренная царем в 12 часов дня 1 марта 1881 года — перед отъездом на развод в Михайловский манеж, на обратном пути откуда он был убит, — Докладная Записка с проектом реформ, составленная министром внутренних дел генералом Михаилом Тариэловичем Лорис-Меликовым, состояла из двух частей: сначала должны были быть созваны две подготовительные комиссии для разработки реформы Государственного Совета. Сама реформа должна была быть принята Общей комиссией. Новой и важной сущностью этой процедуры было привлечение помимо „должностных лиц правительственных ведомств”, также и представителей земства и гласных городских дум. Таким

образом, и на первом и на втором этапе в разработке реформ должны были участвовать избранные „представители земства — по два от каждой губернии (а к концу 70-х годов избранные земские собрания и учреждения существовали в 34 губерниях и в Области войска Донского. — Н. Р.), по одному от каждого губернского города и по двум от столиц”*. Далее предполагалось в этом же порядке преобразовать и Государственный совет в зависимости, конечно, от рекомендаций Общей комиссии. И хотя министр внутренних дел ни разу не упомянул в своем проекте самого слова „конституция”, для всех было совершенно очевидно, что Государь впервые одобрил привлечение к законодательству и управлению государством избираемых представителей земств и городских самоуправлений.

Одобрение Императором Александром II проекта Лорис-Меликова нельзя недооценивать. Ибо этот проект как бы завершал и в то же время придавал новое, государственное значение Положению о губернских и

* Имеется в виду С.-Петербург и Москва. Здесь и дальше мы цитируем проект Лорис-Меликова по записи Е. А. Переца о заседании Совета Министров 8 марта 1881 г. См.: „Красный архив”. К истории Лорис-Меликовской „конституции”, том первый (восьмой), Москва-Ленинград, 1925 г., сс. 131-150.

уездных земских учреждениях, утвержденных в 1864 году, и Городовому положению 1870 года, согласно которому в городах избирались „гласные” в городские думы. Это был, конечно, решительный шаг в сторону конституции. И недаром намного позже, уже в эмиграции, правый кадет и посол Временного Правительства во Франции в 1917 году, подводя итог деятельности городских и земских учреждений за полстолетия, писал:

„Земские учреждения, созданные самодержавием, были зародышем и школой конституционного строя. Они были построены на идее народоправства, и естественное развитие их вело к конституции. Самые формы их деятельности — коллегиальность, публичность, ответственность исполнительных органов — сближали земства с парламентом. Они казались прототипом Государственной Думы, как земские деятели — предтечами будущих депутатов”. (В. Маклаков. Из прошлого. „Современные записки”, т. LIII, Париж, 1933 г., с. 231).

Казалось, что осталось лишь, как и предполагал Император Александр II, обнародовать в „Правительственном Вестнике” проект Лорис-Меликова — и в России будет положено начало сотрудничеству между Государем, с одной стороны, и избираемыми представителями земства и городов — с другой. Казалось, что будет осуществлено то, что в несколько иной форме послужило основанием для думской монархии четверть века спустя — в 1906 году.

Но случилось иначе. Прах убитого Императора еще не был похоронен в Петропавловском соборе, когда новый царь созвал — 8 марта 1881 года, в Зимнем дворце — расширенное совещание Совета Министров для нового обсуждения проекта Лорис-Меликова.

Чтобы судить об этом, можно сказать, судьбоносном заседании, историки располагают исключительным документом — записью Государственного секретаря Егора Абрамовича Переца, точность которой подтверждают дневники и председателя Комитета министров, графа Александра Петровича Валуева и военного министра генерала Дмитрия Алексеевича Милютина*. Сын еврея-откупщика, Е. А. Перец уже в 1872 году был выдвинут Александром II на ответственную должность — статс-секретаря Государственного Совета, а с 1878 года стал государственным секретарем при Совете Министров.

„Возвратясь домой, после заседания 8 марта 1881 года, — пишет он, — я немедленно начертил себе план стола, означил имена и порядок, в котором го-

* В своем дневнике генерал Д. А. Милютин 8 марта 1881 г. записал: „Я высказал убеждение в необходимости новых законодательных мер для довершения оставшихся неоконченными великих реформ почившего Императора”. Дневник Д. А. Милютина, т. IV, М. 1950, с. 33.

ворились речи... после обеда (по-петербургски — в 7 часов вечера), несмотря на усталость, я тотчас принялся за подробное изложение всего, бывшего на заседании, и не отрывался от этого дела до поздней ночи... я следил за всем с таким напряженным вниманием, что у меня осталось в памяти едва ли не каждое слово. Лыщу себя надеждою, что изложение мое — почти фотографически верно". („Красный архив", с. 133. См. также отдельное издание: „Дневник Е. А. Переца". Москва-Ленинград, Центрархив, 1927 г.).

Новый Император лично встречал министров и приглашенных на заседание Великих Князей, крепко пожимая каждому руку при входе в зал, где за столом, покрытым малиновым сукном, стояло 25 кресел. Заняв место в середине стола, спиной к окну, выходящему на Неву, Александр III открыл заседание, сказав, что он собрал министров „для обсуждения одного вопроса, в высшей степени важного. Граф Лорис-Меликов, — продолжал он, — докладывал покойному Государю о необходимости созвать представителей от земства и городов. Мысль эта в общих чертах была одобрена покойным моим отцом...", — но при этом новый царь многозначительно добавил: „Предваряю вас, что этот вопрос не следует считать предрешенным."

Против Государя сидел генерал Лорис-Меликов, прибывший на это заседание в мундире с Георгием 2-й степени на шее (за штурм Карса). Он знал, что решается и судь-

ба завершающей царствование Александра II реформы и его личная. Он прочел свою записку и отдельно — проект той части, которая должна была быть опубликована в „Правительственном Вестнике”.

После этого Государь предоставил первому слово своему бывшему воспитателю, графу Сергею Георгиевичу Строганову. Приглашенный на это заседание граф был участником Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813-го, а потом возглавлял некоторое время знаменитое „Московское общество истории и древностей российских” и Императорскую археологическую комиссию. Хотя он и привлек в свое время в Московский университет таких профессоров, как Грановский и Соловьев, и даже, как говорят, помог молодому Герцену, — теперь в свои 84 года он был против каких бы то ни было нововведений. Выступив против реформ Лорис-Меликова он заявил: „Путь этот ведет прямо к конституции, которой я не желаю ни для Вас ни для России”.

Однако вслед за ним выступил ряд министров, горячо поддержавших предлагаемую реформу. Граф Валуйев подчеркнул, что он уже предлагал подобный проект в 1863 году, во время польского восстания. „Я не изменил моих убеждений и теперь, — закончил он. — Напротив того, я нахожу, что при настоящих обстоятельствах предлагаемая

нам мера оказывается в особенности настоятельно и необходимою”.

Вслед за ним выступил военный министр, генерал Милютин, сказавший, что реформа — „необходима именно теперь”. „Покойный Государь, — продолжал он, — по вступлении на престол предпринял целый ряд великих дел. Начатые им преобразования должны были обновить весь строй нашего отечества... Ввиду этого, — закончил Милютин, — я позволяю себе горячо поддерживать предложение графа Лориса-Меликова”.

Реформу поддержал Великий князь Константин Николаевич, дядя нового Императора и создатель русского парового флота после Крымской войны. Государственный контролер Д. М. Сольский, министр юстиции Д. Н. Набоков и председатель департамента законов князь С. Н. Урусов, сказавший, что необходимо привлекать к управлению „лучших людей страны” — все поддержали проект Лориса-Меликова. Наконец, министр финансов Александр Агеевич Абаза, „с некоторой горячностью”, как сообщает Перец, заявил: „Без совещания с представителями общества обойтись невозможно, когда речь идет об издании важных законов.” Необходимо, продолжал он, „привлекать людей, которым население доверит его голос, для рассмотрения законодательных проектов... Предлагаемая графом Лорис-Меликовым ме-

ра представляется мне, — сказал он, — как министру финансов — совершенно необходимой.”

Видя это единогласие и единомыслие сотрудников и друзей покойного Императора, каким был, например, генерал Милютин, Александр III предоставил слово обер-прокурору св. Синода К. П. Победоносцеву. „Бледный, как полотно от волнения”, — сообщает Е. А. Перец, — Победоносцев начал свою печально знаменитую речь заявлением, что дело не сводится только к приглашению людей, хорошо знающих народную жизнь. „Нет! — воскликнул он, — в России хотят ввести конституцию и, если не сразу, то — по крайней мере, сделать к ней первый шаг...” И Победоносцев начал беспощадно критиковать все реформы Александра II, начиная с освобождения крестьян в 1861 году. „Затем, — продолжал он, — открыты были земские и городские общественные учреждения — говорильни... Потом открылись новые судебные учреждения — новые говорильни, говорильни адвокатов...” И теперь, Государь, — заключил он, — „предлагают Вам по иноземному образцу новую в е р х о в н у ю (выделено Е. А. Перцом. — Н.Р.) говорильню..., предлагают устроить нам говорильню вроде французских *Etats Généraux*.” (К. П. Победоносцев имел, вероятно, в виду Генеральные штаты, созданные Людовиком XVI как

совещательный и сословный орган, провозгласивший себя, однако, 17 июня 1789 г. Национальным собранием, а 9 июля — Учредительным собранием, т. е. высшим законодательным органом Франции.)

Видя, что речь Победоносцева произвела сильное впечатление на Александра III, снова выступил министр финансов А. А. Абаза, сказав „весьма решительно”:

„Ваше Величество, речь обер-прокурора св. Синода есть, в сущности, обвинительный акт против царствования того самого Государя, которого безвременную кончину мы все оплакиваем. Если Константин Петрович — прав, если взгляды его — правильные, то Вы должны, Государь, уволить от министерских должностей всех нас, принимавших участие в преобразованиях прошлого — скажу смело — великого царствования.

Смотреть на наше положение так мрачно, как смотрит Константин Петрович, может только тот, кто сомневается в будущем России, кто не уверен в ее жизненных силах.”

Вскоре Император Александр III встал, было около 5 часов дня. Заседание, продолжавшееся почти 3 часа, закончилось предложением составить новую комиссию для пересмотра проекта Лорис-Меликова. Но она никогда не была созвана. Заключительные слова министра финансов Абаза оказались пророческими: он сам и другие ближайшие сотрудники Императора Александра II — ге-

нералы Лорис-Меликов, Милютин, граф Валуев и другие — были уволены; „Дядя Костя” — Великий князь Константин Николаевич — впал в немилость. Бомба Гриневицкого сделала свое дело.

Ибо реформ боялись не только люди, подобные Победоносцеву, но также — и не меньше — революционеры-народовольцы, прекрасно понимавшие, что если реформа Лорис-Меликова пройдет, то они окажутся за бортом истории. Достаточно напомнить, что реформа Столыпина 1906 года разрушила в прах идеализированный народниками образ крестьянского „мира” — общины, как некоего моста к социализму.

Да и накануне марта 1881 года „Народная воля” доживала свои последние дни. Ее наиболее фанатичные вожди — Александр Михайлов и Андрей Желябов были уже в тюрьме. Софья Перовская, махнувшая на Екатерининском канале своим белым платком Рысакову и Гриневицкому, когда появилась карета Александра II, была последней еще не арестованной руководительницей Исполнительного комитета „Народной воли” в Петербурге, способной на террористические акты.

Хорошо чувствовавший эту ситуацию и много знавший Лорис-Меликов безуспешно умолял Александра II не ездить в воскресенье 1 марта на развод в Михайловский

манеж. И даже тогда, когда разорвалась бомба Рысакова, убившая конвойного казака и проходившего случайно по Екатерининскому каналу мальчика, знаменитый своей лихостью кучер Государя — Фрол Сергеев, — спасая оставшегося невредимым царя, хотел мчаться дальше. Но не знавший страха Александр II остановил карету, вышел к убитому мальчику, затем подошел к схваченному уже Рысакову и начал разговор с ним, не слушая полицмейстера Дворжицкого, умолявшего его пересест в сани, которые умчали бы его от опасного места. Государь продолжал осматривать раненых и убитых, — и только после этого Гриневецкий смог бросить свою бомбу, положившую конец эпохе реформ.

ЧАСТЬ II

ДУМСКАЯ МОНАРХИЯ 1906 — 1916

Г. Г. Савичъ.

НОВЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ
РОССІИ.

СПРАВОЧНАЯ КНИГА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1807.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Основные Государственные Законы и Учрежденія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

I. Постановленія Свода Основныхъ Государственныхъ Законовъ изд. 1906 г. ¹⁾).

Разд. I. — Основные Государственные Законы.

Ст. 1. Государство Россійское едино и нераздѣльно. 1906 Апр. 23; собр. узак., 603, ст. 1.

2. Великое Княжество Финляндское, составляя нераздѣльную часть Государства Россійскаго, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управляется особыми установленіями на основаніи особаго законодательства. Тамъ же, ст. 2.

3. Русскій языкъ есть языкъ общегосударственный и обязательенъ въ арміи, во флотѣ и во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ. Употребленіе мѣстныхъ языковъ и нарѣчій въ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ опредѣляется особыми законами. Тамъ же, ст. 3.

Гл. 1.—О существѣ Верховной Самодержавной Власти.

4. Императору Всероссійскому принадлежить Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страхъ, но и за совѣсть, Самъ Богъ повелѣваетъ. 1906. Апр. 23, собр. узак., 603, ст. 4.

5. Особа Государя Императора священна и неприкосновенна. Тамъ же, ст. 5.

6. Та же Верховная Самодержавная власть принадлежить Государынѣ Императрицѣ, когда наслѣдство Престола въ порядкѣ, для сего

¹⁾ Сводъ Основныхъ Государственныхъ Законовъ образуетъ первую часть всего Свода Законовъ Россійской Имперіи (ч. 1 т. I), составленнаго графомъ М. М. Сперанскимъ и вышедшаго первымъ изданіемъ въ 1832 г., а затѣмъ — изданіями 1842, 1857 и 1892 г.г.

Въ этомъ послѣднемъ изданіи, какъ и въ предыдущихъ, Сводъ Основныхъ Государственныхъ Законовъ заключалъ два раздѣла: I—О священннхъ правахъ и пре-

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДУМСКОГО * ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Гл. 1. *О существе Верховной Самодержавной Власти*

7. Государь Император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственной Думой.

Гл. 8. *О правах и обязанностях российских подданных*

74. Никто не может быть судим и наказан иначе, как за преступные деяния, предусмотренные действовавшими во время совершения сих деяний уголовными законами, если притом вновь изданные законы не исключают совершенных виновными деяний из числа преступных.

75. Жилище каждого неприкосновенно. Производство в жилище, без согласия его хозяина, обыска или выемки допускается не иначе, как в случаях и в порядке, законом определенных.

76. Каждый российский подданный имеет право свободно избирать место жительства и занятие, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать за пределы государства...

* Изд. 1906 г.

77. Собственность неприкосновенна. Принудительное отчуждение недвижимых имуществ, когда сие необходимо для какой-либо государственной или общественной пользы, допускается не иначе, как за справедливое и приличное вознаграждение.

78. Российские подданные имеют право устраивать собрания в целях, не противных законам, мирно и без оружия. Законом определяются условия, при которых могут происходить собрания, порядок их закрытия, а равно ограничение мест для собраний.

79. Каждый может, в пределах, установленных законом, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печати или иными способами.

80. Российские подданные имеют право образовывать общества и союзы в целях, не противных законам. Условия образования обществ и союзов, порядок их действий, условия и порядок сообщения им прав юридического лица, равно как порядок закрытия обществ и союзов, определяются законом.

81. Российские подданные пользуются свободой веры. Условия пользования этой свободой определяются законом.

82. Правами российских подданных иностранцы, в России пребывающие, пользуются с соблюдением ограничений, установленных законом.

83. Изъятия из действия изложенных в сей главе постановлений в отношении местностей, объявленных на военном положении или в положении исключительном, определены особыми законами.

Гл. 9. *О законах*

84. Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке.

85. Сила законов равно обязательна для всех без изъятия российских подданных и для иностранцев, в Российском Государстве пребывающих.

86. Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и воспринять силу без утверждения Государя Императора.

87. Во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет Министров представляет о ней Государю Императору непосредственно. Мера эта не может, однако, вносить изменений ни в Основные Государственные Законы, ни в учреждения Государственного Совета или Государственной Думы, ни в постановления о выборах в Совет или Думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим Министром или Главноуправляющим отдельной частью не будет внесен в Государственную Думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятой мере законопроект, или его не примут Государственная Дума или Государственный Совет.

94. Закон не может быть отменен иначе, как только силой закона. Посему, доколе новым законом положительно не отменен закон существующий, он сохраняет полную свою силу.

95. Никто не может отговариваться неведением закона, когда он был обнародован установленным порядком.

11. УЧРЕЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ*

Гл. 1. *О составе и устройстве Государственной Думы*

1. Государственная Дума учреждается для обсуждения законодательных предположений, восходящих к Верховной Самодержавной Власти по силе Основных Государственных Законов и в порядке, установленном в сем Учреждении и в Учреждении Государственного Совета.

2. Государственная Дума образуется из членов, избираемых населением Российской Империи на пять лет на основаниях, указанных в положении о выборах в Думу.

Гл. 3. *О членах Государственной Думы*

14. Члены Государственной Думы, пользуются полной свободой суждений и мнений по делам, подлежащим ведению Думы, и не обязаны отчетом перед своими избирателями.

15. Член Государственной Думы может быть подвергнут лишению или ограничению свободы не иначе, как по распоряжению судебной власти, а равно не подлежит личному задержанию за долги.

16. Для лишения свободы Члена Государственной Думы во время ее сессии должно быть испрошено предварительное разрешение Думы...

23. Членам Государственной Думы, в течение ее сессии, производится суточное из казны довольствие в размере десяти рублей в день каждому. Сверх

* Изд. 1906 г.

того, членам Думы возмещаются из казны раз в год путевые издержки по расчету пяти копеек на версту от места их жительства до С.-Петербурга и обратно. Члены Думы, занимающие, вместе с тем, должности Министров или Главноуправляющих отдельными частями, не получают упомянутого суточного довольствия.

Гл. 5. О предметах ведения Государственной Думы

31. Ведению Государственной Думы подлежат:

1) предметы, требующие издания законов и штатов, а также их изменения, дополнения, приостановления действия и отмены;

2) государственная роспись доходов и расходов вместе с финансовыми сметами Министерств и Главных Управлений, равно как денежные из казны ассигнования, росписью не предусмотренные, — на основании установленных правил;

3) отчет Государственного Контроля по исполнению государственной росписи;

4) дела об отчуждении части государственных доходов или имуществ, требующем высочайшего соизволения;

Гл. 6. О порядке производства дел в Государственной Думе

34. Законопроекты или вносятся в Государственную Думу Министрами либо Главноуправляющими отдельными частями, либо Комиссиями, обра-

зованными из членов Думы, или же поступают в Думу из Государственного Совета.

39. Во всех собраниях Государственной Думы могут присутствовать Министры и Главноуправляющие отдельными частями, но участвовать в голосовании они имеют право только в том случае, если состоят членами Думы.

40. Государственная Дума может обращаться к Министрам и Главноуправляющим отдельными частями за разъяснениями, непосредственно касающимися рассматриваемых ею дел...

43. Председателю Государственной Думы предоставляется разрешать присутствие в заседаниях Общего ее Собрания, кроме заседаний закрытых, посторонним лицам в числе, не превышающем количества отведенных для них мест, с соблюдением установленных правил. От Председателя Думы зависит разрешать, с соблюдением тех же правил, присутствовать в заседаниях Общего ее Собрания, кроме заседаний закрытых, представителям выходящих в свет изданий повременной печати в числе, не превышающем количества отведенных для них мест, но не более одного от отдельного издания. В заседаниях Общего Собрания Государственной Думы, кроме заседаний закрытых, имеют право присутствовать члены Государственного Совета, Сенаторы и особы Дипломатического Корпуса...

45. Отчеты о всех заседаниях Общего Собрания Государственной Думы составляются Присяжными Стенографами и, по одобрении Председателем Думы, допускаются к оглашению в печати, кроме отчетов о закрытых заседаниях.

Основные Законы 23 апр. 1906. — Первая русская конституция

Д. Левицкий

В последние годы царствования императора Александра II, по окончании русско-турецкой войны 1877/78 г., выдающийся русский юрист и историк Б. Н. Чичерин писал:

„Несомненно, что преобразования нынешнего царствования подготовили решение конституционного вопроса и поставили его, так сказать, на очередь”.

Исходя из факта, что монархическая власть играла такую роль в истории России, что еще в течение столетий она останется высшим символом ее единства, знаменем для народа, Чичерин считал, что для России „идеалом представительного устройства может быть только конституционная монархия”. Одновременно он выражал опасение:

„Коли для созвания представительства мы станем дожидаться кризиса, а пока будем довольствоваться современною рутиною, мы будем застигнуты врасплох и не в состоянии будем справиться с затруднениями”¹.

Слова Чичерина оказались в значительной степени пророческими. Подготавливавшаяся в его время реформа (так называемая конституция Лорис-Меликова) вследствие царе-

убийства 1 марта 1881 г. не была осуществлена; затем, в течение последовавшей четверти столетия, правительство продолжало придерживаться того, что Чичерин называл „современной рутинной“, а когда правительство императора Николая II, побуждаемое создавшимися обстоятельствами, наконец, взялось за осуществление переустройства государственного строя, предпринятый переход от абсолютизма к представительному образу правления происходил в условиях кризиса и связанных с ним затруднений.

Создание Основных Законов и их содержание

Конституционная реформа происходила в условиях кризиса, вызванного неудачным ведением войны с Японией, брожением в обществе и революционными выступлениями 1905 г. Это не могло не сказаться на стройности и продуманности реформы. Она претворялась в жизнь не сразу в законченной форме, в виде единовременного акта, а путем нескольких стадий разработки, сперва — мероприятий по усовершенствованию и либерализации государственного устройства страны, а затем — конституционных начал и их согласования с исторически сложившимся законодательством Империи. Следующие акты знаменуют собой этапы, в

соответствии с которыми происходило государственное преобразование России.

Указ 12 дек. 1904 г. о предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка. Хотя в указе говорилось о „непременном сохранении незыблемости основных законов” и не упоминалось создание народного представительства, в нем, однако, возвещалось о намеченной широкой программе реформ. О том, как последовательно претворялась в жизнь эта программа, напоминает внушительный список указов, который содержится в справочниках по русскому государственному праву того времени под рубрикой „Выполнение предначертаний Указа 12 дек. 1904 г.” Ряд этих указов касается правового и экономического положения крестьян, переселенческого дела, закономерности действия властей и устранения некоторых ограничений в отношении народностей (поляков и евреев). При этом особое значение для либерализации общественно-политической жизни страны приобрели новые постановления о печати (указы 24 ноября 1905 г., 18 марта 1906 г. и 26 апр. 1906 г.) и об обществах, союзах, политических партиях и собраниях (указы 4 марта 1906 г.). Изданные как временные правила и отменявшие, между прочим, предварительную цензуру, они продолжали действовать и в

думский период, поскольку ни Третья, ни Четвертая Думы соответствующих законов не разработали.

Реформы, вытекавшие из Указа 12 дек. 1904 г., в значительной степени определили тот новый благоприятный „климат”, в котором протекала общественно-политическая жизнь страны вплоть до первой мировой войны. Это отмечает один из исследователей дореволюционного строя России, говоря:

„Фактически, начиная с этого времени, существовала относительная свобода слова и печати; общественное мнение разных оттенков находило возможность выражения своих политических и общественных тенденций в различных органах”.

Поскольку и в отношении собраний была установлена значительная свобода, реформы, касавшиеся всех этих свобод, означали, по мнению того же автора, „огромный шаг вперед в развитии России”².

Рескрипт 18 февр. 1905 г. на имя тогдашнего министра внутренних дел Булыгина о разработке положения о Государственной Думе. В рескрипте государь сообщал о своем намерении „привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждению законодательных предположений”. Таким образом, в рескрипте речь еще шла о законосовещатель-

ном учреждении, не ограничивающем законодательной власти монарха.

Манифест 6 авг. 1905 г. об учреждении Государственной Думы (так называемой „Булыгинской”), в котором повторялось, что сохраняется неприкосновенным „основной закон Российской Империи о существовании самодержавной власти” и что созываемая Дума будет „законосовещательным учреждением”. Однако вскоре правительство убедилось в недостаточности создания подобного учреждения и решилось на более существенные перемены в государственном строе страны.

Манифест 17 окт. 1905 г. об усовершенствовании государственного порядка, получивший название „октябрьского манифеста”. Им положено было основание государственно-правового переустройства России. В манифесте государь извещал о стремлении „к скорейшему прекращению смуты” и обещал „даровать населению незыблемые основы гражданской свободы”. В манифесте далее сообщалось, что уже назначенные выборы в Государственную Думу не будут отменены, и к участию в ней будут привлечены „те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав”. И, наконец, последний пункт манифеста гласил, что будет установлено

„как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей”.

Таким образом, из манифеста явствовало, что государь отказался от своего прежнего намерения созвать представителей от народа с полномочиями лишь законосовещательного характера и решил создать народное представительство с правами законодательными и, тем самым, совершить переход от монархии неограниченной к ограниченной или конституционной.

Манифест и Указ 20 февр. 1906 г. об изменении Учреждения Государственного Совета и о пересмотре Учреждения Государственной Думы. Этим актом сообщалось, что прежний Государственный Совет преобразовывается в законодательное учреждение и что, таким образом, народное представительство, ограничивающее абсолютную до тех пор власть монарха, будет учреждением двухпалатным. Для приведения в более стройную правовую форму законодательных актов по преобразованию государственного строя России и для согласования этих актов с постановлениями первой части действующего Свода Основных Государственных За-

конов Российской Империи в его последнем издании 1892 г. потребовалось некоторое время. По окончании кодификационной работы новая редакция Основных Законов была утверждена государем 23 апр. 1906 г. и обнародована Правительствующим Сенатом при Именном Указе, в котором, кроме прочего, содержались следующие слова:

„... Мы повелели свести воедино постановления, имеющие значение Основных Государственных Законов, подлежащих изменению лишь по почину Нашему, и дополнить их положениями, точнее разграничивающими область принадлежащей Нам нераздельно власти верховного государственного управления от власти законодательной”.

Основные Законы 23 апр. 1906 г. состоят из введения и 11 глав, которые распадаются на 124 статьи. При этом надо иметь в виду, что статьи 25-68 (главы 2-7), трактующие: о порядке престолонаследия, совершеннолетия монарха, об опеке, о вступлении на престол и о присяге подданства, о короновании и миропомазании, о титуле монарха, о государственном гербе и о вере, — остались в силе в их старой редакции в составе постановлений Основных Законов.

Новые статьи, разделенные на пять глав, содержат следующие постановления: о существе верховной самодержавной власти (гл. 1), о правах и обязанностях российских поданных (гл. 8), о законах (гл. 9), о Госу-

дарственном Совете и о Государственной Думе (гл. 10) и о Совете Министров (гл. 11).

Есть кодификационная особенность Основных Законов, которая заключается в том, что в их постановления не вошли полностью статьи из Учр. Гос. Думы и Учр. Гос. Совета. В гл. 10 Основных Законов содержатся постановления о продолжительности сессий обеих палат, об их созыве и роспуске, о составе членов обеих палат и их правах законодательной инициативы и запроса (ст. 99-101, 104, 105, 107, 108 и 110-113). Эти статьи Основных Законов соответствуют статьям 2-4, 32, 33, 49, 50 и 51 Учр. Гос. Думы и статьям 2, 9, 10, 30, 43, 44, 47, 48, 50 и 51 Учр. Гос. Совета.

Вместе с тем, в Манифесте 20 февр. 1906 г. было оговорено, что измененное Учреждение Гос. Совета и пересмотренное Учреждение Гос. Думы как бы приравниваются по своему значению к Основным Законам в том смысле, что ни те, ни другие не могут подвергнуться изменениям во время прекращения занятий Думы единолично государем, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость такой меры. Эта мера допускалась по отношению к другим законам на основании ст. 87 Основных Законов. Таким образом, следует признать, что все постановления как Учреждения Гос. Думы, так и Учреждения Гос. Совета представля-

ют собой дополнительную составную часть Основных Законов.

Основные законы 23 апр. 1906 г. превратили Россию в конституционное государство, то есть в таксе, в котором законодательная, а, следовательно, и учредительная власть осуществляется не иначе, как с согласия народного представительства. Этот принцип был выражен словами:

„Государь император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственной Думою” (ст. 7 и 86).

Таким образом, законом стал признаваться лишь такой акт, который издан при взаимодействии трех факторов: монарха, Государственной Думы и Государственного Совета. Законопроекты, одобренные обеими палатами, поступают на утверждение государя (ст. 113), после чего они получают силу закона. Обе палаты признаются равноправными: все законопроекты и бюджет должны быть одобрены обеими палатами, а в случае, когда между ними возникают разногласия, последние разрешаются согласительной комиссией (Учр. Гос. Думы ст. 51). Государю принадлежит инициатива по всем предметам законодательства, но не исключается и законодательная инициатива обеих палат (Учр. Гос. Думы ст. 55 и Учр. Гос. Совета ст. 54), которая, однако, не распростра-

няется на пересмотр Основных Законов, изменение которых может происходить лишь по инициативе монарха. Сохранены были области законодательства, в которых он оставался единственным законодателем, не ограниченным народным представительством. Это относится к делам, касающимся: императорской фамилии, церковных дел и военного ведомства (ст. 25, 65, 68, 96 и 97).

Что касается власти исполнительной, то она, согласно Основным Законам, принадлежит полностью монарху:

„Власть управления во всем объеме принадлежит Государю Императору в пределах всего Государства Российского” (ст. 10).

Однако, в отношении подчиненного управления она, по силе той же статьи, вверяется подчиненным инстанциям „согласно закону”.

Прерогативы монарха остаются неизменными в отношении: представительства в международных сношениях (ст. 12), объявления войны и заключения мира (ст. 13), верховного командования вооруженными силами (ст. 14), объявления военного и исключительного положения (ст. 15) и издания указов по делам государственного управления, причем, однако, такие указы должны издаваться „в соответствии с законами” (ст. 11).

Право монарха издавать указы ограничивается не только оговоркой о „соответствии с законами“, но и бюджетным правом Думы. При этом, однако, следует иметь в виду, что эти права Думы сужаются рядом постановлений о так называемых „забронированных“ кредитах на расходы по Министерству Императорского Двора и по военному ведомству (ст. 14, 96, 97, 117 и 119). Право монарха назначать и увольнять чиновников (ст. 17) ограничено условием „если для последних не установлено законом иного порядка назначения и увольнения“. Эта существенная оговорка означает, что институт несменяемости судей, который был признан русским законодательством со времени введения в действие Судебных Уставов в 1864 г., остался неизменным.

Наконец, к прерогативам монарха относится его право издания временных законов в порядке ст. 87. Она предусматривает, что в случае чрезвычайных обстоятельств, во время перерыва сессий народного представительства, правительство имеет право издавать указы, имеющие силу закона. Такие указы не могут менять основных законов и правового положения Гос. Думы и Гос. Совета и должны не позже двух месяцев после начала очередной сессии Думы быть представлены ей в качестве законопроекта. В случае его отклонения палатами изданный

правительством в порядке ст. 87 закон теряет силу.

Эта статья и ее применение вызывали критику в общественно-политических кругах и анализ этой критики в литературе по русскому государственному праву. Здесь отмечается, что наличие ст. 87 не есть исключительная особенность русской конституции, что постановления соответствующего содержания встречаются и в других конституциях (как, например, в ст. 14 австрийской конституции) и что дело отнюдь не в содержании статьи, а в том, при каких обстоятельствах она применяется.

В своем курсе русского государственного права, изданном еще до 1904 г., Н. М. Коркунов писал, что при переходе от абсолютно-го режима к конституционному постановления о правах гражданской свободы обычно выделялись в особые акты, под названием деклараций прав. При этом он тогда замечал:

„В наших основных законах о правах гражданской свободы вообще ничего не говорится. Только для религиозной свободы сделано исключение”³.

В 1906 г. новые Основные Законы сделали огромный шаг в направлении признания за подданными гражданских прав, посвятив им постановления особой, 8-ой, главы. В ней провозглашается: невозможность преследо-

вания за преступное деяние и задержание под стражу иначе, как в порядке, установленном в законе, и в случаях им определенных (ст. 72 и 73), неприкосновенность жилища (ст. 75), свобода передвижения и занятий (ст. 76), свобода устраивать собрания (ст. 78) и образовывать общества и союзы (ст. 80); далее свобода слова — устного и печатного (ст. 79) и, наконец, свобода религиозная (ст. 81).

Этому перечню прав российских подданных основные законы предпосылают две статьи об их обязанностях: отбывать воинскую повинность и платить налоги (ст. 70 и 71).

Что касается признанных новыми Основными Законами свободы печати, собраний и союзов, то они осуществлялись на основании временных правил, изданных уже раньше, в исполнение Указа 12 дек. 1904 г. Как было отмечено выше, новое правовое положение отражалось весьма положительным образом на возможностях проявления общественно-политической мысли и самодеятельности русской общественности. Известную неустойчивость придавало этому положению право правительства вносить в существующие правила видоизменения путем обязательных постановлений на основании усиленной и чрезвычайной охраны (ст. 83). Все же, остававшиеся стеснения не меняли

основного факта, что при новом порядке вещей и печать и партийно-политическая жизнь страны вступила в новый этап развития. Об этом убедительно высказывался немецкий профессор О. Гетцш, автор обширного исследования положения в России за годы 1904-1912, в котором он писал:

„Немалым было удивление Европы, когда обнаружилось, что в России после падения прежних преград, как бы внезапно появилась большая политическая печать и довольно развитая партийно-политическая жизнь”.

При этом, говоря о русской печати, он считал, что

„Россия ныне располагает таким большим числом хорошо пишущих журналистов в любой политической группировке, как вообще это встречается лишь в Англии”⁴.

Организацию, компетенцию и порядок производства дел Гос. Думы ближе определяет упоминавшееся Учреждение Гос. Думы. В его ст. 31 приводятся предметы, подлежащие ведению Думы, в числе которых следует отметить наиболее важные, а именно: 1) все законопроекты, 2) бюджет (роспись государственных доходов и расходов) и 3) отчет Государственного Контроля.

Что касается бюджетных прав Думы, то по отношению к ним дополнительно действуют Правила о порядке рассмотрения госу-

дарственной росписи 8 марта 1906 г. Законопроекты, вносимые на рассмотрение народного представительства, сперва рассматриваются в Думе, затем переходят на обсуждение Гос. Совета и дальше — на утверждение государя, после чего они публикуются и получают силу закона.

Дума имеет право вносить запросы (Учр. Гос. Думы ст. 33, 58-60) и вопросы (Учр. Гос. Думы ст. 40), причем основное отличие первых от вторых состоит в том, что запрос есть требование объяснений по поводу незаконных действий органа власти, в то время как вопрос имеет в виду только выяснение этих действий или каких-либо объективных обстоятельств. Запросы представляются Думой (а не отдельными депутатами) главам ведомств, в том числе и председателю совета министров и наместнику на Кавказе. Если заявление подписано не менее чем 30 членами Думы, то председатель вносит его на обсуждение Думы. В случае принятия заявления большинством членов Думы запрос направляется подлежащему министру или главе ведомства. Последний обязан в месячный срок ответить по существу или сообщить причины невозможности ответить. Неудовлетворенность Думы ответом (выраженное 2/3 ее членов) имеет последствием представление дела государю через председателя Гос. Совета.

Конституции обычно лишь в общих чертах нормируют порядок производства дел в законодательных палатах. Соответствующие общие положения содержат и русские Основные Законы (гл. 10), а также — Учреждения Гос. Думы (гл. 6) и Гос. Совета (гл. 2). Однако подробности своего внутреннего распорядка, которые складываются и на основании обычая и прецедента, обе палаты разрабатывают каждая для себя. Сборник этих правил — Наказ — публикуется для общего сведения через Сенат, который проверяет содержание наказа с точки зрения его соответствия с законами.

Юридическое положение членов Гос. Думы определяется ее учреждением (гл. 3). Они пользуются полной свободой суждений и мнений по делам, подлежащим ведению Думы и не обязаны отчетом перед своими избирателями (ст. 14 учр.). Они не несут ответственности за высказывания во время заседаний Думы, а за преступления, совершенные при исполнении или по поводу исполнения обязанностей в качестве членов Гос. Думы, они привлекаются к ответственности в порядке, предусмотренном для высших чиновников (ст. 22 учр.). Члены Думы получают ежегодное вознаграждение в размере 4. 200 рублей и, кроме того, раз в год им возмещаются путевые издержки.

Избранная в начале 1906 г. Дума первого

созыва вскоре была распущена, и так же недолговечна была Дума второго созыва. Не будучи в состоянии наладить плодотворное сотрудничество с обеими первыми Думами, правительство решилось на чрезвычайное мероприятие — созвать Гос. Думу нового состава, избранную на основании измененного избирательного закона и ввести его в порядке ст. 87 Основных Законов. В изданном по этому случаю манифесте говорилось, что все намеченные изменения закона о выборах не могут быть проведены обычным законодательным порядком через Думу, „состав коей признан Нами неудовлетворительным, вследствие несовершенства самого способа избрания ее членов”, и что вводится новое положение о выборах.

Положение о выборах 3 июня 1907 г., ни в чем не затрагивая содержания Основных Законов и не внося в них никаких изменений, изменяло лишь правила о порядке выборов в Думу и число ее членов. Теперь она состояла из 442 членов, избираемых на пять лет населением Российской Империи, причем избирательными правами пользуются лица мужского пола, достигшие 25-летнего возраста.

Избирательное право по положению 3 июня 1907 г. представляло собой сложную систему, основанную на имущественном цензе и на распределении избирателей по разрядам

(куриям). Выборы — косвенные (за исключением двух столиц и пяти больших городов), многостепенные и производятся по пяти куриям: землевладельцев, крестьянских обществ, рабочих и городского населения, в свою очередь распадавшегося на курию домовладельцев и крупных налогоплательщиков и курию квартиронанимателей и служащих.

Организацию, компетенцию, порядок производства в Государственном Совете и его состав определяет Учреждение Гос. Совета 23 апр. 1906 г., дополняющее постановления, содержащиеся в одновременно изданных Основных Законах. Компетенцию Гос. Совета в основном определяют ст. 7 и 86 Основных Законов, в которых говорится о том, что монарх осуществляет законодательную власть в единении с Советом, в связи с чем она распространяется на все области государственной деятельности. Совету принадлежит не только одобрение или неодобрение законов, предложенных монархом или Думой: ему принадлежит также инициатива издания закона, которой прежний Гос. Совет не пользовался (ст. 43 и 54-56 Учр. Гос. Совета и 107 Основных Законов. Что касается права запроса (ст. 44 и 57/59 Учр. Гос. Совета), то оно, в общем, не отличается от соответствующего права Думы. Подробности своего внутреннего распо-

рядка Совет определяет посредством издаваемого им Наказа (ст. 60 Учр. Гос. Совета).

Государственный Совет состоит из половины членов по выбору и половины по назначению государя. Члены Совета по выборам избираются от следующих групп: от православного духовенства — 6; от Академии Наук и от университетов — 6; от земских собраний — 34; от дворянских обществ — 18; от торговли и промышленности — 12; от съезда землевладельцев неземских губерний — 22 (из них 6 от Царства Польского), — всего 98 членов. Такое же количество назначалось в Гос. Совет государем.

Из этого краткого обзора наиболее важных постановлений Основных Законов явствует, что в России был создан представительных строй, соответствующий понятию конституционной монархии дуалистического характера. Иными словами, такой строй, при котором, в отличие от парламентарного, министры не несут политической ответственности перед народным представительством, как это иногда предусмотрено и в конституциях республиканских, как, например, в конституции США.

Критика Основных Законов и оценка их значения

Новый государственный строй России, созданный Основными Законами 23 апр. 1906 г., подвергался критике, часто очень недоброжелательной со многих сторон и, в особенности, со стороны радикальной интеллигенции. В ее среде было распространено мнение, что страна получила лишь „лжеконституцию” и что установленный ею порядок есть „замаскированное самодержавие”. При этом делались ссылки на формулировку ст. 4 Основных Законов, гласящую, что „Императору Всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть”. В соответствующей статье старого текста законов определялось, что император есть монарх „самодержавный и неограниченный”. Как видно из сравнения нового текста со старым явствует, что в новой характеристике власти монарха опущен признак неограниченности и сохранены признаки самодержавия и верховности.

Толкованию понятия самодержавности в ее историко-юридическом аспекте была посвящена обширная литература. Подводя итог спорам современников о том, следует ли признавать Основные Законы конституцией или нет, Марк Шефтель говорит:

„Только русская литература по конституционному праву дала ясный ответ: Россия стала конституционной, ограниченной, представительной монархией; хотя и наименее развитого типа по сравнению с другими конституционными монархиями Европы”⁵.

По определению В. Гессена, под конституцией обычно понимается основной закон, определяющий структуру государственной власти, распределение между отдельными ее органами функций властвования, основные права и обязанности граждан в отношении к власти⁶. В этом смысле Основные Законы были, конечно, конституцией, хотя в их тексте и в относящимся к ним актам правительства это слово избегалось и, вместо него, говорилось обычно о представительном строе. Но в этом отношении Россия не была исключением. Так, например, во Франции конституции 1814 и 1830 гг. назывались хартиями, в Италии — статутами, а в Греции — синтагмой.

По мнению В. В. Леонтовича, Основные Законы провели не только четкое разделение законодательной власти от исполнительной, но и обеспечили независимость судебной власти⁷, а Марк Шефтель считает, что права русских представительных учреждений не отличались существенным образом от тех, которыми пользовались народные представительства во всех конституционных госу-

дарствах⁸. В исследовании Шефтеля отмечается, что Н. И. Лазаревский в своем труде по русскому государственному праву, рассматривая те особенности Основных Законов, которые как бы несовместимы с принципами конституционализма, находит параллели всем этим отклонениям в истории развития представительных учреждений в других странах. Всюду пережитки абсолютизма продолжали существовать наряду с конституционными принципами не только в период, непосредственно следовавший за введением представительного строя, но и долго после того новое право обычно боролось со старым⁹.

Такой опыт развития европейских представительных учреждений игнорировался радикальными оппозиционными кругами русского общества, которые, видимо, считали воплощением своих политических идеалов парламентарный строй современных им Англии и Франции. Стремление к немедленному разрыву с вековым прошлым России и требование безотлагательного введения парламентской ответственности министров и выборов на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования заслоняло у оппозиции понимание того, что политическое устройство Англии и Франции начала XX века было результатом длительного и сложного процесса развития. Да и развитие

в этих двух странах шло своими, далеко не тождественными путями и отнюдь не в порядке внезапности и одновременности преобразования их государственного устройства.

Хотя в Англии нет писанной конституции, не подлежит сомнению, что ее политическая жизнь протекает в строго соблюдаемых рамках конституционализма. Но такое положение не было создано единым законодательным актом, а возникло как результат постепенного взаимодействия разнообразных и сложных исторических причин. На континенте Европы, наоборот, движение к конституционализму имело исходным пунктом теоретические принципы, декларированные во время французской революции и воплотившиеся в первую французскую конституцию 1791 г. А с этого момента, как отмечает Коркунов, в течение 75 лет переменились одна за другой 12 различных конституций¹⁰.

Подобно тому как конституционные нормы, ограничивавшие власть абсолютного монарха повсюду в Европе развивались постепенно, избирательное право также не сразу стало распространяться на все слои населения и без каких-либо ограничений, в соответствии с так называемой „четырёххвосткой” (всеобщее, равное, прямое и тайное). Ко времени создания в России народного представительства далеко не во всех развитых

странах Европы выборы происходили по этой формуле. Так, согласно классификации в сборнике, посвященном этому вопросу, действовавшие в тогдашней Европе законы о выборах сгруппированы в порядке: 1. Систем всеобщего избирательного права, 2. Систем переходных и 3. Систем, основанных на цензе. К первой группе относятся Франция, Швейцария, Германия, Дания и Баден, ко второй — Австрия и Англия, а к третьей, самой многочисленной группе, — десять остальных европейских государств (кроме России) ¹¹.

В свете этих данных, согласно которым и в Англии с ее многовековой традицией парламентаризма всеобщее избирательное право не было осуществлено, требования русской радикальной оппозиции представляются несвоевременными. Поскольку они не принимали во внимание ни геополитические факторы, определявшие историческое развитие России, ни обширность ее евразийской территории с ее многонациональным населением и степень его граждански-правовой сознательности, требования радикалов в исторической перспективе не могут не казаться проявлением того максимализма части русской интеллигенции, о которой говорилось, что она оставалась малодоступной как историческому реализму, так и научному знанию ¹².

Конечно, первая русская конституция не была совершенной в смысле своего правового содержания и точности его юридических формулировок. Однако соответствие конституции с идеалами, одушевляющими круги интеллигенции, которые себя считают передовыми, само по себе отнюдь не обеспечивает благоденствие страны и ее мирную эволюцию, как показал опыт послеверсальской Европы. Не раз высказывалась старая истина, что писанная конституция — не более как форма, которая должна наполниться живым содержанием. В конституционной монархии это содержание — искреннее сотрудничество и совместные честные усилия монарха с его правительством, с одной стороны, и членами народного представительства, с другой. Насколько плодотворным в этом отношении был короткий период думской монархии, — тема, выходящая за рамки этого комментария. Остается его закончить суждением о возможностях мирной эволюции в России, которое было высказано группой зарубежных русских ученых и политических деятелей в конце 1930-ых годов в сборнике под редакцией Н. А. Базили. В нем, отмечая недостатки дореволюционного строя, авторы, вместе с тем, говорят:

„Но, как бы то ни было, сравнивая государственное устройство России 1914 года с тем, что оно представляло собой десятью годами ранее, нельзя не

признать, что в области политической Россия переживала огромную эволюцию, не меньшую, чем в области экономической и культурной. Поэтому, несмотря на накопление революционных настроений в народных массах, перспектива и дальнейшей мирной эволюции перед Россией была открыта”¹³.

Ссылки и примечания

1. Б. Н. Чичерин. Конституционный вопрос в России. Рукопись 1878 года. С.-Петербург, 1906, с. 8 и 31-32.
2. Г. Б. Слюзберг. Дореволюционный строй России. Париж, 1933, с. 285.
3. Н. М. Коркунов. Русское государственное право. Изд. 7-ое, С.-Петербург, 1909, том 1, сс. 452 и 456.
4. Otto Hoetzs. Russland. Eine Einfuehrung auf Grund seiner Geschichte von 1904 bis 1912. Berlin, 1912. S. 140/141.
5. Marc Szeftel. The Russian Constitution of April 23, 1906. Bruxelles, 1976, p. 261.
6. В. Гессен. Статья „Конституция” в Новом Энциклопедическом Словаре, том 22, с. 565.
7. В. В. Леонтович. История либерализма в России 1762-1914. Париж, 1980, с. 457.
8. Marc Szeftel, op. cit. p. 262.
9. Там же, с. 262.
10. Н. М. Коркунов, ук. соч., т. 2, с. 49.
11. Системы избирательного права. Статьи из „Handbuch des Oeffentlichen Rechts“ проф. Г. Марквардсена. С.-Петербург. с. III-VI.
12. С. Н. Булгаков. „Героизм и подвижничество”, сборн. Вехи, 2-ое изд., Москва, 1909, с. 41.
13. Н. А. Базили. Россия под советской властью. Париж, 1938(?), с. 29.

Конституция 1906 года

Проф. С. Пушкарев

Марк Юрьевич Шефтель долгое время был профессором русской истории в университете штата Вашингтон в США; теперь он в отставке, но продолжает разрабатывать обширное и неровное поле русской истории. Он — глубокий и всесторонний знаток историко-юридических материалов, особенно по истории последних десятилетий Российской империи. В 1976 г. в Брюсселе вышла по-английски его большая и весьма ценная книга „Русская конституция 23 апреля 1906 г.”* За текстом, подкрепленным множеством подстрочных примечаний со ссылками на источники, следует обширная и полновесная библиография.

В своем изложении и в своих оценках дореволюционной России проф. Шефтель избегает обеих крайностей — как мрачного пессимизма некоторых западных историков-русофобов и советских подневольных историков, так и некритической идеализации нашего прошлого. Он констатирует, что пессимисты игнорируют очевидные положительные элементы думского периода, т.е. экономический, социальный и культурный прогресс, свидетельствующий о возможности мирного и

* Marc Szeftel: *The Russian Constitution of April 23, 1906. Political institutions of the Duma Monarchy.* — Bruxelles: Les Editions de la Librarie Encyclopedique, 1976. 517 с.

„конструктивного” развития России (с. 10). Он указывает на появление в этом периоде весьма важного политического нововведения — народного представительства с законодательными функциями. Однако он указывает и на сохранение в новом политическом строе многих пережитков старого абсолютизма. Он упоминает далее о тех элементах общественной свободы, которые существовали в старой России: вече и земские соборы в допетровской Руси, независимый суд и земские учреждения, введенные в 1864 г. „Конституционные реформы 1905-1906 гг. ... в исторической перспективе могут в какой-то мере казаться возрождением практики выборов допетровской эпохи, но в значительно большей мере они были результатом течений, стремящихся к равнению на Западную Европу” (с. 20).

Начало книги подробно говорит о легальной форме, источниках и предварительных проектах конституции 23 апреля 1906 г., которая была включена в первый том Свода Законов Российской Империи под заглавием „Основные государственные законы”. Затем следует текст конституции и комментарии к нему.

Первые 6 глав Основных законов содержат постановления о верховной власти и ее атрибутах. Параграф 7 главы 1 гласит, что законодательную власть император осуществляет совместно с Государственным Советом и Государственной Думой. Императору принадлежит „власть управления”, в том числе назначение министров, объявление войны, заключение мира и договоров с други-

ми странами, а также объявление „исключительного положения” в различных местностях внутри страны. Государство является „единым и неделимым” и русский язык обязателен во всех государственных и общественных учреждениях; употребление местных языков определяется особыми узаконениями.

7-я глава объявляет православную веру господствующей; император является ее верховным покровителем и защитником. В управлении церкви Верховная власть осуществляется через Святейший Синод. Свобода вероисповедания предоставляется как всем христианам, так и евреям, мусульманам и язычникам.

8-я глава определяет обязанности (воинская служба и уплата налогов) и права подданных. Никто не может быть подвергнут аресту или уголовному преследованию иначе как по закону; утверждается неприкосновенность собственности и жилища, свобода передвижения и выбора рода занятий, свобода слова, печати, собраний, а также объединений и союзов с целями, не противоречащими закону.

9-я глава утверждает, что государство управляется на основании закона; ни один закон не может вступить в силу без одобрения Государственного Совета, Государственной Думы и императора. Регистрацией законов ведает Правительствующий Сенат.

Согласно 10-й главе, половина членов Государственного Совета назначается императором, а половина выбирается; Дума выбирается на пятилет-

ний срок, но может быть распущена императорским указом с назначением срока новых выборов. Определяется также право запросов Думы министрам по поводу незаконных действий их ведомств и бюджетные права Думы.

11-я глава определяет порядок деятельности Совета министров.

Излагая „руководящие принципы нового строя”, М.Шефтель прежде всего констатирует, что в „обновленном строе” сохранились многие пережитки старого, несогласованные с конституционными принципами, но указывает, что такое смешение было и в других современных конституциях, в частности в Японии, Германии и Австро-Венгрии. При премьер-министрах Столыпине (1906-1911) и Коковцеве (1911-1914) правительство искренне стремилось к сотрудничеству с большинством законодательных палат, но И.Л.Горемыкин (премьер в 1906 и в 1914-1915) и, главное, сам император Николай II были, принципиально, противниками конституционализма.

В дореформенной официальной терминологии власть императора именовалась как „самодержавная и неограниченная”. В допетровской Руси слово „самодержец” — перевод титула византийского императора *autocrator* — имело значение независимый, самостоятельный. При Петре Великом этот термин был истолкован в смысле: неограниченный, и в таком значении был введен в 1797 г. в основной закон об императорской фамилии, а затем включен в Свод законов Российской Империи 1832 г. В происходивших в апреле

1906 г. совещаниях государя с высшими сановниками, имевших целью установить новый окончательный текст основных законов, великим князьям и министрам пришлось долго и настойчиво убеждать государя, что при существовании законодательных палат нельзя считать и называть власть царя „неограниченной“, и царь, после долгих колебаний, согласился на исключение этого слова.

Гиперкритики считают Основные законы 23 апреля „лже-конституцией“, но проф. Шефтель отвергает этот взгляд и утверждает, что при наличии представительных учреждений характеристика русского „обновленного строя“ как „конституции“ вполне оправданна (с. 202 и сл.). Государственной Думе принадлежала законодательная власть и контроль над законностью действий органов исполнительной власти — путем предъявления правительству запросов. Это был одновременно и контроль общественного мнения, ибо тексты запросов и думские прения публиковались в периодической печати. Проф. Шефтель утверждает далее, что весьма важным и действенным средством контроля представительных учреждений над деятельностью органов исполнительной власти было право рассматривать и утверждать статьи расходов в проекте государственного бюджета на следующий год, хотя некоторые статьи расходов не подлежали изменению Думы.

В то время как реакционные силы оказывали влияние на императора и усиливали его нераспо-

ложение к народному представительству (с. 226 и след.), премьер-министр Столыпин искренне стремился к сотрудничеству с Думой. В частности, он старался ограничить действие изданного в 1881 г. „положения об усиленной и чрезвычайной охране“, которое на практике существенно урезывало гражданские права, дарованные конституцией, предоставляя губернаторам и „Особому совещанию при министре внутренних дел“ значительные внесудебные полномочия. В циркуляре губернаторам и градоначальникам от 4 декабря 1909 г. Столыпин предписывал местным администраторам не злоупотреблять этими полномочиями.

Что касается равенства граждан перед законом, то крупнейший шаг в этом направлении был сделан Столыпиным 5 октября 1906 г., когда был издан указ об уравнивании крестьян в правах с лицами других сословий. Они получили право менять место жительства, свободно избирать род занятий, поступать на государственную службу и в учебные заведения, не испрашивая разрешения от общины. Однако разного рода ограничения оставались в силе для евреев. Столыпин сделал попытку смягчить легальную дискриминацию еврейского населения, но император отказался утвердить представленный ему проект (с. 241). „Ограничения, налагаемые на евреев, были единственным значительным исключением из правила, которое в остальном соблюдалось, что права граждан не зависят от их вероисповедания“ (с. 248).

Избирательное право по закону 3 июня 1907 г., конечно, не было равным, при значительном преобладании представительства землевладельцев, но оно было всеобщим в том смысле, что и крестьяне и рабочие (последние только от 6-ти промышленных губерний) имели в Думе своих особых представителей.

Бюджетные права Государственной Думы подвергались некоторым ограничениям (с. 287-288), но все же они играли важную роль и способствовали улучшению „бюджетных предположений“, в частности быстрому росту расходов на народное образование и на иные культурные нужды, а также расходов на землеустройство и на иные мероприятия для общего подъема сельского хозяйства, причем, как замечает автор, влияние Государственной Думы в финансовых вопросах постепенно возрастало.

В думскую эпоху „страна в целом полным ходом развивалась экономически и культурно“ (с. 241). С отменой предварительной цензуры в городах, особенно в столицах, значительно возросла количественно периодическая печать (в большинстве оппозиционного направления). В стране возникло множество новых обществ и союзов, включая политические партии, неизвестные „старому режиму“. Обозревая общее состояние России в эту эпоху, проф. Шефтель приходит к заключению, что манифест 17 октября 1905 года „положил начало превращению Российской Империи в конституционную монархию“ (с. 245).

Однако не все администраторы хотели или уме-

ли приспособиться к условиям конституционного строя, и „старорежимные” действия правительственных органов — центральных и местных — вызвали рост оппозиционных настроений в Государственной Думе и в стране (с. 332). Тормозом на пути движения России к демократизации был, в частности, Государственный Совет, состоявший наполовину из назначенных царем чиновников.

В заключительной главе „Итоги и перспективы к концу монархии” автор ставит вопрос: было ли возможно эволюционное развитие Российской Империи, если бы не было войны, или обвал революции был неизбежен? Конечно, решение этого вопроса может быть только предположительным. Но обсуждение *возможности* будущего возможно и нужно.

„Нужно прежде всего подчеркнуть, что политический и социальный климат (созданный введением народного представительства) способствовал экономическому, культурному и социальному прогрессу”, — пишет автор (с. 341). В частности:

— поощряемое Государственной Думой, быстро росло народное образование, и строились новые школы;

— земское самоуправление было введено в 9-ти новых губерниях (на западе и на юго-востоке) в добавление к 34-м прежним земским губерниям;

— 15 июня 1912 года был издан закон о реформе местного суда в сельских местностях, передающий судебную власть от назначаемых правительством земских начальников мировым судьям, из-

бираемым земскими собраниями;

— в 1912 г. были также изданы законы о страховании рабочих от болезней и от несчастных случаев на производстве;

— Столыпинская земельная реформа проводилась в широких масштабах и сопровождалась многочисленными мероприятиями для подъема производительности сельского хозяйства.

Однако сохранение чрезвычайных положений и политика реакционных министров (Н.А.Маклакова, Л.А.Кассо, И.Г.Щегловитова, И.Л.Горемыкина) вызывали неприязненные отношения между правительством и четвертой Государственной Думой, обострившиеся во время войны. Несмотря на личное нерасположение царя и царицы к принципу народного представительства, Государственная Дума прочно установилась в русской политической жизни (с. 382-384).

Говоря о возможных перспективах будущего развития России, проф. Шефтель указывает, что класс землевладельческого дворянства, бывшего традиционной опорой царского трона, быстро и неуклонно терял свою социальную силу, ибо дворянские земли переходили в руки зажиточного крестьянства. Вместе с тем в думскую эпоху происходили: подъем производительности крестьянских полей, мощный рост сельской кооперации, быстрое расширение народного образования и формирование сельской интеллигенции — словом, социальная перестройка русской деревни, которая в будущем должна была бы привести к политическим последствиям.

Одновременно с ростом деревни быстро развивалась и промышленность, росло число образованных людей, ценивших принцип „законности“, росла оппозиционная печать, возрастала сила общественного мнения, словом, „ясно намечалась линия эволюции“ (с. 421).

Однако были и опасные противодействующие влияния и многие вопросы внутренней жизни оставались неразрешенным (с. 425). Столыпин считал, что для завершения всех необходимых реформ России было бы нужно 20 лет мирной жизни (с. 428). Проф. Шефтель положительно оценивает земельную реформу Столыпина и отвергает широко распространенную сказку о том, что девизом его деятельности было изречение „сначала успокоение, а потом реформы“.

Тем не менее, проф. Шефтель усматривает в деятельности Столыпина три ошибки. Во-первых, сохранение в силе чрезвычайных положений 1881 года, ущемлявших гражданские права во имя поддержания порядка. Во-вторых, недостаточную широту земельной реформы; проф. Шефтель считает, что для успокоения крестьянства, столыпинское землеустройство должно было быть дополнено отчуждением помещичьих земель за справедливое вознаграждение. Третьей политической ошибкой Столыпина автор считает его националистическую политику в Польше и Финляндии.

Тем не менее, „новая система начала себя оправдывать, и Россия начала выздоравливать“ (с. 439). Объявление всеобщей мобилизации и начало войны в 1914 году, вопреки опасениям,

не вызвало никаких беспорядков: „Страна в целом, все классы населения и все этнические группы, по призыву правительства, покорно пошли на войну” (с. 444). Лишь неудачный ход войны, поражения русской армии в Галиции весной и летом 1915 года, вызванные катастрофическим недостатком военного снабжения, изменили общественное настроение.

Образовавшийся в Думе „прогрессивный блок” требовал широких реформ; выдвигалось требование „министерства общественного доверия”, что, по-существу, означало министерство, пользующееся доверием Думы, т.е. введение парламентарного строя. Император, уверенный в божественном происхождении царской власти, не допускал мысли о передаче этой власти в руки парламента. В то же время он многократно сменял министров. Ответственные посты зачастую занимали люди, совершенно к этому не пригодные, что еще больше ослабляло престиж власти. Наконец, в феврале 1917 года продовольственные затруднения и рабочие демонстрации в Петрограде перешли в солдатские бунты, а солдатские бунты перешли в революцию.

В конце своей книги проф. Шефтель ставит своей задачей „ретроспективный прогноз” (с. 452 и сл.): не будь войны, была ли возможна в России мирная эволюция или же русская революция была неизбежной? Профессор-„оптимист” — Артур Мендель — отвечает на этот вопрос утвердительно. Ученые-„пессимисты” — Леопольд Хаим-

тал, что для завершения всех необходимых реформ России было бы нужно 20 лет мирной жизни (с. 428). Проф. Шефтель положительно оценивает земельную реформу Столыпина и отвергает широко распространенную сказку о том, что девизом его деятельности было изречение „сначала успокоение, а потом реформы”.

Тем не менее, проф. Шефтель усматривает в деятельности Столыпина три ошибки. Во-первых, сохранение в силе чрезвычайных положений 1881 года, ущемлявших гражданские права во имя поддержания порядка. Во-вторых, недостаточную широту земельной реформы; проф. Шефтель считает, что для успокоения крестьянства, столыпинское землеустройство должно было быть дополнено отчуждением помещичьих земель за справедливую компенсацию, напоминая, что война разрушила не только Российскую, но и Германскую, Австро-Венгерскую и Турецкую империи. „На вопрос о том, продолжала ли бы российская конституционная монархия существовать, если бы не было войны и созданной ею напряженной ситуации, нельзя дать бесспорного ответа. Но в области возможностей, и, пожалуй, даже вероятности, ответ должен быть утвердительным” (с. 469).

* Интересующиеся *фактами* подъема народного хозяйства в России накануне 1-й мировой войны могут их найти в Статистическом ежегоднике за 1914 год, а также в трудах компетентных советских историков-экономистов, как П.И.Лященко, „История народного хозяйства СССР”, т. 2, и П.А.Хромова, „Экономическое развитие России в XIX-XX веках”.

Переговоры правительства с Думской оппозицией о вхождении в правительство

К 75-летию созыва I и II Думы

Н. Рутыч

27-го апреля 1906 г. в Георгиевском зале Зимнего Дворца собрались только что избранные депутаты Первой Государственной Думы. Поднявшись с трона, поставленного между мраморными колоннами с позолоченными коринфскими капителями, Государь начал свою речь словами, положившими конец самодержавию: „...попечение о благе Отечества побудило меня призвать к содействию в законодательной работе — выбранных от народа”.

Говоря о новых, основных законах, Государь торжественно обещал перед собравшимися депутатами обеих Палат: „Я же буду охранять непоколебимые установления, мною дарованные, с твердой уверенностью, что вы отдадите все свои силы на самоотверженное служение отечеству... памятуя, что для духовного величия и благоденствия Государства необходима не одна свобода, — необходим порядок на основе прав”.

Это заявление Николая II еще не было присягой Конституции. Но, как справедливо

считает такой тонкий юрист как В.В. Маклаков, слова об „охране” основных законов, заменяли присягу.

После окончания приема депутаты Думы спустились через Иорданский подъезд Зимнего Дворца на набережную Невы, где их ждали пароходы, чтобы доставить в перестроенный и приспособленный для парламентской деятельности Таврический дворец, а Государь на яхте „Александрия” вернулся в свою летнюю резиденцию в Петергофе, где вечером записал в свой дневник: „Приехали домой в четыре с половиной. Занимался — долго, но с облегченным сердцем...”¹.

Об открытии Первой Думы написано много. Сохранилось и немало воспоминаний участников этого события, историческое значение которого в течение долгого времени искусственно заслонялось такими эпизодами как восстание на броненосце „Потемкин” или Декабрьское восстание в Москве.

Однако до сих пор не был еще по настоящему исследован вопрос о том, какие помыслы были у Императора Николая II, когда он созывал Первую Думу? В чем заключались ближайшие цели, которые он стремился достичь, созывая ее? А вместе с тем, отставка, накануне созыва Думы, премьер-министра С.Ю. Витте вместе со всем кабинетом министров и назначение нового правительства

— в составе которого Государь, как свидетельствует Коковцов, не желал видеть ни одного старого министра — указывают на то, что тогда Государь, созывая Думу, надеялся достичь коренных изменений в русской государственной и политической жизни.

Но, прежде чем перейти к характеристике нового министерства, назначенного Николаем II одновременно с созывом Думы, необходимо напомнить, что с легкой руки М.Н. Покровского, в советской исторической литературе до сих пор повторяются ленинские, демагогические утверждения о том, что созыв Думы был всего лишь временной уступкой самодержавия народу, ибо, как писал Ленин, в своей известной статье „Уроки революции”: „...никакие Думы, никакие сладкие речи кадетов... не удержат царя от уничтожения всех остатков свободы, от восстановления самодержавия”.²..

Недалеко ушел от Покровского и новейший исследователь политики правительства по отношению к Думе В.И. Старцев³, вынужденный начать свое исследование цитатами из ленинской статьи 1906 г. „Борьба за власть”, где спешно отказавшийся от бойкота Думы вождь, считаясь с возможностью привлечения кадетов в правительство, писал: „На деле назначение такого министерства будет теперь новой либеральной ширмой камарилы”⁴.

Спрашивается, из кого же состояла эта „камарилья”, назначенная, как мы говорили выше, в апреле 1906 г., одна мысль о замене которой приводила Ленина в раж?

В свете всего сказанного необходимо остановиться на характеристике лиц, выбранных Государем на ключевые, министерские посты в новом правительстве апреля 1906 г. Прежде всего, впервые на столичном горизонте появился, в качестве министра внутренних дел, Петр Аркадьевич Столыпин. Мы не располагаем, к сожалению, прямыми историческими источниками, указывающими на то, что Николай II увидел в саратовском губернаторе горячего сторонника тесного сотрудничества с Думой, каким был Столыпин. Бесспорно, Государь знал об обширных связях П.А. Столыпина в среде земских деятелей, с которыми он сотрудничал на всех этапах своей служебной деятельности. Весьма вероятно, что на Государя произвел большое впечатление письменный доклад П.А. Столыпина о прекращении аграрных беспорядков в Саратовской губернии, но к сожалению ни этот, ни другие доклады Столыпина в качестве саратовского губернатора до сих пор не опубликованы. Во всяком случае, отношение Столыпина к Думе, стремление сотрудничать с ней, достаточно проявилось в течение его пятилетней министерской деятельности.

Вместе со Столыпиным в состав прави-

тельства вошли такие открытые сторонники сотрудничества с Думой как министр иностранных дел А.П. Извольский, министр финансов В. Н. Коковцов и, в то время либерально настроенный, министр юстиции И.Г. Щегловитов.

Нельзя, конечно, забывать, что это первое правительство, призванное найти новые пути для управления Государством в условиях конституционного по существу законодательства, возглавил типичный представитель старой, петербургской бюрократии И. Л. Горемыкин. Когда В. Н. Коковцов в переговорах с Николаем II о своем вхождении в состав правительства указал прямо, что он считал „Горемыкина мало подходящим для настоящей минуты...”, и высказал опасение о нежелании Ивана Логгиновича „сблизиться с представителями новых элементов в нашей государственной жизни”⁵, царь ему ответил, что, зная преданность Горемыкина, он уверен: с этой стороны не может быть никаких „сюрпризов”, и дал понять, что Горемыкин может быть в любой момент заменен, иначе говоря, — он является главой переходного правительства.

Как показали дальнейшие переговоры, вопрос о замене Горемыкина действительно вставал, и не раз: кандидатами на его место были председатель Думы кадет Муромцев и октябрист Шипов. Забегая вперед, напомним,

ним, что, когда выяснилась неудача переговоров с кадетским большинством в Первой Думе и было принято решение ее распустить, Горемыкин был уволен и председателем совета министров стал П.А. Столыпин, бывший ведущей фигурой в переговорах о коалиционном правительстве.

Что же касается других членов кабинета, то новый министр иностранных дел Александр Петрович Извольский не раз подчеркнуто называл себя „конституционным министром”. Об этом, в частности, пишет главный юрисконсульт министерства иностранных дел и профессор международного права, барон Михаил Александрович Таубе, рассказывающий, как он при первом разговоре с новым министром был свидетелем отказа принять на службу провалившегося на экзамене в министерство кандидата — „протеже” одной из самых блистательных дам высшего петербургского света.

„Что скажет пресса, что скажут в Думе, — сказал Извольский барону Таубе, — если узнают, что первый конституционный министр продолжает прибегать к обветшалым обычаям, подтверждающим произвол?”⁶.

Николай II не мог не знать этих умонастроений Извольского, тем более, что тогда он еще весьма внимательно прислушивался к советам своей матери — вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны, а она, со

свойственным ей тактом, умела обращать его внимание на мнения либерального посланника в Копенгагене — последней должности Извольского, откуда он был срочно вызван, чтобы возглавить в апреле 1906 года министерство иностранных дел*.

Не удивительно поэтому, что сохранивший немало друзей в земских кругах А.П. Извольский собрал у себя целый ряд, как он пишет, „близких друзей”, составивших вместе с ним „Записку” для Государя, отредактированную окончательно тогда еще правым кадетом (потом он станет одним из учредителей „партии мирного обновления”) Н.Н. Львовым, к которому был дружески расположен П.А. Столыпин, еще будучи саратовским губернатором.

8 июня 1906 г., пользуясь очередным докладом царю, Извольский передал ему эту „Записку” в Петергофе. В этом документе рекомендуется создать коалиционное правительство с участием представителей Думы и земства. В председатели Совета Министров рекомендуется уже избранный председателем Первой Думы проф. Муромцев. Несмотря на то, что П.Н. Милюков не был избран

*Императрица Мария Феодоровна (принцесса Дагмара) проводила ежегодно несколько недель у своего отца, датского короля Христиана IX, в Копенгагене вместе со своей сестрой — супругой английского короля Эдуарда VIII. Она, безусловно, вполне доверяла А.П. Извольскому.

депутатом Первой Думы, в „Записке” указывается на желательность его вхождения в правительство.

Предлагая оставить на посту министра внутренних дел П.А. Столыпина, авторы „Записки” выдвигали ему в заместители известного земского деятеля, депутата Первой Думы кн. Г.Е. Львова (будущего главу Временного правительства).

Передавая эту записку Государю, Извольский, как он пишет, подчеркнул, что только на пути реформ, правительство, пользующееся доверием Думы и общества, то есть в первую очередь земства, сможет справиться с революционным движением. Как вспоминает далее А.П. Извольский, Государь с интересом выслушал все его доводы в пользу коалиционного правительства и оставил у себя „Записку”. А через несколько дней, принимая снова у себя в Петергофе министра иностранных дел, он „поручил ему вступить в переговоры с лицами, упомянутыми в „Записке”, а также с другими, если может встать вопрос об их вхождении в коалиционное правительство”⁸.

Император Николай II передал Извольскому собственноручную записку для Столыпина, в которой подтверждал свое поручение вести переговоры с целью формирования коалиционного правительства⁹.

Еще более очевидными рисуются намере-

ния Государя в связи с назначением в то же правительство министром финансов Коковцова. Николай II конечно помнил слова Витте, сказанные им на заседании, посвященном обсуждению проекта закона о Государственной Думе 18 февраля 1906 года, когда тогдашний премьер-министр подчеркнул „его (Коковцова — Н. Р.) нежность к конституционному строю, его желание насадить у нас парламентские порядки”¹⁰. Разумеется, Витте иронизировал, но Коковцов не отрицает в своих воспоминаниях, что он на том же заседании „подробно развил значение двухпалатной системы законодательства”¹¹.

Коковцов вернулся из Парижа 19 апреля 1906 года, после успешного заключения т. н. „ликвидационного” займа, позволившего покрыть чрезвычайные расходы во время русско-японской войны и сохранить свободный размен на золото русской валюты. Все признавали этот большой успех, но когда 22 апреля Государь принимал Коковцева, последний, ссылаясь на усталость и отрыв от дел в России, отказался от предлагаемого ему поста министра финансов. Об уговорах занять этот пост он пишет: „...неоднократно во время нашей, почти часовой, беседы Государь выражал мне его надежду на то, что Дума, встретившись с ответственной работой, может быть окажется на самом деле менее революционной..., в особенности, что земские

круги, которым, по-видимому, будет принадлежать руководящее значение в Думе, не захотят взять на себя неблагоприятную роль быть застрельщиками в новой вспышке борьбы между правительством и новым народным представительством”¹².

В добросовестности и порядочности Коковцова нет основания сомневаться. Его упрекали лишь в скрупулезно-честном отношении к каждому расходу. Поэтому передача им настроений Государя накануне созыва Первой Думы подтверждает лишь, что в это время мысли о тесном сотрудничестве с Думой и привлечение в состав правительства лидеров ее большинства всерьез занимали царя. Тем более что, несмотря на отказ Коковцова, Государь, зная его безотказную готовность служить России, все же назначил его министром финансов 27 апреля 1906 года — буквально за несколько часов до приема депутатов Думы в Зимнем Дворце.

Итак, как свидетельствует Коковцов, Государь продолжал верить, „что Дума постепенно втянется в работу”. И скорее эта вера, а не стремление „разведать” в лагере противника, как пишет С.С. Ольденбург¹³, толкнула его поручить одному из самых преданных ему людей — дворцовому коменданту ген. Дмитрию Федоровичу Трепову — обратиться непосредственно к руководству партии каде-

тов с целью выяснить возможность замены правительства Горемыкина новым „правительством доверия”, то есть коалиционным.

Около 10 июня генерал Трепов обратился к чопорному профессору римского права, кадету С.А. Муромцеву с предложением встретиться, чтобы обсудить условия, на которых кадеты согласились бы войти в правительство. Муромцев отказался от встречи с посланником царя под предлогом, что у него нет на это согласия ЦК кадетской партии. Тогда Трепов через „юркого журналиста” агентства Ройтер Ламарка пригласил на частную встречу лидера кадетов П.Н. Милюкова.

Встреча состоялась в известном всему Петербургу ресторане „Кюба” на Большой Морской (ныне ул. им. Герцена). Забегая вперед, скажем, что примерно через 10 дней после встречи ген. Трепов опубликовал в английских газетах через агентство Ройтер интервью, где, в частности, говорилось, что он считает „...весьма желательным, чтобы новое правительство было образовано из членов думского центра”, то есть из кадетов.

Как рассказывает П.Н. Милюков¹⁴, Трепов сразу же стал тщательно записывать все ответы своего собеседника с очевидной целью — дословной передачи их царю. На вопросы генерала Третьякова об условиях вхождения в правительство П.Н. Милюков отвечал с партийных позиций: „ответственные”

только перед Думой министерства, переход к однопалатной системе (ликвидация верхней палаты Государственного Совета) и, следовательно, пересмотр основных законов, всеобщая амнистия (включая „эксов” из большевиков и „боевиков”-террористов из эсеровской организации), отчуждение помещичьих земель и прочие требования кадетской программы.

Естественно, что начинать переговоры о „министерстве доверия” с пересмотра только что объявленных основных законов (с оставлением для Государя права назначать лишь военного и морского министров) не имело смысла. Милюков не шел на компромисс. Список кадетских министров, записанный со слов Милюкова генералом Треповым, Государь показал через несколько дней (между 15 и 20 июня) министру финансов Коковцову.

Коковцов сразу же понял, что требования Милюкова и его список министров означают отмену основных законов и передачу власти одной партии, „...которая слишком много наобещала крайне левым элементам и слишком явно попала в зависимость от них, чтобы удержаться на поверхности”¹⁵. Государь, по-видимому, пришел к такому же выводу, остановил попытки Трепова (что было тяжелым ударом для генерала, скончавшегося от сердечного припадка 2 ноября

в том же 1906 году) и поручил, как мы уже знаем, переговоры о коалиционном правительстве Извольскому и Столыпину.

Между 19 и 24 июня, вспоминает П.Н. Милюков, он приехал поздней ночью по приглашению Столыпина к нему на дачу на Аптекарском Острове. В кабинете Столыпина уже сидел в „качестве благородного свидетеля” А.П. Извольский. В своей книге „Три попытки” Милюков дает понять, что он не уклонился бы от образования кабинета министров, если бы такое поручение ему было сделано. Однако в своих „Воспоминаниях”¹⁶ лидер кадетов говорит о своем „несогласии сохранить некоторых членов существующего кабинета”, то есть не скрывает своего несогласия на коалиционное правительство.

Таким образом, Милюков остался на тех же позициях, которые он изложил Трепову, опустив лишь вопрос об изменении основных законов. Стало ясно еще раз, что Милюков отказывается от какого-либо компромисса. Да и сам он по поводу этого ночного визита к Столыпину любил повторять слова своего коллеги по ЦК кадетской партии, графа П.А. Гейдена: „Нас приглашали на роль наемных детей при дамах легкого поведения”.

В своей последней книге „Годы” В.В. Шульгин¹⁷ первоначально намеревался

озаглавить свою главу о Думе „Трагедия эволюции”. Это очень точное определение, ибо если Столыпин первоначально искренне стремился разделить власть с Думой, то представители партии центра не понимали, что для этого необходим компромисс — исторический компромисс. „Я указал Столыпину, — писал уже после революции Миллюков, — что если хотят использовать нашу популярность, принимая в кабинет лица, то этот расчет ошибочен...” А в то время, как указывает В.В. Шульгин, надо было выбирать: или реформы и эволюция, или революция до конца...

„Почему кадеты — мозг нации, — спрашивал позже через год Столыпин Маклакова, — не хотят разорвать с революционерами?” И, переходя на шутливый тон, добавлял: „Кадет под столом жмет ножку Революции”¹⁸.

Атмосферу того времени, хорошо показанную Шульгиным в его последней книге „Годы”, подтверждает в своих воспоминаниях и министр иностранных дел А.П. Извольский. После ночного заседания с Миллюковым у Столыпина на Аптекарском Острове в июне 1906 года, Извольский предложил лидеру оппозиции подвезти его с островов в город. Когда коляска министра медленно катилась белой петербургской ночью по Каменноостровскому (ныне Кировскому) проспекту, Извольский, шутя, заметил, что

едва-ли кто поверит своим глазам, увидя его вместе с лидером кадетов. Милюков ответил, что если их заметят, то скомпрометированы будут они оба: он в глазах левых, а Извольский у правых¹⁹. Оба рассмеялись, но лидер кадетов все же предпочел соскочить у Петропавловской крепости.

Не прошло и двух дней со времени ночного визита Милюкова на дачу Столыпина, как 26 июня Н.Н. Львов (редактировавший, как мы знаем, „Записку” о коалиционном правительстве) встретил Шипова на Николаевском вокзале и передал ему приглашение приехать к Столыпину.

Д.Н. Шипов попытался было уклониться от этой встречи, но прибыв в Государственный Совет (членом которого он был „по выборам” от московского земства), узнал, что сам император Николай II приглашает его 28 июня к себе в Петергоф. Только после этого Шипов с Н.Н. Львовым поехали поздно вечером 27 июня к Столыпину. Министр внутренних дел уже ждал их вместе с Извольским. Столыпин сразу же предложил Шипову сформировать коалиционный кабинет, который мог бы работать с Думой. Столыпин предоставлял Шипову подобрать всех министров самому за исключением военного и морского и только дал понять, что на постах министров внутренних и иностранных дел желательно оставить его и Извольско-

го²⁰. Столыпин выразил надежду, что „безупречное имя Шипова в качестве председателя могло бы сломить кадетскую нетерпимость”.

Шипов, как он сам пишет, усомнился, что можно создать необходимые взаимодействия между правительством и Государственной Думой, не привлекая руководство кадетской партии. Ибо, как он считал, привлечение только его единомышленников из кадет (таких, как например, Н.Н. Львов, князь Г.Е. Львов, гр. П.А. Гейден и другие) не получило бы, по его мнению, поддержки большинства в Думе.

Идя навстречу Шипову, Извольский заявил, что вопрос участия в новом правительстве его и П.А. Столыпина „...должен свободно решить сам Дмитрий Николаевич”²¹. Со своей стороны Столыпин рассказал Шипову о недавних переговорах с Милюковым и отметил, что лидер кадетов не возражал бы, если ему предложат стать премьером; но конечно, окончательное решение, подчеркнул он, остается за Императором.

В ответ Шипов настаивал на кандидатуре Муромцева как главы правительства. Однако его оба собеседника уже знали об отказе Муромцева участвовать в коалиционном правительстве. Так прошла еще одна бессонная белая ночь на даче на Аптекарском Острове, в настойчивых, но бесплодных поис-

ках возможности создать коалиционное правительство с участием Думы. На следующий день, 28 июня, прежде чем ехать к Государю, Шипов наскоро успел поговорить с Муромцевым и снесся через своего друга графа Гейдена с Милюковым.

Милюков еще раз категорически отказался участвовать в коалиционном правительстве и передал, что он не откажется возглавить только кадетское, „парламентарное” министерство.

Муромцев же отказался вообще вести переговоры без согласия ЦК кадетской партии и ее думской фракции. И на слова Шипова о том, что Милюков согласился бы стать премьером, на следующий день председатель Первой Думы ответил известной фразой о том, „что двум медведям нет места в одной берлоге”.

Таким образом, к моменту аудиенции у Государя Шипов так и не пришел к какому-либо решению. Его запись разговора с Государем²² показывает, что царь шел охотно на уступки. Но ему настойчиво предлагали однопартийное правительство, возглавляемое либо Милюковым, либо Муромцевым. Шипов предложил Муромцева в качестве председателя кабинета, а Милюкова в качестве министра иностранных дел и уклонился сам от какой-либо ответственности.

Стало трафаретом повторять слова Госу-

даря историку Ключевскому об этой встрече: „Вот говорят, Шипов умный человек. А я у него все выпросил — и ничего ему не сказал”. Эти слова, приводимые Милюковым, служат, обыкновенно, для доказательства двуличности и скрытности Государя. Однако в данном случае, как мы видели, Государь через Извольского принял с сочувствием идею о коалиционном правительстве. На основании известной нам „Записки”, он поручил Столыпину и Извольскому вести переговоры с представителями общественности и Думы. Но и они, и ген. Трепов натолкнулись на упорное нежелание даже начать переговоры о коалиционном правительстве, вместо которого выставлялось категорическое требование создать парламентское правительство, состоящее только из представителей кадетской партии.

Таким образом, для Государя было ясно, что Шипов пришел к нему с пустыми руками, и он мог только убедиться, что получил еще один отказ на предложение членам Думы и общественным деятелям войти в состав правительства. Что же он после этого мог сказать Шипову?

Но все же несмотря на это разочарование, Государь, отвечая на вопрос Шипова, категорически заявил, что не может быть и речи об отмене Манифеста 17 октября и о ликвидации Думы и Государственного Совета. Ины-

ми словами, он не допускал мысли о возвращении к самодержавию.

Перед Государем встала альтернатива: или передать власть кадетской партии в условиях еще не утихшей революционной обстановки и зависимости этой партии от революционного подполья, — или распустить Думу и заменить правительство Горемыкина новым, более способным продолжать переговоры с тем большинством, которое образуется после выборов во Вторую Думу. Таким правительством стало вечером 8 июля 1906 г. правительство А.П. Столыпина, назначенного вместо Горемыкина председателем Совета министров с сохранением портфеля министерства внутренних дел. „Переходное” министерство И.Л. Горемыкина, назначенное вместе с созывом Первой Думы, не смогло выполнить свою задачу, и Государю пришлось поручить дальнейшее осуществление идеи сотрудничества с Думой наиболее, по его мнению, способному для этого человеку.

Столыпину, как и Извольскому было ясно, что кадеты не созрели до компромисса. Впрочем, Столыпин был далек от мысли об окончательном разрыве с кадетами. Наоборот, став председателем Совета министров, он, как свидетельствует Маклаков, первый стал искать личного контакта с ним и с другими правыми кадетами.

Но до созыва Второй Думы взоры Столыпина обратились к октябристу и руководителю земства в Москве, либералу Дмитрию Николаевичу Шипову и князю Г.Е. Львову. Многолетний председатель московской земской управы, Шипов (как и кн. Г.Е. Львов) казался многим в государственном плане более значительной личностью, чем он, может быть, был на самом деле.

Уже через несколько дней после того, как он возглавил правительство, — 12 июля 1906 года, Столыпин обратился к ним с предложением приехать к нему для переговоров о вхождении в правительство.

Сначала Шипов, как и в первый раз, пытался уклониться, но после того, как Столыпин послал обоим формальное приглашение для переговоров о продовольственной помощи населению в рамках „Общеземской организации“, которую они возглавляли, — выхода не было, и они приехали. Как рассказывает Шипов, Столыпин, изложив кратко свою программу реформ, сказал: „Я обращаюсь к вам обоим с просьбой войти в состав образуемого мной кабинета и оказать ваше содействие осуществлению конституционных начал, возвещенных Манифестом 17 октября”²³.

Так началась новая серия переговоров о вхождении в правительство ряда видных общественных деятелей, из которых кроме Ши-

пова и князя Львова, упомянем графа Гейдена, Н.Н. Львова, известного юриста А.Ф. Кони, князя Е.Н. Трубецкого и лидера октябристов А. И. Гучкова. Разногласия со Столыпиным начались уже в первом разговоре 15 июля, когда Шипов и Львов возражали против плана провести в чрезвычайном порядке ряд реформ, в том числе аграрную, не ожидая созыва Второй Думы. Они же настаивали на том, что ни одна реформа не может быть осуществлена помимо законодательных учреждений.

В итоге этой встречи со Столыпиным, Шипов и Львов написали 17 июля письмо премьер-министру, где, резюмируя свою точку зрения, предложили сформировать кабинет министров таким образом, что из 13 министров „ ...должно быть не менее семи лиц, призванных из общества”²⁴. Иначе говоря, они требовали минимального большинства в правительстве, при условии, что портфели министра внутренних дел, министра юстиции и государственного контролера будут в руках этого большинства. Но главным по-прежнему оставалось старое кадетское требование о немедленной амнистии, о прекращении действий всех исключительных положений и об отмене смертной казни.

Отвечая на это письмо, Столыпин писал: „ ...душевно жаль, что вы отказываете мне в вашем ценном и столь желательном, для бла-

га общего, сотрудничестве... Я нахожу, что нужно реальное дело, реальные реформы, и что мы в промежуток 200 дней, отделяющих нас от новой Думы, должны всецело себя отдать подготовке их и проведению возможного в жизнь... В общих чертах, в программе, которая и по мне должна быть обнародована, мы мало расходимся. Что касается смертной казни (форма приостановки ее Высочайшим Указом) и амнистии, то нельзя забывать, что это вопросы не программные, т.к. находятся в зависимости от свободной воли Монарха. Кабинет весь целиком должен быть сплочен единством политических взглядов, и дело, мне кажется, не в числе портфелей, а в подходящих лицах, объединенных желанием вывести Россию из кризиса”.

Несмотря на отказ Шипова и князя Львова, Столыпин со свойственной ему энергией продолжал попытки найти лиц из общества, готовых войти в правительство. Упомянем лишь его переговоры с Н.Н. Львовым и графом Гейденом, стремившимися в свою очередь привлечь в „правительство доверия” знаменитого юриста Кони, с которым дважды, в июле 1906 года, встречался Столыпин. После решительного отказа Кони, Столыпин вел переговоры с лидером октябристов Гучковым и тем же Н.Н. Львовым, покинувшим партию кадетов. Столыпин устроил им аудиенцию у Государя в Петергофе.

Во время приема напротив царской резиденции, в Кронштадте, шла стрельба. Ген. И.Иванов (впоследствии командующий юго-западным фронтом) подавлял восстание во флоте. Львов и Гучков (принятые царем порознь) соглашались войти в правительство на условиях принятия деклараций с рядом положений, развивающих Манифест 17 октября. В частности — по вопросу равноправия.

Государь соглашался во многом с Гучковым, но считал, что вошедшие в правительство общественные деятели должны выступать от его имени с правительственной программой, добиваясь соглашения внутри правительства. Но что он — „против вступления целой группы с какой-то программой”. Иначе говоря, Государь отказывался признавать нахождение в правительстве министров со своей особой партийной программой.

Неудача этой аудиенции весьма расстроила Столыпина, успевшего лично сблизиться с Гучковым, а после 12 августа, когда эсеры-максималисты взорвали дачу Столыпина на Аптекарском Острове, бывшую, как мы видели, свидетельницей стольких ночных встреч и переговоров, он целиком ушел в подготовку реформ и, прежде всего, аграрной, которая и была проведена в ноябре 1906 года в порядке применения 87 статьи нового законодательства.

20 февраля 1907 года собралась Вторая Государственная Дума. В отличие от Первой, в ней не было большинства. Кадеты получили 123 депутатских кресла вместо 184 в Первой Думе, то есть около 25%. Не было большинства и у правых, хотя во Второй Думе оказалось больше октябристов и близких к ним „националистов”. Несмотря на то, что в кадетской партии П.Б. Струве предлагал заменить требования Милюкова о „полновластных, ответственных, парламентских министерствах” лозунгом о правительстве, „солидарном с Думой”, лидер партии Милюков, который на этот раз прошел депутатом в Думу, настойчиво продолжал придерживаться своей точки зрения и не собирался рвать с социал-демократами, которые, отказавшись от ленинской тактики бойкота Думы, образовали теперь свою фракцию во Второй Думе.

С другой стороны, во Вторую Думу был выбран по кадетскому списку выдающийся юрист Маклаков, оставивший исключительные по богатству своего содержания воспоминания о Думе. Он и его друзья — правые кадеты Струве и Челноков — регулярно встречались со Столыпиным зимой в Зимнем, а летом в Елагинском дворце, куда переехала семья Столыпина по требованию Государя (после взрыва на Аптекарском Острове) и продолжали обсуждать вопрос о возможно-

сти вхождения кадетов в правительство, хотя эти разговоры — в силу того, что сам Маклаков и его друзья были в меньшинстве в кадетской партии, — носили скорее академический и дружеский характер.

Отсутствие большинства в Думе ставило правительство в трудное положение, ибо оно не могло продвигать свои проекты реформ. Один Извольский продолжал надеяться, что деловая работа в Думе наладится и говорил на заседаниях Совета министров, что „ее (Думы. — Н.Р.) оппозиционные выступления против правительства вовсе уже не так далеко отходят от обычной оппозиции в европейских парламентах”. В отличие от Извольского, министр финансов Коковцов жаловался, что он так и не добился от Второй Думы голосования по вопросу о бюджете. И сам этот вопрос был сдан в комиссию, откуда он так и не вернулся до самого роспуска Думы.

Кризис, предрешивший судьбу Второй Думы, разразился 5 мая 1907 г., когда поступил запрос от 31 члена Государственной Думы об обыске на квартире депутата Озоля, принадлежавшего к думской фракции социал-демократов. Подписавшие запрос называли этот обыск „преступным вторжением в помещение, имеющее свойство неприкосновенности”.

На что Столыпин тут же ответил с дум-

ской трибуны, напомнив, что в Петербурге все еще продолжается „положение об усиленной охране“, и что в данном случае имеются неоспоримые доказательства, что член Государственной Думы участвует в военно-революционной организации, материалы о которой уже переданы суду. После выступления Столыпина встал вопрос о снятии депутатской неприкосновенности с члена Думы Озоля. Этот вопрос был передан в Комиссию, возглавляемую кадетом проф. Кизеветтером, ибо Милюков отказался решать немедленно голосованием вопрос о депутатской неприкосновенности Озоля.

2 июля 1907 г. председатель комиссии, занимавшейся делом арестованных социал-демократов, проф. Кизеветтер доложил, что комиссия свою работу не закончила, и Дума отклонила 201 голосом против 175 предложение решить этот вопрос на экстренном вечернем заседании.

В тот же вечер Столыпин попросил приехать к нему в Елагинский дворец четырех кадетских лидеров, с которыми он уже не раз встречался: Челнокова, Струве, Гессена и Маклакова. Было половина двенадцатого ночи, когда они вошли в его кабинет. Столыпин сразу спросил: есть ли надежда на согласие Думы принять доказательство судебных властей об участии Озоля и его группы в подготовке вооруженного восстания?

Струве пытался убедить Столыпина, что „он требует от Думы того, чего она дать очевидно — не может...”. Столыпин ответил, что по его мнению группа Озоля мешает Думе „не меньше, чем мне”. И он заговорил, как пишет Маклаков, „совсем другим, прямо убеждающим тоном: „Освободите Думу от них и вы увидите, как хорошо мы будем с вами работать... Препятствий к установлению правового порядка в России я никаких ставить не буду”²⁵.

На это Маклаков ответил: „Ваше требование Вы предъявили в такой острой и преувеличенной форме, что его принять Дума — не сможет... я — самый правый кадет и — буду голосовать *против* Вас” (выделено Маклаковым).

„Ну тогда — делать нечего, — сказал Столыпин, — только запомните, что я Вам скажу: это вы сейчас распустили Думу”²⁵.

Так неудачно закончились все попытки создать „Правительство доверия” с участием в нем депутатов Думы. И нельзя не признать, что как со стороны Государя через ген. Трепова, так и еще больше со стороны ведущих министров — Столыпина и Извольского — было сделано, можно сказать, все от них зависящее, чтобы ввести кадетов в состав правительства. „Отказываясь от сотрудничества со Столыпиным, такие умеренные либералы как князь Львов, граф Гейден и другие, —

пишет с горечью Извольский, — совершили еще раз грубую ошибку и показали тем самым, насколько политические партии России были в это время еще незрелы, находясь во власти политических страстей”²⁶.

Говоря о переговорах Столыпина с общественными деятелями и представителями думского большинства, нельзя, вслед за Леонтовичем²⁷ опираться на одного Маклакова (свидетельства которого, конечно, остаются незаменимыми). Можно привести также оценки и высказывания депутата Первой Думы, выдающегося русского историка, профессора Московского университета Владимира Ивановича Герье. В отличие от многих кадетов, профессор Герье исходил из того, что Великие реформы Александра II были оборваны „подпольной революцией”. В вопросе укрепления конституционного строя Герье следовал традиционной формуле основоположника государственной школы Б.Н. Чичерина: „Либеральные реформы и сильная власть”. А в период Первой Думы кадеты, по мнению проф. Герье, проводили тактику „штурма”²⁸ власти вместо того, чтобы, идя навстречу Столыпину и Извольскому, искать с ней соглашения. Это помогло социал-демократам, считает проф. Герье, усилиться во Второй Думе, перейти от бойкота к тактике „осады”, дополняя ее вооруженными восстаниями. Все это, подчеркива-

ет проф. Герье, примкнувший впоследствии к октябристам, вынудило правительство изменить избирательный закон, что, в свою очередь, позволило продолжать Великие реформы в Третьей Думе²⁹.

Но ни Милюков, ни его коллеги по партии, включая даже Маклакова, не захотели тогда, в 1906-1907 гг., пойти на компромисс, который мог стать „историческим”, мог стать прочной основой для реформ в условиях правовой государственности и политической устойчивости.

А когда, почти десять лет спустя, в 1915-1916 гг. они же, войдя в „Прогрессивный блок” были готовы, наконец, на этот компромисс, то было уже поздно.

Не было больше Столыпина. Ушел в отставку Коковцов; в далеком Париже сидел послом разочарованный Извольский. И Государь был уже не тот. В 1915 году он предпочел (теперь „не с „облегченным”, а с тяжелым сердцем”) бросить Петербург, практически отойти от политического руководства страной и, вопреки мнению большинства своих министров, уехать в Ставку с ее спокойной и размеренной жизнью.

Но как бы ни сложилась конституционная жизнь в короткое десятилетие думской монархии, теперь, 75 лет после издания законодательства о Думе, можно сказать, что ни в плане правовой государственности, ни

в области общественной и экономической жизни Россия никогда ни до, ни после этого не испытывала такое благополучие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дневник Императора Николая II. — Берлин: Изд. „Слово”, 1923, с. 240.
2. Ленин. Избранные соч., т. 1. — М., 1946, с. 575
3. В.И. Старцев. Русская буржуазия и самодержавие в 1905-17 гг. — Ленинград: Изд. „Наука”, 1977.
4. Ленин. Полное собр. соч., т. 13, с. 219.
5. Граф В.Н. Коковцов. Из моего прошлого (Воспоминания 1903-19). Том I. — Париж, 1933, с. 169.
6. Mémoires du Baron M. de Taube. La politique russe d'avant-guerre (1904-17). — Paris, 1928, с. 113.
7. Mémoires de Alexandre Iswolsky (1906-1910). — Paris: Payot, 1923, с. 196. Упомянутая „Записка” полностью приведена там на сс. 197-202.
8. Там же, с. 203.
9. Там же.
10. Граф В. Н. Коковцов. Из моего прошлого. Том I. — Париж, 1933, с. 140.
11. Там же, с. 138.
12. Там же, с. 168.
13. С.С. Ольденбург. Царствование Императора Николая II, т. I, часть 2-я. — Мюнхен, 1949, сс. 360 и далее.
14. П.Н. Милюков. Три попытки. — Париж, 1921, сс. 33 и далее.
15. Граф В.Н. Коковцов. Там же, с. 199.
16. П.Н. Милюков. Воспоминания. — Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1955, т. I, с. 387.
17. В.В. Шульгин. Годы. — М.: Изд. АПН, 1979.

18. В.А. Маклаков. Вторая Государственная Дума. — Париж, (без даты), с. 232.
19. П.Н. Милюков. Там же, с. 386. См. также цитируемую книгу Извольского.
20. Д.Н. Шипов. Воспоминания и думы о пережитом. — М., 1918, с. 447.
21. Там же, сс. 447 и далее.
22. Там же.
23. Там же, сс. 461-467.
24. Цитируем по В.А. Маклакову. Вторая Государственная Дума. — Париж, (без даты), сс. 44, 46-47.
25. В.А. Маклаков. Вторая Государственная Дума. — Париж, (без даты), сс. 246-247.
26. Mémoires d'Alexandre Iswolsky. — Paris: Payot, 1923, с. 226.
27. В.В. Леонтович. История либерализма в России. 1762-1914. Пер. с нем. Ирины Иловойской. (Серия: Исследования новейшей русской истории. Под общ. ред. А.И. Солженицына. 1.). — Париж: ИМКА-Пресс, 1980.
28. В.И. Герье. Вторая Государственная Дума. — М., 1907, сс. 287 и далее.
29. См. также: В. И. Герье. Значение Третьей Думы в истории России, ч. I. — СПб, 1912.

Общественно-политические настроения в период Думской монархии

В. Желягин

Режим Думской монархии, введенный в России царским манифестом 17 октября 1905 года, был естественным результатом развития тех тенденций к ограничению самодержавной власти, которые всегда существовали в русском политическом самосознании, наравне с тенденциями к абсолютизму.

Еще в Московской Руси XVI века, когда складывалось понятие самодержавия в смысле государственной самостоятельности, политическая мысль работала отнюдь не только на оправдание абсолютной монархии. В процессе осмысления государственной власти она углублялась и в проблему ее „служебного назначения”¹, идея которого не покидала сознания и самого Ивана Грозного, при всех его абсолютистских стремлениях.

На основе чисто рационалистического подхода к проблемам власти и государства Иван Пересветов доказывал царю, что государству нужна не только „грозная”* власть, но и свободная самодеятельность граждан, и народная поддержка власти. „Если люди

*Перевод на русский, *grausam, terrible*.

как-либо порабощены, — писал Пересветов, — они теряют мужество, ибо рабу ничего не значит позор, и честь для него ничего не стоит”. Со своей стороны Андрей Курбский, протестуя против абсолютистской политики Грозного, говорил о „свободном естестве человеческом” и о „естественном законе” (сегодня это называют „правами человека”), призывая царя „быти яко глава” и искать доброго и полезного совета не только у своих государственных советников, но и у „всенародных человек”²... Курбский считал, что мудрое властвование должно непременно быть разделенным, т.е. — ограниченным властвованием.

Распространение переписки Курбского с Иваном Грозным в XVII веке, с момента избрания на престол Михаила Федоровича, свидетельствует о том, что она отражала не только личные мнения ее авторов, но и воззрения уже широких кругов читателей. Полемика Курбского с царем и высказанные в ней политические идеалы бесспорно соответствовали бурной идейной жизни русского XVII века. При этом, пережитые государством потрясения в период Смутного времени не вызвали усиления абсолютистских тенденций. Наоборот, в политическом самосознании XVII века доминировали как раз идеи „разделенного властвования” Курбского над идеями абсолютного самовластвования

Грозного. А кроме того, даже самые убежденные сторонники сильной власти уже думали о необходимости разграничения „совершенного самовластвования” и „людодержавства”³.

XVII век стал веком Земских соборов, без которых не принималось ни одно важное государственное решение. В сознании Михаила Федоровича „самодержавие” отнюдь не было синонимом „абсолютизма”: именно при его царствовании Земские соборы работали почти без перерыва, разделяя с верховной властью ответственность за управление государством.

Все эти „демократические” (по современной терминологии) традиции государственной мысли и практики пережили петровский „просвещенный абсолютизм” и, утверждаясь в политическом самосознании России, обеспечили психологическую ориентацию государственной власти на реформы, то есть — в конечном смысле — на „ограниченное властвование”, уже с первых лет царствования Александра I. Ибо только существование в обществе ярко выраженных государственно мыслящих и патриотических сил, которые не представляли себе больше дальнейшего развития России без реформ, могло позволить власти думать о возможности „самоограничения”. И только наличие этой общественной опоры позволяло М.М.Сперан-

скому говорить о возможности преобразования государства не низвержением его, а его же властью.

То, чего не сумел сделать, однако, Александр I, сделал Александр II: он „довелся” этим общественным силам и, проведя Земскую реформу 1864 года, окончательно вывел государственную власть на путь „разделенного” управления. И уже ни бомбы народовольцев, ни само убийство царя, не сбили русскую государственную власть с этого пути, хотя и отсрочили введение представительного строя в России на четверть века.

Как говорил П.А.Столыпин, „русское государство росло и развивалось из своих собственных русских корней и вместе с ним видоизменялась и верховная царская власть”⁴. Столыпин считал, что манифестом 17 октября 1905 года с высоты престола „было предуказано развитие чисто русского, отвечающего и народному духу и историческим преданиям, государственного устройства”⁵. Свою веру в духовные силы общества и плодотворность этого устройства он передал в беседе с редактором саратовской газеты „Волга” известными словами, которые были отмечены и подчеркнуты всеми русскими газетами: „Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!”⁶

Правовой строй

Манифест 17 октября, по словам А.И.Гучкова, „заключал в себе добровольный акт отречения монарха от прав неограниченности...” Гучков подчеркивал, что „тот государственный переворот, который совершен был нашим монархом, является установлением конституционного строя в нашем отечестве”⁷.

Манифест был издан тогда, когда в обществе уже начали проявляться раздраженность и недовольство „забастовщиками” и „подстрекателями”: 14 и 15 октября в Москве происходили уличные столкновения между забастовщиками и толпами городского населения, которых подстрекатели революционного движения окрестили „черной сотней”. Утром 17 октября начал снова действовать в Москве водопровод и заработали бойни. Служащие Казанской, Ярославской и Нижегородской железных дорог постановили прекратить забастовку. Елецкое земское собрание приняло резолюцию, в которой подчеркивалось: „Пусть те, кто не хотят работать, уходят с железных дорог и очистят место нуждающимся в работе крестьянам...”⁸. Все это говорит о том, что манифест 17 октября 1905 года был задуман не только как мера для устранения „непосредственной” угрозы — государь был убежден, что восстановить общественный порядок

можно было и без манифеста, — но как принципиальное переустройство всей русской жизни на основе давно уже выяснившейся в обществе идеи правового порядка. Манифест 17 октября закрепил в этом отношении „незыблемое правило”, по которому „никакой закон не мог бы воспринять силу без одобрения Государственной думы” и по которому „выборным от народа была бы обеспечена возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий властей”.

Издав Основные Законы 23 апреля 1906 года, то есть — до созыва Государственной думы, Николай II избавил народное представительство от соблазна провозгласить себя Учредительным собранием... Кадеты никогда ему этого не простили и оставались в принципиальной оппозиции в течение всего думского периода. Ибо таким образом государь не только устранил угрозу радикального обрыва, но и обеспечил преемственную связь учреждений, а это обстоятельство позволяло ему не признавать „иностранных” терминов — конституция и парламент — и определять установленный им новый порядок выражением „обновленный, преобразованный строй”.

Но это же обстоятельство внесло и некоторую неясность в государственно-правовую основу нового строя, на почве которой и

возник в самом начале Третьей Думы известный конфликт при составлении приветственного адреса государю: правое думское крыло настаивало на том, чтобы в текст приветствия было внесено слово „самодержавие”, а кадеты требовали упоминания слова „конституция”. 13 ноября 1907 года Дума по существу обсуждала вопрос о том, какой в России строй — самодержавный или конституционный. В этом споре правые ораторы придавали принципиальное значение слову „самодержавный”: „Титул самодержца есть, и вы, отвергая его, будете сами нарушителями Основных Законов”⁹, — говорил Н.Е.Марков-второй. Но предложение правой фракции внести в заголовок адреса „Его Величеству Государю Императору, Самодержцу Всероссийскому” было отвергнуто после того, как октябристский центр стал определенно на конституционную точку зрения, хотя и возражал против включения этого термина в адрес.

Таким образом, если правые воспринимали „обновленный строй” как „обновленное самодержавие” (а свой политический идеал, по словам Н.Е.Маркова, видели „в развитии идеи Земских соборов”), то П.Н.Милюков утверждал, что „да, наш политический строй не есть обновленный, а новый строй, при котором не только Государственная дума и монарх, но и граждане, из-

бирательный корпус, являются органами государственной власти”¹⁰. Октябристы же, со свойственными земским деятелям настроениями в 1907 году, видели, главным образом, практическую сторону дела и считали вместе с Гучковым, что „теперь не время заниматься государственно-правовыми дебатами”, что „теперь нужно просто констатировать тот факт, что даны народу широкие права, возможность участия в государственном строительстве, возможность участия в общем обновлении и возрождении нашего отечества”¹¹.

Оставаясь обычно в стороне от этих споров, П.А.Столыпин, однако, называл крайне правых депутатов „маниаками безусловной и безграничной деспотичности верховной власти, которую они ложно определяют термином самодержавия”¹², а по адресу левых говорил: „Я не буду отвечать на обвинение, что мы живем в какой-то восточной деспотии. Строй, в котором мы живем, это строй представительный, дарованный самодержавным царем и, следовательно, обязательный для всех”¹³.

Приветственное послание государю от имени Думы, было принято неожиданным большинством — из центра и левых. Либеральная общественность открыто приветствовала по этому поводу наметившуюся возможность союза конституционно настроен-

ных сил: „Манифест 17 октября окончательно зарегистрирован в России в памятный день 13 ноября”, — отмечал „Московский еженедельник”. Левая печать писала о „сошествии на октябристов духа народного...”¹⁴. В правительственных же кругах позиция октябристов вызвала настороженность. Умеренно консервативное „Новое время”, в котором сотрудничал, в частности, А.А.Столыпин, брат премьера, отозвалось на это событие следующими словами: „Взамен неудачной осады власти (намек на две первые Думы.— В.Ж.) начался японский обход — обход как будто совершенно мирный, лояльный, преданный, — только позвольте связать вас по рукам и ногам”¹⁵.

Оправдывая позицию своей фракции перед нападками на нее со стороны правого думского крыла, октябристский „Голос Москвы” уже год спустя подчеркивал: „Если кто и кривил (тогда) душой, то уж никак не октябристы, а скорее их противники из того лагеря, над которым развевается „Русское знамя”... Защита законных полномочий народного представительства, признанных за ним верховной властью — будем ли мы называть их конституционными или как-нибудь иначе, — составляет прямой долг всякого члена Государственной думы, не желающего подвергнуться справедливому упреку в двоедушии...”¹⁶.

При новом строе монарх сохранял полноту исполнительной власти в рамках принятых Основных Законов и следил за тем, чтобы его права, — которые для него были неотделимы от долга царского служения, — не подвергались бы умалению в „захватном порядке” путем создания прецедентов. Вместе с тем, не будучи уже „своим собственным премьером”, он предоставлял Совету министров коллективно обсуждать вопросы и принимать решения и соблюдал установленный обычный порядок законодательства и управления.

К этим отличительным признакам „обновленного самодержавия” добавлялся, однако, тот факт, что избранная представительная палата отнюдь не была просто консультативным органом. В области законодательной, в области финансовой народное представительство имело реальное и существенное значение. Обсуждение бюджета, в частности, давало Думе огромное влияние на весь государственный аппарат, и отдельные ведомства буквально „дрожали” перед думской бюджетной комиссией, которая могла урезать и штаты и ассигнования. Любой новый налог, любое новое ассигнование, любой государственный или гарантированный государством заем мог получить осуществление только с одобрения законодательных учреждений. В общем собрании при об-

суждении смет отдельных министерств публичной критике подвергалась вся их деятельность. Ораторам оппозиции тут открывались широкие возможности, которыми они пользовались тем более успешно, что в Думе была обеспечена полная свобода слова и что левая печать, конечно, приводила их речи полнотой.

Но эта „Думская монархия” не была еще „парламентской” монархией, хотя до нее оставалось сделать всего один шаг — дать ответственное перед Думой министерство...

Однако, при всех своих теоретических и практических недостатках, Думский строй был близок к парламентским строям в том, что касается равенства граждан перед законом (после уравнивания крестьян в правах в 1906 году и реформы местного суда в сельских областях), и в том, что касается уровня гражданских свобод, которые ограничивались только соображениями необходимости самозащиты общества от „дестабилизирующей” (как принято сегодня говорить в странах демократии) деятельности наследников Гриневицкого*. В связи с этим, попытки Столыпина ограничить действие чрезвычайных положений не удалась и ему самому пришлось выступить по этому поводу в Ду-

*И.И.Гриневицкий 1 марта 1881 г. бросил бомбу, которой убил императора Александра II.

ме с правительственной декларацией: „Для всех теперь стало очевидным, что разрушительное движение, созданное крайне левыми партиями, превратилось в открытое разбойничество и выдвинуло вперед все противообщественные, преступные элементы... Дерзости врагов общества возможно положить конец лишь последовательным применением всех законных средств защиты”¹⁷.

(Почти точно таким же языком выражаются сегодня и демократические правительства перед лицом террористических действий со стороны различных „автономных” группировок и „красных бригад”.) Именно как „защита” воспринимались ограничения гражданских свобод и в самом русском обществе, несмотря на крики о „реакции” со стороны левых партий. „Мы прекрасно понимаем, — говорил один из представителей „Союза 17 октября” в ответ на вопросы „Нового времени”, — что тот временный аппарат, который работает сейчас в стране в виде охран и усиленных положений, есть очень тяжелый аппарат, трудно переносимый для многих... Но наступило ли время успокоения для полного пользования всеми свободами указанными в манифесте 17 октября? Нас страшит мысль, чтобы из этих свобод не сделали бы орудия для тех событий, которые мы пережили так недавно”¹⁸.

Конструктивные силы

Роспуск Второй государственной думы был встречен „убийственным” (по выражению правых газет) спокойствием в народе. И издание нового избирательного закона на следующий день, 3 июня 1907 года, не вызвало волнений ни в стране, ни в партийных кругах (после чего Ленин поспешил скрыть свое бессилие за формулой „период реакции”). Партия Народной Свободы хотя и протестовала против акта 3 июня, однако отказалась от идеи бойкота выборов по новому закону. „Союз 17 октября” в принятой по этому поводу резолюции, подчеркивал: „Мы с грустью должны признать, что возвещенное манифестом 3 июня изменение избирательного закона осуществлено не тем путем, который предусмотрен Основными Законами, но оценку этого факта мы считаем преждевременной, а его необходимость — прискорбной”¹⁹. Партия земских деятелей понимала, что издание нового избирательного закона, вызывающего к жизни конструктивные силы русского общества, было вторичной попыткой самой власти спасти и представительный строй и дальнейшее продвижение по пути тех преобразований, которые были указаны ею в манифесте 17 октября.

„Что же случилось 3 июня? — спрашивал

М.Меньшиков в „Новом времени”. — Революционная печать закричит, конечно, что совершился государственный переворот. Нет нужды доказывать, что в серьезном смысле никакого „переворота” в манифесте 3 июня не содержится. Державная власть отказалась давать средства революции... Ошеломленные внешним разгромом, мы потеряли ясное представление о державной власти. Увлеченные гибельным расстройством внутри, мы склонились к мысли, что этой власти как будто нет. И вот она нашлась... Среди невероятной бестолочи правительства и парламента нашлось учреждение древнее, не отмеченное, в котором тысячелетний народ сосредоточил много скрытой силы... В это воскресенье, 3 июня, смутно все почувствовали, что Россия тронулась с места и что мы вновь на живой воде. Живая вода — это история, та историческая жизнь, которой мы последнее время были позорно лишены”²⁰.

Все смутно почувствовали, что Россия тронулась с места... Эти слова М.Меньшикова бесспорно отражали реальность новых настроений, которые совершенно ясно обнаружили в июне же 1907 года, неделю после роспуска Второй Думы, на открывшемся в Москве съезде земских деятелей. Выступая на банкете участников этого съезда, который рассматривался в политических кругах как „преддумье” ввиду того, что он

должен был отразить воззрения и настроения именно той среды, которая по новому закону приобретала решающее значение, Гучков говорил: „Если мы присутствуем при последних судорогах революции, а она несомненно приходит к концу, то этим мы обязаны одному человеку — Столыпину”²¹. Таким образом, те круги земского и городского управления, которые еще недавно считались опорой „освободительного движения”, заявляли себя сторонниками власти и высказывались в пользу сотрудничества с ней. „Как земством был дан главный толчок повороту в сторону освободительного движения в 1904 году, так и на путь реакции встало прежде всего земство”, — негодовал видный профессор кадет В.Кузьмин-Караваев...²² Левая печать приписывала эту перемену в настроениях „классовому страху” перед аграрными волнениями, но перемена объяснялась, конечно, удовлетворением предпринятыми и проведенными реформами.

Новые настроения проявлялись и в студенческой, и в учительской среде. Когда в январе 1913 года в Петербурге открылся первый Всероссийский Съезд Учителей (7000 участников), левые круги недоумевали: каким образом — при министре просвещения Кассо и министре внутренних дел Маклакове — допускаются такие „скопища”. Однако, как признавала почти с разочарова-

нием кадетская „Речь”, „вместо закрытия съезда, к нему проявили внимание, участие и терпимость”. Официальная „Россия” оценивала это событие следующим образом: „Кружковщина напрягала все усилия, но в основной своей массе народные учителя пошли не за ней, а своей дорогой. Русская жизнь осложняется, требования к школе повышаются, видоизменяются и требования к учителям. Но, во всяком случае, это не та дорога, на которую из всех сил тащат народного учителя деятели кружковщины”²³. На выборах эта — теоретически левая — масса учителей голосовала бы за кадет. Но в деловой работе она поддерживала правительство, оказываясь гораздо менее активно-оппозиционной, чем Думская фракция Народной Свободы.

Для выборов в новую Думу стали слгаться новые группировки. Октябристам, выступавшим под лозунгом сотрудничества с правительством, выпала роль центра, и слева стали раздаваться голоса о желательности блока октябристов и кадетов для защиты конституционных начал. В самый разгар предвыборной кампании Милюков выступил в „Речи” с на шумевшей статьей: напомнив о прежнем сотрудничестве с крайне левыми, он признавал, что „всей этой нашей деятельностью мы приобрели право сказать, что к великому сожалению, у нас и у всей России

есть враги слева... Те люди, которые разнуздали низкие инстинкты человеческой природы и дело политической борьбы превратили в дело общего разрушения, суть наши враги”²⁴. (Правда, „враги слева” не оставались в долгу и упрекали кадетов в том, что они заговорили таким языком только „после” поражения революции.)

Опасения, что новый избирательный закон при обнаружившихся новых настроениях вызовет к жизни „реакционную” Думу — Думу, которая окажется правее самого правительства, — не оправдались. „Провал монархических партий на севере, в центре и на юге показывает, что никаких черносотенных полчищ нет, а если и есть, то они дезорганизованы и расстроены до неспособности собрать около своего знамени свыше тысячи человек”, — писал по этому поводу М.Меньшиков и добавлял: „Предчувствуя поражение монархических партий, я недавно позволил себе дать им несколько советов. Исповедуйте монархизм и православие, но оставьте эти хорошие вещи немножко в покое. И самодержавие, и православие относятся к вечным явлениям истории”²⁵.

Но и попытки партийных компромиссов, которые обнаружились в ходе предвыборной кампании, тоже не удались, и это несмотря на первое совместное голосование октябристов и кадетов 13 ноября 1907 года. Партия

Народной Свободы оставалась в оппозиции правительству в течение всего срока существования Третьей государственной думы. „Пока значительная часть Думы, — с сожалением писал октябристский „Голос Москвы”, — будет стоять под стихийной властью мысли о плодотворности и необходимости партийной борьбы, пока выяснение и точнейшее обоснование с Думской кафедры программ и партийных лозунгов будет главной задачей партийных деятелей, словом, — пока Дума в ее целом не перейдет от методов партийной борьбы к методам партийных соглашений, до тех пор крупнейшие вопросы русской жизни будут решаться и проводиться независимо от нее, помимо ее влияния”²⁶.

Правительственное большинство в Третьей думе сложилось таким образом из умеренно-правых и октябристов, то есть, фактически, — выходцев из той земской среды, в которой как раз оформлялись понятия „уступок” и „сотрудничества”. В.В.Шульгин, который, до того как стать депутатом, „не прочь был что-нибудь делать по земству”, писал в своих воспоминаниях, что он „отставив с кафедры Государственной думы программу Столыпина, потому что считал предначертанный им путь действий единственно правильным для спасения России и ее дальнейшего эволюционного развития”²⁷. Умеренно правые и примыкающая к ним справа

небольшая группа националистов насчитывали в Думе 105 депутатов и к 1910 году почти сравнялись с октябристами, которых оставалось во фракции 117 человек. Это были в сущности беспартийные люди, объединившиеся только в Государственной думе. Не имея почти никакой организации в стране, это умеренное течение наиболее соответствовало тому, что сегодня на Западе иногда называют „молчаливым большинством”. Шульгин считал, что именно к этому большинству обращался Столыпин: „Его речь проникала через стены и звучала где-то на большом просторе, — он говорил для России”. Это же беспартийное умеренное русское большинство тепло приветствовало государя в Костроме во время его посещения Ипатьевского монастыря весной 1913 года по случаю 300-летнего юбилея Дома Романовых. (В Ипатьевском монастыре посланные от Земского Собора умоляли инокиню Марфу благословить своего сына Михаила Федоровича на царство.)

Близки к этому патриотическому большинству были и октябристы. В августе 1908 года „Голос Москвы” опубликовал перевод появившейся в английской „Дейли Мейл” статьи, которая, вероятно, соответствовала взглядам октябристов на самих себя: „Октябристы верят в себя, в Думу, в Россию, — писал английский журналист. — Они не вос-

торженные ревнители самодержавия, но они верят, что государь не обманывает Думу, ту Думу, на плечи которой он переложил часть тяжелого бремени управления. Октябристы — практические политики... Я бы назвал их русскими англичанами, до того они сродны нам своей уравновешенностью, своим консерватизмом, своим практическим признанием реальных условий, своей верой в свободу и в представительные учреждения”²⁸.

Меньшиков считал лично, что между октябристами и кадетами не было принципиальной разницы* („как у кадет первого сорта, так и у кадет второго сорта цели одни и те же, и милые друг другу гг. Милюков и Гучков, если бранятся, только тешатся”²⁹). По его мнению, „кадеты” обоих сортов „выскочили не потому, что они многочисленнее умеренных и правых — это, безусловно, неверно, — но кадетская юркость и желание жить позволили им устроить эту победу”³⁰.

Однако политический водораздел в Третьей думе проходил как раз между октябристами и кадетами и отношения между ними оставались напряженными в течение всех сессий Третьей думы. Думское большинство

* А в этом он близко сходиллся с Лениным — см. „Столыпин и Революция”. Избр. соч. Том I. М. 1946 г., с. 595.

устроило в начале 1908 года демонстрацию против Милюкова, который во время рождественского перерыва думской работы ездил в США и читал там лекции о „русском освободительном движении”. В новой атмосфере такая „апелляция” к иностранцам вызвала не только негодование правых, но и возмущение октябристов, которые сочли возможным напомнить в этой связи на страницах „Голоса Москвы”, что „в первых Думах были люди, приветствовавшие японского посла за победы, которыми Япония помогла „освободительному движению”, отрицавшие само имя России и заискивавшие перед всяким иностранцем и инородцем в чаянии милостивых улыбок, за которыми недалеко проехать в Англию или Америку... В интересах революции они способствовали забастовкам, не решались осудить террор и, наконец, выполнили в Выборге постановление стокгольмского революционного съезда”³¹.

Законодательная работа

Третья государственная дума заслужила звания „Думы народного просвещения”, приняв с самого начала принцип ежегодного увеличения кредитов по народному образованию на 20 млн. рублей: 10 млн. на постройку школ и 10 млн. на их содержание. К 1914 году расходы государства, земства и городов на народное образование составили

почти 300 млн. рублей, то есть — около 800 млн. золотых франков³². (Во Франции, в том же году, — 347 млн. франков.) „В отношении народного просвещения, — отмечал в июле 1908 года „Голос Москвы”, — партийные обособленности почти исчезли, и такие вопросы как всеобщее обучение, обязательность реформы средней и высшей школы не встречают в думской среде никакой оппозиции”³³. Октябристский орган считал, что за период первой сессии Третьей думы „Дума и министерство научились вместе работать”, что „Думе удалось сдвинуть с мертвой точки ряд очень серьезных вопросов, в частности, введение всеобщего обучения, застывшего с 1860 годов” и что „определение в законе 3 мая минимального вознаграждения учителей в 360 рублей (в сельских местностях. — В.Ж.) поставило сразу вопрос об их обеспечении на реальную почву”. (Газета „Слово” отмечала в том же году, что „если взглянуть на иерархическую лестницу нашей бюрократии, то мы увидим, что внизу — помощник столоначальника получает 1200 рублей в год, а наверху — министр получает 18000 рублей в год. Обе цифры, и начальная, и конечная, очень невелики”).³⁴

1908 год, по мнению газеты „Слово” был „небогат крупными социальными реформами, но он отличался необыкновенным подъемом внимания общества и зако-

нодателей к вопросам социальной политики” в России и во всей Европе³⁵. Эта левая газета, в которой сотрудничали такие видные публицисты как А.И.Кони, В.Д.Кузьмин-Караваев, В.А.Маклаков, П.Б.Струве и кн. Е.Н.Трубецкой, обвиняла правительство в „истребительном походе против профессиональных союзов”, но признавала в то же время „появление в стране зародышей коллективных соглашений, примирительных камер, касс для взаимопомощи и проч.” „В Думе и около Думы, — писала газета, — все партии заняты изготовлением и обсуждением проектов социальных реформ. Партия Народной Свободы успела напечатать сборник своих проектов, обнимающий 386 страниц. Такие же сборники могли бы, вероятно, выпустить и другие партии... В министерских канцеляриях, по слухам, разрабатываются проекты по важнейшим вопросам рабочего законодательства, например, о государственном страховании, о больничных кассах, о рабочем времени и т.д.”³⁶.

Действительно, законопроект о страховании рабочих был внесен в Думу еще в декабре 1907 года, то есть — в самом начале работ Третьей думы. Но принят он был только в самом конце. Партия Народной Свободы, которая еще в конце 1907 года отмечала, что в этом законопроекте „правительство делает первый крупный шаг вперед в смысле удов-

летворительного разрешения вопроса о страховании рабочих”³⁷, в отчете о деятельности своей фракции за период последней сессии Третьей думы с сожалением писала, что только „в самом конце пятой сессии завершил, наконец, все стадии своего прохождения этот наиболее крупный из всех законопроектов по рабочему вопросу, которым занималась Государственная дума за все 5 лет своего существования”³⁸.

Закон состоял из четырех отдельных частей: 1) страхование от несчастных случаев; 2) страхование от болезней; 3) учреждение местных (по губерниям, областям и отдельным центрам) страховых присутствий; 4) учреждение Совета по делам страхования рабочих. Кадеты голосовали против этого закона, считая, что он недостаточно отражает их собственные предложения, хотя по их же настоянию была вписана в закон статья о том, что „врачебная помощь предоставляется рабочим за счет владельца предприятия”.

Таким образом, даже большевистская „Правда” была вынуждена признать в апреле 1917 года, что... „до конца 1915 года в России существовала („крайне недостаточная”, разумеется, по ее мнению, — В.Ж.) законодательная охрана труда”. Напомнив о том, что еще в 1897 году в России был установлен в законодательном порядке 11,5-часовой рабочий день (который потом превра-

тился фактически в 10-часовой), „Правда была также вынуждена признать, что „на многих фабриках и заводах” рабочий день не превышал девяти и даже восьми часов. Большевистская газета возмущалась поэтому, главным образом, недостаточностью охраны женского труда: „Женщины допускались к работе как взрослые уже с 18 лет... когда организм еще не окреп (!) ”³⁹.

Новые рабочие законы дополняли и развивали уже существовавшее в России социальное законодательство с 1859-70 годов, когда были созданы и работали правительственные комитеты по изучению условий жизни и труда рабочих. Одним из первых законов в этой области был закон 1866 года, обязывавший владельцев крупных предприятий (свыше 100 рабочих) организовывать бесплатную медицинскую помощь рабочим своих предприятий. В результате действия этого закона на крупных предприятиях были созданы амбулатории или „приемные покои” и даже часто образцовые больницы. Законом 1882 года был запрещен труд детей, а труд подростков был ограничен восемью часами с обязательным отдыхом в середине рабочего дня. Ночью и в праздничные дни труд подростков был вообще запрещен. Закон 1903 года (дополнявший законодательство 1897 года) устанавливал компенсацию за несчастные случаи в виде

пенсии и единовременного пособия в размере одной трети заработка за время лечения. Пособие выдавалось во всех случаях, а пенсия — только в случае потери трудоспособности.

Институт частной собственности

При всем значении правительственной деятельности и думского творчества в областях народного образования, социального законодательства, а также — в воссоздании системы государственной обороны, центральным вопросом всего исторического периода Третьей думы был вопрос землеустройства, в решение которого Столыпин вложил всю свою энергию.

Издав земельный указ 9 ноября 1906 года, Столыпин начал его применять фактически с января 1907 года, не дожидаясь в этом случае прохождения законопроекта через законодательные палаты. После долгого обдумывания, взвешивания и подготовки правительство двинулось по избранному пути с энергией и настойчивостью, встречая живой отклик на местах, как в администрации, так и в земстве. Успех земельной реформы в ее осуществлении на местах доказывал в глазах премьера, что она не была „выдумана чиновниками“, что она „может быть ошибочной в частностях“, но что она „глубоко жизненна в

своих основах”⁴⁰. Проведение реформы было поручено уездным землеустроительным комиссиям, большинство в которых принадлежало выборным. Число землемеров, обслуживавших эти комиссии, с 200 при самом начале работ превысило 5000 в конце первых трех лет реформы. За этот же срок в землеустроительные комиссии поступило свыше двух миллионов прошений от домохозяев... Как отмечал еще в октябре 1908 года „Голос Москвы”, „пока партии витали в области теоретической разработки программ осуществления аграрной проблемы, практические политики, то есть правительство, действовали”⁴¹.

В упомянутой беседе с редактором саратовской газеты „Волга” Столыпин говорил: „До моего губернаторства в Саратове я долго жил в Западном крае. Там я имел возможность лично убедиться во всех преимуществах крестьянского хуторского хозяйства. Меня поражал самый вид этих свободных хлебопашцев, бодрых и уверенных в себе”. Он считал, что „прежде всего надлежит создать гражданина, крестьянина-собственника, мелкого землевладельца”, и подчеркивал: „сперва гражданина, а потом гражданственность, а у нас обыкновенно проповедают наоборот”⁴². Эту мысль Столыпин развивал еще в 1907 году перед Думой: „Пока крестьянин беден, пока он

не обладает личной земельной собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он остается рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы”⁴³.

Указ 9 ноября, одобренный и дополненный думской земельной комиссией, начал обсуждаться в общем собрании Государственной думы 23 октября 1908 года. Записалось 213 ораторов — около половины всего состава Думы. Чуть ли не все депутаты-крестьяне сочли себя обязанными произнести речь на тему „о земле”... Такое число ораторов, — возмущалось „Новое время”, — как нельзя лучше доказывает, что Государственная дума или, вернее сказать, большинство депутатов до сих пор еще не освоилось даже с самой техникой ведения дела в парламенте: они все еще витают в области земских или дворянских собраний, все еще собираются кого-то „убеждать”, совершенно забывая о партийной технике и о партийной дисциплине. Надо же, наконец, признать, что Государственная дума не земское собрание, что нельзя являться с легким сердцем и с легкой головой на заседание Думы без определенного решения своей партии!”⁴⁴. Но такое число ораторов объяснялось и тем, что в области землевладения решался вопрос о самих культурно-философских основах дальнейшего развития всего русского общества.

Докладчик комиссии, октябрист С.И.Шидловский, говорил, что новые земельные законы — возвращение на истинно либеральный путь великих реформ Александра II, путь, с которого власть сошла во время реакции.

Крайне правые, хотя и не могли симпатизировать распаду общины, не могли, однако, и выступать решительно против указа 9 ноября, дабы не оказаться в оппозиции самой воле верховной власти, которая полностью поддерживала столыпинскую реформу. Крайне правое думское крыло, таким образом, старалось внести в законопроект некоторые изменения с очевидной целью замедлить переход земель в частную собственность.

Крайне левые выступали против указа по идеологическим соображениям: „Социал-демократы, — говорил, например, депутат Белоусов, — в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне требуют отмены личной собственности крестьян, конфискации удельных и кабинетских земель...”⁴⁵ (В.А.Бобринский указывал по этому поводу, что позиция социал-демократов идет в разрез с их же собственными взглядами и цитировал слово Ленина из журнала „Заря” о том, что „земли следует отобрать, но не для передачи крестьянам — это противоречило бы обострению классовой борьбы, — а

для продажи их в частную собственность” (!) .

Однако, как писала „Россия”, „прошли времена первой и второй Думы, и истерические выкрики социалистов разных наименований не собирают толпы крестьян, смотревших, бывало, в рот оратору, как бы ожидая, не вылетит ли оттуда желанная земля...”⁴⁶. Октябристский „Голос Москвы” подчеркивал со своей стороны, что „даже если допустить спорность преимущества личного землевладения над общинным, то во всяком случае вопрос о том, нужно ли дать возможность крестьянину выйти из общинной крепости, является бесспорным. Чем же объясняется такая страстность оппозиции в желании закрепостить в общине русских крестьян? Дело в том, что крестьяне, становясь собственниками, естественно, перестают быть легким и благодарным для пропаганды материалом...”⁴⁷.

Наконец, возражения кадет носили чисто политический характер и объяснялись, в сущности, все еще непревзойденной боязнью „скомпрометировать” себя сотрудничеством с властью. Близкая к кадетским кругам газета „Слово” еще в январе 1908 года писала: „Мы уже много раз подчеркивали свое сочувствие личному и мелкому крестьянскому землевладению и твердо убеждены в преимуществе хуторского владения перед общинным, но в то же время мы считаем глубоко

ошибочными те способы проведения этих правильных начал в жизнь, которые избрало правительство. Мерами принудительными и искусственными нельзя привить населению сознание преимущества одного вида владения перед другим”⁴⁸. В этих словах раскрывалась тактическая позиция партии Народной Свободы, которой пользовался в Думе и сам А.И.Шингарев, подчеркивая, что он не принимает намерения „механически, насильственно вводить институт частной собственности в крестьянскую семью” путем „революционного законодательства”⁴⁹ (эти слова вызывали одобрение правых).

Позиция, занятая кадетами по земельному вопросу, — ни принципиально против частной собственности, ни принципиально за распространение коллективной собственности — подвергала их резкой критике на страницах всех газет (кроме собственных). Комментируя, в частности, выступление Ф.И.Родичева, „Голос Москвы” писал, что... „говорить по серьезному вопросу, требующему солидных знаний и серьезной подготовки, это не то, что разливаться соловьем залетным на тему, не стоящую выеденного яйца, на каком занятии удостоился в свое время г.Родичев славы российского Мирабо...”⁵⁰. Официальная „Россия” отмечала со своей стороны, что „его возражения против хуторов и интенсификации хозяйства есть область курьезов

для развлечения читателей. Оказывается, что хутора у нас невозможны потому, что нет шоссе и дорог... Удивительно, как могли до сих пор существовать русские села и деревни, как они возникли, не ожидая, когда проложат между ними благоустроенные шоссе”⁵¹.

Придавая земельному вопросу преимущественно политический характер, Милюков говорил в своей речи 31 октября 1908 года: „Борьба ведется в зависимости от чисто политических взглядов на роль крестьянства в государственной политике... Витте мог сказать — конституционализма, мол, нам не нужно, а нужна демократия крестьянская и опирающийся на нее самодержавный престол... В этом периоде правительство зашло так далеко в своих стремлениях опереться на крестьян, что оно даже поручило нашему товарищу по партии Кутлеру разрабатывать проект принудительного отчуждения помещичьих земель. Кутлер готовил свой проект, а дворянство готовило крестьянские расстрелы...”⁵². На эту последнюю фразу, особенно резко отозвалась газета „Россия”: „Начав как исследователь, он быстро перешел к роли следователя, а при отсутствии следственного материала превратился в полицейского сыщика... Сыскные действия привели Милюкова к тому, что теперешняя точка зрения правительства на крестьянский

вопрос есть, мол, точка зрения крепостническая и дворянская... так как провозглашает принцип святости института частной собственности и не соглашается во имя политических целей на „ограбной” замысел наших социалистов и почти социалистов”⁵³. Это был намек на упрек, сделанный Милюковым правительству в том, что оно отказалось от принудительного отчуждения земель: „Вопрос о принудительном отчуждении, — говорил Милюков, — не был решен почти до конца заседаний Первой думы, и когда речь шла о приглашении кадетского министерства, то в предварительных переговорах по этому поводу принудительное отчуждение еще считалось мерой возможной и обсуждался только вопрос о вознаграждении дворян и о форме издания закона”.

Указ 9 ноября 1906 года стал законом 14 июня 1910 года. Россия избрала свой путь развития на основе принципа неприкосновенности частной собственности и вытекающих из него гражданских свобод.

Дума и общество

В своем выступлении перед Думой 31 марта 1910 года Столыпин давал такую характеристику состояния страны: „После горечи перенесенных испытаний Россия, естественно, не может не быть недовольной. Она недовольна не только правительством, но и

Государственной думой и Государственным советом, недовольна и правыми партиями, и левыми партиями. Недовольство это пройдет, когда выйдет из смутных очертаний, когда образуется и укрепится русское государственное самосознание, когда Россия почувствует себя опять Россией”⁵⁴.

Внутриполитическое положение могло казаться неудовлетворительным и даже напряженным и в то же время страна жила полной жизнью, очень мало соответствующей обличительным речам и статьям оппозиционных политиков. Еще в 1909 году либеральный „Вестник Европы” с возмущением констатировал, что... „в ресторанах с музыкой найти свободного столика нельзя, на оперетку надо заранее записываться... Торжествует личный интерес!”⁵⁵.

Отвечая на обычные во время летних каникул обвинения правительству в том, что, мол, „в целях успокоения отсрочиваются реформы”, газета „Россия” писала в июле 1908 года: „Творческая государственная работа совершается медленно, совершается преемственно. Третья Дума за семь месяцев своей работы практически познакомилась с исторически сложившимся порядком управления огромной империей... От политической болтовни безответственной русской интеллигенции она перешла к ответственной государственной работе и убедилась,

что реформировать сверху до низу в семь месяцев страну, существующую тысячу сорок шесть лет, было бы задачей, непосильной даже самым гениальным политикам... Если кто задерживает введение некоторых реформ, то, конечно, не правительство, а его противники... Идеологами мятежа все здание русской государственности было объявлено подлежащим слому, и безумие их политических требований укрепило образованные и государственные слои общества в мысли о необходимости зрелого и всестороннего обсуждения выдвинутых жизнью реформ”⁵⁶.

Тем же летом октябристский „Голос Москвы” подчеркивал: „Глубоко не сочувствуя парламентаризму как деспотическому владычеству партий и ни в малейшей мере не стремясь к умалению прав Верховной Власти, патриотическая по своему настроению, умеренно консервативная по своему большинству Третья дума согрета одним объединяющим желанием — честно послужить царю и народу...” Высказав таким образом свою лояльность по отношению к власти от имени Думского большинства, октябристский орган заявлял: „Пусть министры будут ответственны только перед Государем, но для того, чтобы эта ответственность не была призрачной и не прикрывала бы полной фактической безответственности, пусть они будут подотчетны Государственной думе”⁵⁷.

Но министры менялись и менялись настроения. Не общество левело, а министры правели, и на выборах в Четвертую думу октябристы проходили уже вопреки желанию властей: тот же результат, который в 1907 году, при Столыпине, считался победой правительства, в 1912 году оценивался властью как успех оппозиции...

Дума „врастала” в политическую структуру страны, становилась важнейшим фактором русской политической жизни, но верховная власть не считала возможным увеличить ее влияние на ход государственных дел даже тогда, когда в 1915 году, преодолев, наконец, свои партийные предрассудки, все думские фракции — за исключением тех, которые стояли на службе своей идеологии, — объединились в „прогрессивном блоке” и создали новое Думское большинство.

ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ В. ЖЕЛЯГИНА

1. Р.Редлих, „Политическое самосознание древней Руси”, Библиотека Солидариста, выпуск 9. — „Посев”, 1980.
2. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. — Ленинград: Изд. „Наука”, 1979, с. 234.
3. Там же, с. 248.
4. Государственная дума. Стеногр. отчет. Третий созыв, первая сессия, с. 353.
5. „Новое время”, 3.10.1909.
6. Там же.
7. Гос. Дума, стеногр. отчет, с. 138.
8. С.С. Ольденбург, „Царствование Императора Николая II”, т. 1. — Белград: 1939, с. 314.
9. Гос. Дума, стеногр. отчет, с. 234.
10. Там же, с. 146.
11. Там же, с. 138.
12. См. „Слово”, 10.1.1908.
13. Гос. Дума, стеногр. отчет, с. 349.
14. „Русь”, 14.11.1907.
15. „Новое время”, 14.11.1907.
16. „Голос Москвы”, 4.11.1908.
17. Гос. Дума, стеногр. отчет, с. 308.
18. „Новое время”, 5.11.1908.
19. С.С. Ольденбург, „Царствование Императора Николая II”, т. 2. — Мюнхен: 1949, с. 10.
20. „Новое время”, 5.6.1907.
21. С.С. Ольденбург, т. 2, с. 12.
22. „Русь”, 6.1.1908.
23. „Россия”, 5.1.1914.
24. Цит. по С.С. Ольденбургу, т. 2, с. 13.
25. „Новое время”, 1.10.1909.
26. „Голос Москвы”, 29.10.1908.
27. В.В. Шульгин, „Годы”, — М.: Изд. АПН, 1979, с. 55.
28. „Голос Москвы”, 2.8.1908.

29. „Новое время”, 1.10.1909.
30. Там же.
31. „Голос Москвы”, 12.7.1908.
32. С.С. Ольденбург, т. 2, с. 116-117.
33. „Голос Москвы”, 11.7.1908.
34. „Слово”, 13.1.1908.
35. „Слово”, 4.11.1908.
36. Там же.
37. „Слово”, 22.12.1908.
38. Отчет фракции Народной Свободы. — С.Петербург: 1912.
39. „Правда”, 6.4.1917.
40. „Новое время”, 3.10.1909.
41. „Голос Москвы”, 29.10.1909.
42. „Новое время”, 3.10. 1909.
43. Гос. Дума, стеногр. отчет, с. 351.
44. „Новое время”, 31.10.1908.
45. „Голос Москвы”, 1.11.1908.
46. „Россия”, 30.10.1908.
47. „Голос Москвы”, 24.10.1908.
48. „Слово”, 12.1.1908.
49. Гос. Дума, стеногр. отчет. Третий созыв, вторая сессия, с. 2871.
50. „Голос Москвы”, 1.11.1908.
51. „Россия”, 1.11.1908.
52. Цит. по „Новому времени”, 1.11.1908.
53. „Россия”, 2.11.1908.
54. Цит. по „Новому времени”, 1.4.1910.
55. „Вестник Европы”, № 11, 1909.
56. „Россия”, 1.7.1908.
57. „Голос Москвы”, 15.7.1908.

Мартовский кризис 1911 года

А. Столыпин

Не так давно, после соглашения между СССР и ФРГ о культурном сотрудничестве, профессор геттингенского университета Манфред Хаген провел полгода в Москве и Ленинграде, где получил возможность работать в государственных архивах. Вернувшись, он написал две брошюры*, предназначенные для использования в университетской среде. Будучи специалистом по думскому периоду, он сосредоточил свое внимание на правительственном кризисе марта 1911 года. Во-первых, чтобы показать, что из себя представляла парламентская деятельность в императорской России. Во-вторых, чтобы установить роль и диапазон влияния русской прессы того времени.

Прежде всего напомним, что в то время в России газеты и журналы могли публиковать почти все. Запрещено было лишь поносить главу государства — царя и его семью, приывать в печати к вооруженному восстанию и к террористическим актам. Каралось же нарушение этих запретных тем наложением штрафа и конфискацией тех номеров печат-

* Manfred Hagen. Das Vergangene und die Geschichte. Göttingen 1977.

ного органа, в которых были опубликованы нарушающие закон материалы.

В своем последнем номере 1909 года оппозиционная кадетская газета „Речь” подвела журналистический итог за упомянутый год. Приведя список существовавших тогда в России 640 газет, „Речь” признала, что в 1909 году „почти ни одна” из названных газет не подверглась денежному штрафу. О конфискации номеров в обзоре не упоминается: очевидно, таковых не было.

В последующие годы и вплоть до первой мировой войны печать продолжает развиваться. В 1914 году в стране издавалось 972 газеты и 1319 журналов всех тенденций и направлений - в том числе марксистского. С 1912 года большевистская „Правда” издается официально в Петербурге. Приютившийся в Париже Ленин публиковал в ней регулярно свои статьи. В нашей столице выходили также печатные органы меньшевиков.

Среди петербургской столичной печати центральное место занимали две газеты. Это близкое к правительственным кругам „Новое время” — вотчина семьи Сувориных. В ней сотрудничал ряд крупных журналистов, среди которых выделялся Меньшиков. Не меньшую роль играла кадетская оппозиционная газета „Речь”, возглавляемая редакторами Милюковым и Гессеном, располагавшая не менее блестящими комментаторами и репортерами.

Большое влияние в стране имела и московская печать, находившаяся в значительной мере в руках октябристов (их лидер А.Гучков — городской голова Москвы).

Повседневная жизнь прессы была, естественно, связана с деятельностью законодательных палат.

Нижняя палата в то время — это Третья Государственная дума, избранная в 1907 году. В Думе правительство опиралось на две партии, располагавшие абсолютным большинством. Это правая часть Центра — октябристы и умеренные правые — националисты. Справа и слева от этого мощного ядра — противники власти. Это крайне правая группировка во главе с Пуришкевичем и Марковым Вторым. В Центре, по соседству с октябристами, умеренная оппозиционная „партия народной свободы” — кадеты. В ней состоит ряд даровитых людей — Милюков, Маклаков, Набоков. Но все попытки сотрудничества этой партии с правительством пока безуспешны. Мартовский кризис, о коем будет речь, еще углубил ров. А еще левее — малочисленные фракции большевиков, меньшевиков, народных социалистов, представляющие „революционную демократию”.

Верхняя палата — Государственный совет. Часть его членов избрана, другая часть назначена главой государства — царем. Среди пос-

ледних — главным образом, пожилые сановники, отставные министры и т.п. В Государственном совете сильно крайне правое крыло, относившееся прохладно к любым реформам. С наступлением в стране успокоения, с успешным развитием ряда правительственных начинаний в этой крайне правой среде растет недовольство. Об этом Манфред Хаген пишет:

„Начиная с весны 1909 года в правом лагере образовалась сильная оппозиция против Столыпина и его внутривластного курса. Лидер октябристов Гучков сделал тогда подсчет „противников наших и Столыпина”. Первый правительственный кризис марта-апреля 1909 года выявил возможность ополчиться против премьер-министра Государственный совет”.

Это была реальная угроза. А к началу 1911 года положение главы правительства еще осложнилось. Левое крыло октябристов, до тех пор поддерживавшее правительственные начинания, начало колебаться. Оно не одобряет политику Столыпина в вопросах, касающихся окраинных провинций государства. Не разрешен вопрос Польши. Остро стоит проблема Финляндии.

В начале 1911 года правительство вносит в Государственную думу законопроект об образовании земств в шести западных губерниях империи, то есть в Волынской и других, лежащих к востоку от Западного Буга. В этом крае земская проблема была связана со специфическими особенностями. Почти все

крупные землевладения находятся в нерусских руках, принадлежат полякам. Поэтому в земских учреждениях нужны особые меры, обеспечивающие представительство русского большинства. Помимо этого, в этом земском вопросе имеются еще особые, важные государственные соображения. А именно: согласно государственной программе, разработанной Столыпиным (но еще хранящейся тогда в тайне), Польша должна быть отделена от России и стать независимым суверенным государством к 1920 году. Значительное (а то и подавляющее) большинство польских землевладельцев в нашем русском западном крае захочет в этих условиях приобрести польское гражданство. Они станут иностранцами и, следовательно, к местной земской деятельности непричастными. Поэтому, в виде первой меры переходного периода, правительство внесло в законопроект принцип голосования в земские учреждения по куриям: одни курии для выборщиков, принадлежащих к коренному населению, другие курии — для поляков.

В думской комиссии правительственный законопроект подвергается значительной переработке. Статья, касающаяся голосований по куриям, однако, сохранена. Думские поправки правительство принимает. Столыпин заявляет с думской трибуны, что работа комиссии была положительной, творческой.

Недаром один иностранный наблюдатель еще тремя годами раньше сообщил своему правительству:

„Русский народ демократизируется удивительно быстро и, что еще более замечательно, это происходит без усилий” (из доклада немецкого военного атташе в Петербурге фон Хинтце от 9 декабря 1908 г.).

Однако законопроект Государственной думой принят, хотя и незначительным большинством голосов. За законопроект голосуют всего 165 депутатов. Глава правительства все же удовлетворен. Согласно его словам, Дума возвысилась до высокого понимания насущной государственной задачи. Но главные трудности еще впереди.

Рассмотрение законопроекта переходит в верхнюю палату — Государственный совет. Там готовится дать бой правое крыло. Лидер этой реакционной фракции — бывший министр внутренних дел Дурново, личный недоброжелатель Столыпина. Желает свести счеты с правительством и бывший премьер-министр граф Витте. Как пишет в своей брошюре Манфред Хаген:

„Крупные затруднения, на которые натолкнулся в Думе законопроект о земствах, показались противникам Столыпина ободряющим признаком”.

Для удара по Столыпину Дурново, Трепов и Витте нацелили свой удар по самому чувствительному месту — статье законопроекта,

касающейся голосования по куриям. Дабы провалить эту статью; крайне правые консерваторы создали противоестественный союз — объединились с левыми членами высокого собрания. К нему присоединяются польские члены Государственного совета. Не зная дальнейших замыслов правительства, они, естественно, видят в статье о куриях национальную дискриминацию и ничего более. Такая коалиция (небывалая и неповторимая) проваливает, при постатейном чтении, законопроект о куриях 92 голосами (тогда как всего 68 голосов подается за). Таким образом, делу создания земств в Западном крае поставлена преграда. Глава правительства дезавуирован не революционерами, а крайне правыми сановниками, почитающими себя опорой престола. Они не погнушались голосовать против правительства вместе с левыми. В этих условиях Столыпин подает прошение об отставке. Свидание с императором, не поддержавшим в этом вопросе своего министра, происходит в тяжелой атмосфере. Таким образом день 4 марта кладет начало серьезному правительственному, а затем и парламентскому кризису.

Первые комментарии, связанные с правительственным кризисом, появляются в газетах 6 и 7 марта. „Россия” — орган националистов — отмечает, что при голосовании в Государственном совете преобладали „исключительно тактические соображения”. „Голос

Москвы” — центральный орган октябристов — подчеркивает, что состоялось „голосование против совести”. В „Новом времени” мы читаем:

„Судьба наших законопроектов зависит с каждым днем все более от тактических шагов и махинаций фракций Государственного совета. С таким положением председатель Совета министров примириться не мог”.

В эти первые дни оппозиционная печать занимает выжидательную позицию.

9 марта — поворотный момент. Создается впечатление, что уход Столыпина окончательно решен. В печати настоящая буря. Кадетская газета „Речь” в своем номере от 9 марта посвящает правительственному кризису девять статей. Все остальные проблемы (в том числе обострившиеся отношения с Китаем) отходят на задний план. Общая тема статей — забота о новом конституционном строе нашей страны. Много страстных, порою пристрастных, зачастую противоречивых оценок личности Столыпина.

„Голос Москвы” подчеркивает, что Столыпин „оставался до конца строго конституционным министром” и что его уход тоже должен быть расценен как „строго конституционный акт”. А „Московские ведомости” (орган, когда-то основанный Катковым) пишут о том, что „борьба против председателя Совета министров перешла границы допусти-

мого” и что попытку его свергнуть совершили, „жертвуя интересами русского народа”. В „Русском слове” — органе левых октябристов, не захотевших поддержать правительство, наблюдается несколько сконфуженный, покаянный тон: „Обстоятельства заставляют теперь задуматься не вызовет ли уход Столыпина, несмотря на нашу конституционную эпоху, приход к власти П.Н.Дурново?” Комментатор этой газеты добавляет, что теперь реакционеры „радуются от всего сердца министерскому кризису, надеясь протолкнуть к власти своего человека”.

В консервативном „Гражданине” князь Мещерский обвиняет Столыпина в нерешительности. Вследствие этого он, дескать, „оставит Россию в состоянии неумиротворенности”. Далее мы читаем:

„Было бы не так, если бы он обходился без Гучкова, без националистов, или еще каких-то там партийцев... Если ему суждено вернуться к власти, то он должен будет освободиться от всех этих господ и действовать как власть имущий”.

Со своей стороны, в потоке статей, оппозиционная кадетская „Речь” переходит в лобовую атаку. Нехотя газета признает, что уход премьер-министра это „первый, беспрецедентный случай в истории конституционной России”. Но тут же добавляет: „В России нет государственных деятелей, а имеются лишь чиновники”. В другой статье газета

отпускает Столыпину несколько комплиментов, рассчитанных на то, чтобы резче указать на его теневые стороны. Обвиняя премьер-министра в „диктаторских вкусах и поведенках”, называя его „всероссийским губернатором”, орган Милюкова снова отвергает не раз предложенное правительством сотрудничество. В статье сказано прямо:

„Об этом и речи быть не может. Немезида занесла над этим правительством свой меч!”

В другой статье того же номера 9 марта „Речь” обвиняет главу правительства в каком-то макиавеллистском сговоре с крайне правыми, теми самыми, что провалили правительственный законопроект. Автор статьи пишет, что министр оказался одинок „с глазу на глаз с Балашевым” (националисты). А остальные?... Гучков (октябристы), князь Мещерский и Меншиков недовольны. Довольны Пуришкевич, Володимиров, Марков Второй — „но не решаются это показать”. Далее мы читаем:

„В неуютной пустоте, образовавшейся в окружении диктатора, зародилась интрига. Против вновь поднявшейся волны сопротивления зазвучали старые заклинания диктатора... Но они теперь бессильны!”

В менее патетических тонах „Новое время” тоже говорит о том, что глава правительства обречен. „До последней минуты нам

не верилось — пишет газета — в то, что считается теперь всяким как неоспоримый факт”. Но в том же номере Меншиков не складывает оружия. Он пишет, что Столыпин не вправе покинуть свой пост вследствие позиции, занятой несколькими десятками деятелей крайне правого лагеря, „нанеся этим самым ущерб Великой России”. „Для одаренного человека единственная мыслимая отставка — это смерть”, добавляет он. Полагая (как и многие другие наблюдатели), что кризис обострен закулисной размолвкой между царем и главой правительства, Меншиков бросает предостережение: „В России нельзя, однако, предъявлять „требования” государю, как это водится на Западе”.

Установлено, что агрессивность крайне правого крыла Государственного совета подогревалась в эти дни в придворных кругах, близких к царю. Но сам император Николай II, будучи человеком нерешительным, не оказал главе своего правительства достаточной поддержки. В дни, предшествовавшие голосованию, Акимов (председатель Государственного совета) и некоторые крайне правые члены высокого собрания ездили на аудиенцию в Царское Село, где совещались с монархом. Последний был неопределенен и уклончив: голосуйте как вам велит совесть! Это и подзадорило крайне правых на игру ва-банк.

Совершенно очевидно, что лишь потом государь учел все последствия совершившегося. Доказательством этому служит текст его письма, датированного 9 марта, то есть днем, когда кризис достиг своего наивысшего напряжения. Письмо это, обнаруженное Манфредом Хагеном в государственных архивах и до сих пор нигде полностью не опубликованное, есть ответ царя на прошение Столыпина об отставке. Вот этот текст:

„Петр Аркадьевич,

За протекшие четыре дня со времени нашего разговора я всесторонне взвесил и обдумал свой ответ.

Вашего ухода я допустить не желаю. Ваша преданность мне и России, Ваша пятилетняя опытность на занимаемом Вами посту и главное Ваше мужественное проведение начал русской политики на окраинах Государства, побуждают меня всемерно удерживать Вас. Говорю это Вам вполне искренне и убежденно, не по первому впечатлению.

Теперь посмотрим, что говорят и думают вокруг нас. Какое единодушное сожаление, даже уныние, вызвал один слух о Вашем уходе. Неужели после всего этого Вы еще будете упорствовать? Конечно, нет. Я вперед знаю, что Вы согласитесь остаться. Этого требую я, этого желает всякий честный русский.

Прошу Вас, Петр Аркадьевич, приехать ко мне завтра в четверг в 11 часов утра. Помните, мое доверие к Вам осталось таким же полным, каким оно было в 1906.

Глубоко уважающий Вас

Николай”

Анализируя это письмо, Хаген останавливается, не без основания, на фразе „посмотрим, что говорят и думают вокруг нас”. Она показывает, насколько мыслящие люди могли высказываться в те времена открыто. Насколько общественное мнение имело вес в России. Насколько монарх был в курсе общественного мнения и с ним считался. Это не соответствует мифу о царе, замкнувшемся в своем придворном окружении и отрезанном от народа.

В течение двух последующих дней страсти разгораются. О встрече Столыпина с царем циркулируют самые фантастические слухи. А в это время обе законодательные палаты не дремлют...

Закусив удила, крайне правое большинство Государственного совета добивается окончательного отклонения законопроекта о земствах.

В то же время в Государственной думе намечается направление в противоположную сторону. По инициативе Балашева (националиста) и Гучкова (октябриста) среди депутатов собрано более 200 подписей под резолюцией, требующей вторичного рассмотрения законопроекта в Думе. Такая инициатива проявлена в нашей законодательной практике впервые. Более 200 подписей — тогда как за законопроект голосовало всего 165 депутатов. Значит, левые октябристы, перво-

начально не поддерживавшие правительство, теперь одумались. Инициатива интересная, ценная, но обреченная на провал, ибо при вторичном рассмотрении законопроект натолкнется бы на ту же преграду в Государственном совете. Это печать уже чует. 11 марта „Московские ведомости” печатают анализ событий под заголовком „Битва Думы против Государственного совета”. Вслед за правительственным кризисом маячит на горизонте кризис парламентарный.

Со своей стороны Совет министров заседает в ночь с 10 на 11 марта до двух часов утра. Премьер-министр предлагает намеченное во время царской аудиенции решение, состоящее из трех актов. Во-первых, законодательные палаты распускаются на три дня. Во-вторых, этот промежуток времени дает возможность воспользоваться прерогативой верховной власти (иначе говоря, издать, на основании 87 статьи Основных Законов, царский указ о создании земств в Западном крае). Во время перерывов деятельности законодательных палат царь имеет право применять эту 87 статью для проведения в жизнь срочных мероприятий. К этим двум мерам прибавляется третья. Затеявшие в Государственном совете интригу Трепов и Дурново отправляются, на основании царского предписания, в шестимесячный заграничный отпуск. Вежливое, но недвусмысленное предостережение.

Эти меры встречают сильное возражение двух влиятельных министров — **Коковцова** и **Кривошеина**. Они указывают, что трехдневный роспуск покоробит Думу, проявившую в этом деле добрую волю. Тот факт, что закон о земствах будет проведен в редакции, разработанной Думой, не удовлетворит, по мнению этих двух министров, думских депутатов правительственного большинства. Наконец, **Коковцов** и **Кривошеин** подчиняются мнению большинства.

Царские указы входят в силу 12 марта, опубликованы в прессе в понедельник 14 марта. Таким образом, кризис, продлившийся целых десять дней, подходит к концу.

Но споры вокруг кризиса не прекращаются. Министр юстиции **Щегловитов** доказывает, что принятые меры — не какая-либо диковина. За истекшие десятилетия образовавшиеся в парламенте тупики разрешались точно таким же образом и в передовых государствах — Англии и Франции. Оппозиционные юристы из кадетского лагеря оспаривают эту концепцию.

Уже к 12 марта печать начинает реагировать на события все более эмоционально и резко. „Московские ведомости” пишут о „небывалой, блистательной победе Столыпина”. Октябристский орган сожалеет, что эта победа достигнута спорным, непопулярным путем. „Голос Москвы” констатирует, что

общественность наблюдает не без волнения за „экспериментами” правительства, пусть диктуемыми хорошими побуждениями. Газета опасается, что Россия будет вновь вовлечена „во времена властвования безответственной бюрократии”, и подчеркивает, что, „идя по этому пути, можно свести на нет все значение наших законодательных учреждений”.

В „Гражданине” 12 марта князь Мещерский косится на то обстоятельство, что земский закон вступил в силу в думской его редакции. „Дума — пишет он — присвоила себе права верхней палаты. Она будет и впредь перекраивать на свой лад правительственные законопроекты”. Видя в этом чрезмерную уступчивость главы правительства, автор восклицает: „Плеве был последним выдающимся борцом против революции”.

В оппозиционном лагере события представляются в ином свете. Кадетские „Русские ведомости” помещают 14 марта язвительную статью. В ней сказано:

„Палаты заседают ежедневно и занимаются всем, чем им угодно. В полдень наступает трехчасовой перерыв. Депутаты спешат к обеденному столу. А в этот промежуток времени правительство издает свои указы на основании 87 статьи. Это просто и удобно’.

В пользу мер, принятых правительством, раздается на этот раз мало голосов. Орган

националистов „Свет” пишет, что 12 марта это „новая историческая дата в жизни обновленной России”. Анализируя события, „Новое время” критикует октябристов, ополчившихся „против ими же выработанного закона”, и крайне правых, „грезящих о возврате к прежней жизни”.

Происшедшая встряска отзывается и в самих законодательных учреждениях. Проявляется тенденция к перегруппировке сил. В правых рядах Государственного совета происходит раскол. Часть членов дезавуирует своего лидера Дурново и образует умеренную, так называемую „нейдгартовскую” фракцию.

В Государственной думе кадеты призывают „соседей справа” (октябристов) сплотиться вместе в „мощную парламентскую оппозицию”. На этот счет Милюков пишет в „Речи” 15 марта: „Перед октябристами выбор: либо беспомощно уйти в небытие, либо полностью отмежеваться от правительства”. (Такое „отмежевание” октябристов произойдет шестью годами позже, в пору февральской революции.)

Особое место в событиях занимает предписание, данное Трепову и Дурново „отдохнуть” шесть месяцев вне пределов страны. В прессе в защиту „гонимых” выступают лишь крайне правые. В „Русском знамени” 12

марта Дубровин — один из основателей „Союза русского народа” — пишет:

„Двое доблестных борцов за Отечество, отрубавших головы революционной гидре, удалены из Государственного совета. Это несомненно обрадовало революционеров, всех тех, кто наносит удары императорской верховной власти”.

Отъезд обоих сановников происходит в достойных условиях. В те времена от политических деятелей, попавших в трудное положение, не отшатывались, как от зачумленных. К Н.Дурново едут с прощальным визитом не только единомышленники, но и заведомые политические недруги, — такие, как В.Дитрих и князь А.Оболенский (центральная группа Государственного совета), В.Львов (кадет), барон А.Мейендорф (октябрист, двоюродный брат Столыпина).

Теперь, после происшедших событий, поступили запросы в обеих палатах. Критика справа. Не менее острая, чем слева. Отдадим должное, но не только правительству П.Столыпина, внимательно следившему за голосами из прессы, но и русской печати того времени, сумевшей показать свое значение во время мартовского кризиса 1911 года. Недаром вскоре к премьер-министру от царя поступает следующая записка:

„Желаю Вам завтра, Петр Аркадьевич, в Государственном совете спокойствия духа и полного успеха. *Николай* 31 марта 1911 года”.

Столыпинская реформа

А. Столыпин

Даже беглый взгляд на распределение земельного фонда к 1905 году свидетельствует о том, что реформы Александра II не были доведены до конца.

В Европейской России к этому времени имеется 430 млн. га пригодной для земледелия почвы. Из этого количества государственные, удельные и церковные земли занимают 168 миллионов га (39,1%). Крестьянские наделенные земли — 152 млн. га (35,1%). Помещичьи земли — 58 млн. га (13,3%). В.С. Мерцалов, дающий эти цифры в своей книге „Трагедия российского крестьянства” (изд. П о с е в, Лимбург-на-Лане, 1948) относит остающиеся 12,5% (более 17 млн. га) к категории „прочие”. К владельцам этой неопределенной категории относились в то время 490 000 крестьян-собственников земли и 85 000 мещан, купивших землю.

Над этими цифрами следует задуматься. Во-первых, бросается в глаза огромное несоответствие в распределении земельных ресурсов (в распоряжении крестьянства лишь 35% пахотной земли). Помимо этого — каждая категория владельцев земли как бы

заперта в свое особое „гетто”. После отмены крепостного права, в создавшихся новых условиях, некоторые помещики-дворяне и рады были бы продать свои поместья, ставшие обузой. Но продавать-то было почти некому. Часть земель перешла из рук дворян в руки разбогатевших купцов и промышленников. Но это ни в какой мере не уменьшило нависший над страной земельный голод.

Причина этого голода — общинный строй: наделные земли распределены между крестьянскими общинами и каждая из них владеет определенным количеством пахотной земли, не подлежащим ни уменьшению, ни увеличению. Своего рода замкнутая крепость.

Из крепостной зависимости крестьянин попал в общинную зависимость. Землей, по установившемуся обычаю, владеет крестьянская сходка — „мир”. Происходящие каждые 3-4 года перераспределения земли имеют тяжелые экономические последствия. Руководствуясь справедливостью, „мир” отводит каждому крестьянину полосу хорошей, полосу средней и полосу плохой земли, отстоящие одна от другой иногда на десяток километров. Полосы приходится отмежевывать, на отмежевание уходит впустую до 15% пахотной земли. Взрослым сыновьям общинников приходится отводить новые участки (а прирост населения в одной лишь Европей-

ской России равен 1 625 000 душ в год — цифра 1907 г.). Участки общинных земель непрерывно уменьшаются.

Тяжелы и психологические последствия. Получив свой раздробленный участок, крестьянин на нем зачастую не усердствует: все равно эта земля через несколько лет перейдет к другому.

Община, однако, еще не колхоз: на своем участке крестьянин сам себе хозяин, орудия производства (зачастую, правда архаические) — его собственность. Но и в этих условиях (еще до революции 1905 г.) крестьянство недовольно. То тут, то там мятежи, нападения на помещичьи усадьбы, поджоги. Само собой очевидно, что назрела пора для коренных и спешных реформ. В книге, посвященной деятельности своего отца-министра, К. А. Кривошеин пишет:

„Закон о землеустройстве должен был бы появиться не 14 июня 1910 г., а 20 февраля 1861 г., то есть на следующий день после освобождения крестьян”.

В первое время правления царя Николая II изучением аграрной проблемы, поиском выхода из тупика заняты различные комиссии. Однако они топчутся на месте, а время не терпит: к реформам приступать лучше в мирной обстановке, а не тогда, когда начинаются революционные действия.

Таково убеждение П.А.Столыпина. Мысли о возможности выхода из общины и закреп-

лении земли в качестве личной собственности, а также об устранении чересполосицы и создании хуторских хозяйств созрели у него задолго до прихода к власти. Еще будучи в конце прошлого столетия ковенским уездным предводителем дворянства и председателем местного съезда мировых посредников, он распространяет среди крестьян-литовцев идею об единоличной земельной собственности. В ряде случаев он проводит эту меру, добиваясь необходимых для начала дела приговоров крестьянского „мира”. Это своего рода лаборатория, позволяющая проверить правильность избранного пути для применения его впоследствии в широких масштабах. Результаты опыта превосходят все ожидания. Будучи саратовским губернатором, Столыпин пускает затем первый пробный шар. В отчете за 1904 г. он пишет государю:

„Жажда земли, аграрные беспорядки само по себе указывают на те меры, которые могут вывести крестьянское население из настоящего ненормального положения. Единственным противовесом общинному началу является единоличная собственность...

В настоящее время более сильный крестьянин превращается обыкновенно в кулака, эксплуататора своих однообщинников, по образному выражению, — в мироеда. Вот единственный почти выход крестьянину из бедноты и темноты — видная по сельским воззрениям мужицкая карьера.

Если бы дать возможность трудолюбивому землеробу получить сначала временно в виде искуса, а

затем закрепить за ним отдельный земельный участок, вырезанный из государственных земель или из земельного фонда Крестьянского банка, то наряду с общиной, где она жизненна, появился бы самостоятельный зажиточный поселянин, устойчивый представитель земли. Такой тип уже зародился в западных губерниях”.

К этому призыву царь не остается глух. Летом 1906 г. Столыпин назначен главой правительства. Но — за это время далеко еще не утихла революция 1905 года. Мирное время для преобразования пропущено. Чтобы осуществить реформы в условиях смуты, нужна твердая рука и состязание с часовой стрелкой.

*

В деле задуманных преобразований Столыпин, конечно, не одинок. В правительстве есть исключительно даровитый и энергичный А. В. Кривошеин, ведающий сельским хозяйством. Есть опытные специалисты, такие как министр путей сообщения Рухлов — выходец из крестьян.

Этажом ниже — учреждения, созданные в эпоху Великих реформ Александра II, но находящиеся почти в полном бездействии. Это земский отдел Министерства внутренних дел, сыгравший немалую роль в деле освобождения крестьян. Теперь на отдел возла-

гается разработка указов, долженствующих положить начало новой крестьянской реформе.

Это Крестьянский банк, основанный в 1882 г., но затем в течение ряда лет не имевший возможности предоставлять крестьянам нужный кредит. Об этом премьер-министр говорит в правительственной декларации 6 марта 1907 г.:

„Изменен устав Крестьянского банка в смысле согласования с существующим уже в законе, но оставшимся мертвой буквой разрешением залога надельных земель в казенных кредитных учреждениях”.

Это землеустроительные комиссии, располагающие великолепными специалистами, но имеющие бюрократический облик. Об этом сказано в той же правительственной декларации:

„Успешное осуществление аграрных мероприятий находится в зависимости от деятельности местных землеустроительных комиссий, необходимость переустройства которых сознается главным управлением, составившим проект, имеющий целью:

1. теснее связать эти комиссии с местным населением путем усиления в них выборного начала;
2. придать им рабочие силы для проектирования и осуществления землеустроительных планов”.

Препятствующие факторы — это некоторые партийные круги, представленные в на-

ших законодательных палатах. Крайне правые, консервативные круги дорожат общинным строем. В общину они вкладывают какой-то мистический смысл, видят в ней выражение исконного начала общественной справедливости. Эти консервативные круги особенно сильны в верхней палате — Государственном совете.

Правда, в этих кругах намечаются кое-какие сдвиги. Отнюдь не сочувствующий деятельности нового премьера граф. С.Ю. Витте отмечает, однако, в своих воспоминаниях (Т. 1 стр. 440) :

„Почтеннейший член Государственного Совета П.Семенов, сделавшийся в этом году Тянь-Шанским, едва ли не единственный, оставшийся в живых из ближайших сотрудников графа Ростовцева по освобождению крестьян — ярый сторонник общины — только этой зимой (1907 г. — А.С.) в гостиную А.Н. Нарышкиной сознался, что после пережитого в последние два года он убедился, что была сделана большая ошибка в 60-х годах: не оценили при крестьянской реформе принципа собственности, увлеклись общинным началом”.

Так было справа... А слева?.. В нижней палате — Государственной думе — левый центр занят Партией народной свободы (кадетами), находящейся в принципиальной оппозиции к правительству. Не однажды, но безрезультатно, премьер-министр пытается с ними сговориться.

Левее их — представители революционной демократии, желающие разрушения существующей государственности, а в области сельского хозяйства — черного передела земли. Земельная реформа для них страшна.

В речи, произнесенной во Второй думе, 9 ноября 1906 г. Столыпин говорит:

„Сегодня я только узнал, что в аграрной комиссии, в которую не приглашаются члены правительства и где не выслушиваются даже те данные и материалы, которыми правительство располагает, принимаются принципиальные решения”.

Насчет этих „принципиальных решений”, исходящих преимущественно от депутатов социал-демократов и базирующихся на проповедуемом ими учении, Столыпин высказывается 10 мая 1907 г. перед Второй думой:

„Согласно этому учению, государственная необходимость должна возвыситься над правом, не для того, чтобы вернуть государственность на путь права, а для того, чтобы уничтожить в самом корне именно существующую государственность, существующий в настоящее время государственный строй”.

Остановившись далее на аграрном вопросе, премьер-министр подчеркнул:

„Словом, признание национализации земли поведет к такому социальному перевороту, к такому перемещению всех ценностей, к такому изменению

всех социальных, правовых и гражданских отношений, какого не видела еще история... Вообще, стимул к труду — та пружина, которая заставляет людей трудиться, была бы сломлена... Все будет сравнено — сравнять всех можно только к низшему уровню. Вследствие этого культурный уровень страны понизится. Добрый хозяин, хозяин-изобретатель, самой силою вещей будет лишен возможности приложить свои знания к земле... и эта распыленная земля будет высылать в города массы обнищавшего пролетариата.

Первый этап преобразований

Преобразования начались в 1906 г. в условиях еще не стихнувшей революционной бури. 6 марта 1907 г. в правительственной декларации, прочтенной во Второй думе, Столыпин заявил:

„В целях достижения возможности выхода крестьян из общины издан закон, облегчающий переход к подворному и хуторскому владению, причем устранено всякое насилие в этом деле и отменяется лишь насильственное прикрепление крестьянина к общине, уничтожается закрепощение личности, несовместимое с понятием о свободе человека и человеческого труда”.

Речь здесь идет об указе 9 ноября 1906 г., положившем начало преобразованиям. Издан он был на основании 87 ст. Основных Законов в период междудумья. Первым двум думам было не до реформ, а медлить было нельзя. В чем была в общих чертах суть

указа? Он уравнил крестьян в правах с прочими сословиями. Общины, в которых в течение последних 24 лет не было переделов, считались распавшимися и наделъная земля автоматически превращалась в частную крестьянскую собственность. Таким путем 193 477 семей получили в личное владение 1 855 814 десятин земли. Эти крестьяне, как и остальные общинники, были освобождены еще указом 3 ноября 1905 г. от выкупных платежей (наложенных на них в момент отмены крепостного права). Эти платежи — в среднем около 4 золотых рублей в год с каждого двора — были, несмотря на их незначительность, все же бременем для бедной части крестьянства.

Но главная суть указа заключалась в праве свободного выхода крестьян из общины; в предоставлении им свободных казенных земель в Европейской России; в разрешении крестьянам откупать участки у помещиков — с помощью ссуд, предоставляемых Крестьянским банком. Ссуды эти с незначительными процентами должны быть возмещаемы обычно в течение 55,5 лет. Уплату части процентов брало на себя государство. Таким образом, фактически все налогоплательщики страны помогали крестьянам в приобретении нужной им земли. Одновременно, в целях защиты зарождающейся крестьянской собственности, указ вносил известные огра-

ничения. А именно: наделная земля не могла быть продана лицу другого сословия, она не могла быть заложена иначе, чем в Крестьянском банке, она не могла быть продана за личные долги, она не могла быть завещана иначе, чем по существующим правилам. Помимо этого, делая ставку на зажиточного крестьянина-середняка, указ от 9 ноября возбрал концентрацию более шести наделов в одних руках. Как это определилось уже в первую пору осуществления реформы, обычный размер участка, типичный для зажиточного середняка, равнялся примерно 14-15 десятинам, и только в некоторых районах с менее богатыми землями средний размер участка превышал 20 десятин.

В своей речи 16 ноября 1907 г., при открытии Третьей думы, Столыпин подчеркивает:

„Мелкий земельный собственник, несомненно, явится ядром будущей земской единицы. Вот тогда только писаная свобода претворится в свободу настоящую, которая, конечно, складывается из гражданских вольностей и чувства государственности и патриотизма”.

Характерно, что в связи в этом Съезд партии социалистов-революционеров, состоявшийся в Лондоне в сентябре 1908 г., выносит следующее постановление:

„Правительство, подавив попытку открытого восстания и захвата земель в деревне, поставило се-

бе целью распылить крестьянство усиленным насаждением личной частной собственности или хуторским хозяйством. Всякий успех правительства в этом направлении наносит серьезный ущерб делу революции... С этой точки зрения, современное положение деревни прежде всего требует со стороны партии неуклонной критики частной собственности на землю, критики, чуждой компромиссов со всякими индивидуалистическими тяготениями”.

Со своей стороны, Ленин пишет:

„В истории бывали примеры успеха такой политики. Было бы пустой и глупой демократической фразеологией, если бы мы сказали, что в России успех такой политики невозможен. Возможен!” (Ленин. Полное собр. соч. Т. 16, с. 423).

Затруднения в проведении преобразований лежат частично в психологической области. Крестьянин во все времена медлителен и консервативен. Включится ли он полностью в правительственное начинание? В этом сомневаются даже такие передовые люди, как А.Н. Наумов, — который станет министром сельского хозяйства, под самый конец правления Николая II. В своих воспоминаниях он пишет:

„Я неоднократно высказывал самому Столыпину, что ни в коем случае нельзя считать всех этих мелких индивидуалистов сознательными хозяевами-собственниками. Их много значилось по официальной статистике, но качественно огромное большинство их продолжало пребывать в состоянии закоренелых общинников”. (А.Н.Наумов. „Из уцелевших воспоминаний”. Нью-Йорк, 1955 г., с. 134).

Второе крупное затруднение в упорядочении нового личного крестьянского земле- владения: размежевание участков, изжитие чересполосицы. Как об этом упоминает в сво- ем труде К.А. Кривошеин, на съезде членов губернских присутствий и землеустроитель- ных комиссий, в январе 1909 г., Столыпин указывает в своем выступлении, что

„...надлежит проникнуться убеждением, что укрепление участков лишь половина дела — даже лишь начало дела, — и что не для укрепления че- респолосицы был создан закон 9 ноября. Вам придется теперь обеспечить успех второй стадии: отвод участков к одним местам, внутринадельное устройство крестьян”.

Это требует известных объяснений. Как об этом пишет в упомянутом труде министр Наумов:

„Землеустройство на землях казенных, удельных и помещичьих проходило в условиях сравнительно легких. Землемерам, как и чертежникам, предоставлялся простор для разверстки свободных земель- ных массивов под обособленные собственнические участки. Совершенно иною была работа по распреде- лению крестьянской общинной земли в духе Столы- пинской реформы” (с. 142).

Выходившие из общины крестьяне могли требовать — и требовали — вместо мелких разбросанных полос, выделение одного кус- ка земли, равного сумме прежних. Эти цель- ные куски получили название отрубов. Если

крестьянин покидал свою деревню и селился на своем куске земли, он становился хуторянином. Это дело требовало упорядочения, сталкивалось с рядом споров и недоразумений. Ранее сомневавшийся в преобразовательных способностях наших крестьян, А.Н. Наумов дает красочный пример того, как этот вопрос был разрешен в одном из общинных хозяйств его родной Самарской губернии:

„Разверстка эта была совершена в многолюдном селении „Питерка” Новоузенского уезда в следующем порядке: вся общинная надельная земля была сельским сходом расценена и распределена по качеству на пять категорий или „разрядов”. На том же сходе выбрали комиссию из пяти членов питерского сельского общества, которой было поручено, при содействии землемера, разбить надельную землю на „столбы”, с нарезкой в каждом из них особых земельных участков, пространственно различных, в зависимости от качества почвы. Была составлена подробная карта нарезов. Населению „Питерки” было предложено вынимать жребий, согласно которому крестьянин получал тот или другой земельный участок в личную собственность. Величина этого участка зависела от качества почвы. Если по жребию выпадал участок плохой земли, расцененной по последнему, пятому разряду, то он включал в себе количество земли в пять раз большее, чем участок первой категории, с наилучшими почвенными качествами” (с. 143).

Таким образом крестьянам давалась свобода инициативы. Но она проявлялась не

повсюду. Закон „о землеустройстве” 29 мая 1911 г. внес в это дело окончательную ясность. Он подтверждал право крестьянина требовать выделение для него цельного куска земли и значительно расширял полномочия землеустроительных комиссий, решения которых стали обязательными в вопросах устранения чересполосицы и отграничения смежных владений.

Указ 9 ноября 1906 года; превращение этого указа Третьей думой в закон 14 июля 1910 года; утвержденный той же Третьей думой закон „о землеустройстве” 29 мая 1911 года. Это три этапа, три верстовых столба в деле создания нового крестьянского общества.

Некоторые итоги реформы

А теперь — некоторые результаты. Обрывочные, поскольку дело было оборвано в 1917 г.

Прежде всего о деятельности реорганизованного в 1907 г. Крестьянского банка. В его функции входила покупка предложенных ему помещичьих земель, с дальнейшей их перепродажей крестьянам — на сугубо льготных условиях. А также посредничество и поощрение (с соответствующими ссудами) покупки крестьянами земель непосредственно от помещиков. Вот некоторые

цифры. Из 53 млн. десятин помещичьей земли предложено было Крестьянскому банку только лишь в период между 1906 и 1909 гг. 14,5 млн. десятин. Такой наплыв предложений был не по силам банку: он купил лишь 3,4 млн. десятин. Причем (как это отмечает в своем исследовании К.А. Кривошеин) банк платил довольно высокие цены — чтобы не дезорганизовать рынок и не разорить землевладельцев.

А вот цифры, охватывающие более широкий период. Для покупки помещичьих земель (находящихся уже во владении Крестьянского банка) крестьянам было выдано между 1907 и 1915 гг. ссуд на 421 млн. рублей. Помимо этого было выдано ссуд на 606 млн. рублей для покупки крестьянами земель непосредственно от помещиков, при посредничестве банка. Без грабежей, без насилия и экспроприации площадь помещичьей земли постепенно сокращается и уменьшается крестьянский земельный голод. Причем сохраняются помещичьи культурные очаги, имеющие значения для развития страны. За период с 1906 по 1915 г. помещичья земля сокращается с 53 млн. десятин до примерно 44 млн., а в общей сложности со времени освобождения крестьян — наполовину.

Особую поддержку Крестьянский банк оказывает крестьянам, переселяющимся из деревень на хутора. С 1906 по 1916 г.,

при поддержке банка приобретено и благоустроено свыше 200 000 хуторских хозяйств. Через Крестьянский банк, лишь за период с 1906 по 1910 г., крестьяне, сверх своих земель, полученных от общины, приобретают дополнительно свыше 6 млн. десятин.

Подведем некоторые общие итоги. В 47 губерниях Европейской России было к моменту реформы 14,6 млн. наделных дворов, зажатых в тиски общины. Из этого количества до 1917 г. подали заявление о выходе из общины 5,8 млн. домохозяев, то есть 40,8% от их общего количества.

Успели к 1 января 1916 г. (несмотря на замедленные темпы в военное время) укрепиться на собственной земле 2,3 млн. домохозяев, получивших в общей сложности 26 853 десятины земли. Причем из этого количества 15 374 000 десятины приходилось на хутора.

Для остальных же 3,5 млн., изъявивших желание выйти из общины, подготовка к осуществлению их заявлений была закончена в 1915 г. Но эти потенциальные хуторяне своей земли уже не получили.

Одновременно с выходом крестьян из общины начинается естественное и неизбежное расслоение крестьянского сословия. Как об этом пишет в своем исследовании К.А. Кривошеин, между 1908 и 1915 гг. около

914 000 единоличников, вышедших из общины, продают свои наделы другим крестьянам. По обследованию в 12 уездах, из продавших свою землю 12% переселилось за Урал, 26,4% оставили деревню и переселились в города (огромный промышленный подъем тех лет позволил им найти там более выгодный заработок), 30% продали свои наделы для покупки лучшей земли через Крестьянский банк, 20% продали землю из-за недостатка рабочих рук, из-за пьянства и т.п. — они составляют деревенскую „бедноту” — пролетаризированный элемент, к которому принадлежали и в дореформенное время и который сыграет трагическую для крестьянства роль в дальнейшем, в большевистский период.

Итак, к моменту революции были удовлетворены потребности только части крестьянства. Несмотря на это, урожайность в стране с 1906 по 1915 гг. возросла на 14%. В некоторых частях — даже до 20-25%. Этому, помимо реформы, способствовало переселение части крестьянства за Урал. Власть способствовала этому, массово ввозя из-за границы улучшенные породы племенного скота и птицы. 35 423 дворам новых крестьян-собственников было оказано содействие в постройке новых жилищ и хозяйственных построек путем льготного или бесплатного отпуска лесных материалов.

Реформаторы проводили время не только в столичных канцеляриях, но выезжали и непосредственно на места. С 19 августа по 19 сентября 1910 г. А.П.Столыпин совместно с А.В. Кривошеиным объезжают землеустроительные районы в Западной Сибири и в Поволжье. Из отчета, поданного после этого объезда государю, выделяю следующие, относящиеся к Поволжью, строки:

„В области землеустройства, в тесном смысле этого слова, очередными являются теперь задачи, главным образом, организационные... В связи с ростом землеустройства необходимо:

1. Видоизменить школьную организацию, увеличить число школ и устраивать при школах детские общежития.

2. Воспользоваться хуторским расселением для широкого развития огнестойкого строительства.

3. Постепенно сосредоточить в руках казны лесные площади из состава имений, предлагаемых частным владельцами для покупки Крестьянским банком.

4. Сбереечь бывшие помещичьи усадьбы и продавать их общественным учреждениям и частным лицам, по возможности оставляя в этом последнем случае при усадьбах цензовые участки”.

Число слушателей сельскохозяйственных чтений, организованных главным образом для крестьянской молодежи, между 1906 и 1914 гг. возросло с 48 000 до 1 600 000 человек в год. В 1913 г. в страну ввозятся первые тракторы, и к моменту революции 25% крестьянских хозяйств владеет уже усовершенствованным инвентарем. Наблюдается рост крестьянских вкладов в сберегательные кассы: 31 декабря 1915 г. их сумма составила 2 млрд. рублей.

В период с 1909 по 1913 гг. русское производство главнейших видов зерновых превышало на 28% продукцию Аргентины, Канады и Америки вместе взятых. Русский экспорт в 1912 г. достиг 15,5 млн. тонн зерна*, то есть примерно того количества, которое коммунистическое руководство вынуждено теперь ежегодно закупать за границей. Как отмечал крупнейший французский финансовый экспорт Эдмон Тери, цены на зерно в Европе в течение десятилетия 1904-1914 были бы много выше, если бы русский вывоз не сдерживал аппетиты американских, канадских и аргентинских экспортеров зерна.

* Edmond Thery. La transformation économique de la Russie. Paris 1914, p. 53.

Чем все это кончилось

Столыпинская реформа пережила своего творца. В тяжелейших условиях первой мировой войны, она продолжает развиваться. 18 февраля 1916 г. в речи, произнесенной в Четвертой думе, министр земледелия А.Н. Наумов подводит последний итог — за год до революции.

Из-за огромного числа мобилизованных в армию крестьян в сельском хозяйстве недостаток рабочих рук. Серьезные неувязки с транспортом. Главным образом потому, что постройка Южно-Сибирской магистрали (Орск-Семипалатинск), начатая по решению Совета Министров в 1911 г., еще не завершена. Из-за этого в Сибири — залежи хлеба, в Европейскую Россию он доставляется с трудом. Война прекратила наш вывоз, который составлял около 15% от общего урожая основных зерновых.

Однако положение было отнюдь не безнадежное. Чтобы заменить нехватящие рабочие руки, помимо других мер, в США и в Швеции заказано на 6 млн. рублей 25 000 сельскохозяйственных уборочных машин. Доставка их обеспечена к моменту уборки хлеба. С думской трибуны министр заявляет:

„В Империи имеется до 900 млн. пудов избытка главнейших хлебов. Другими словами, у нас имеется излишек не менее одной трети годовой потребности”.

Эти 900 млн. пудов избытка, пожалуй, то последнее, что Столыпин завещал России, как пишет тот же Мерцалов.

Заселение наших азиатских пространств

А. Столыпин

„Движение людей из Европейской России на восток началось самотеком и очень давно. Переселение усилило этот поток, и удельный вес славяно-росского элемента на востоке постепенно повышался”.

Так писал проф. И.А. Курганов в своей ценной статье „Переселение крестьян в России” („Грани”, № 58, с. 235), на которую я еще буду ссылаться.

Переселение наших крестьян на азиатские пространства

”... шло непрестанно, как бы покоряясь воле народа и как бы по собственному его особому плану, мудрость которого и точное соответствие ряду естественных и исторических причин выяснялись лишь по мере его осуществления и только теперь очевидны”.

Это можно прочесть в первом томе труда „Азиатская Россия”, опубликованного Переселенческим Управлением незадолго до революции.

Долгие годы переселенцы передвигались за Урал в повозках, пешком через труднопроходимую тайгу. Таким образом, в Сибири, после 300 лет со времени ее освоения, оказалось 4,5 млн. русского населения. В связи с постройкой Сибирской магистрали переселенческий поток усиливается, начиная

1896 г. В течение следующих 10 лет в Азиатскую Россию переселяется еще примерно миллион человек. Но это бесконечно мало — принимая во внимание назревший в Европейской России земельный голод, и учитывая соседство густонаселенного Китая.

К тому же, при всем ее значении, Сибирская магистраль способствовала переселению лишь в известной мере. Авторы интересной книги „Война оккультных сил”, поляк Эммануил Малынский и француз Леон де Понсен*, дают в качестве благожелательных посторонних наблюдателей такую оценку магистрали:

„Великая Сибирская магистраль была в значительной мере делом С.Ю. Витте. Этот железнодорожный путь, самый длинный на земном шаре, — грандиозное достижение, делающее честь тому, кто его замыслил и сумел осуществить. Но интересно отметить, что на это дело наложил свою печать такой рьяный приверженец капитализма, как Витте.

В самом деле, Сибирская магистраль проходит не через богатые районы азиатских владений России — не через области, которые подходили наиболее для заселения и могли бы в первую очередь стать очагами местного производства. Главная цель этого грандиозного железнодорожного пути заключалась, по-видимому, в том, чтобы связать кратчайшим

* Emmanuel Malynski et Léon de Poncins: „La guerre occulte”; Paris: Éditions Beauchesne, 1934.

путем заселенные местности Европейской России, а с ними и Европу, — с Китаем и Тихим океаном ...

Сибирь, с ее неиспользованными и даже неисследованными богатствами, была в этом деле преградой, сквозь которую надлежало пробиться, дабы достичь поставленной цели: создать пассажирский транзит, обслужить торговлю и банковские операции”.

Суждение быть может чересчур строгое, но все же содержащее долю истины.

С 1906 г. в деле заселения Азиатской России начинается новая пора; об этом свидетельствуют цифры. Так, за одно лишь трехлетие 1908-1910 гг. за Урал переселилось около 1,5 млн. человек.

Советские исследователи подвергают все дело переселения жестокой критике: утверждают зачастую, что оно было поставлено из рук вон плохо и завершилось неудачей. Крестьянская волна вскоре покатилась, дескать, назад из-за Урала в Европейскую Россию. Работы этих исследователей дезинформируют многих наших соотечественников на родине.

Положение в Азиатской России совсем иное, чем в Европейской. Это два различных мира. За Уралом нет гнетущего крестьянство общинного строя. Но зато почти отсутствует крестьянская земельная собственность. Земельные наделы отводятся крестьянам лишь в пользование. Еще одно отличие: в Сибири

нет тех больших образцовых хозяйств, созданных некоторыми высокообразованными крупными землевладельцами, которые сыграли в Европейской России немалую положительную роль. В своем докладе, поданном Государю в сентябре 1910 г., П.А. Столыпин пишет: „Необходимо достигнуть постепенного объединения правительственной политики до Урала и за Урал”. Это дело долгого дыхания. Первоочередных же задач имеется три. Во-первых, обследование местностей, наиболее годных для заселения, и организация в этих местностях землеустройства. Во-вторых, прокладка к этим местностям железнодорожных линий и грунтовых дорог. В-третьих, подготовка для переселенцев достойных условий существования и дальнейшее улучшение их быта.

Эти три начинания составляли как бы „первый этаж” воздвигавшейся постройки. Только после создания и прочного укрепления этого „первого этажа” следовало приступить, по замыслу реформаторов, к созданию „второго этажа” — тяжелой промышленности.

Первоначально возникают трудности. С освобождением крестьян от общинного строя переселение начинает принимать стихийный характер. Часть крестьян продает свои наделы, и, забрав семьи и скарб, двигается за Урал. Двигается порой в неизвест-

ное будущее, без обследования ходами новых мест заселения. Стихийная переселенческая волна „перехлестывает” землеустроительные работы, предпринятые для приема новых жителей Азиатской России. Самым критическим был 1908 г., когда переселенческая волна достигла своего максимума.

Но, несмотря на это, огромное большинство новоприбывших постепенно осваивается на новых местах. Массовое возвращение „обманутых и обнищавших” крестьян из Сибири в Европейскую Россию — большевистская выдумка. В своей статье „Переселение крестьян в России” („Грани”, № 58) И.А. Курганов приводит опровергающие эту выдумку статистические данные. Перешло за Урал, считая в том числе ходоков:

Год	Переселенцев.	Возвратившихся
1906	213 000	7%
1907	571 000	5%
1908	744 000	6%

Вслед за трудным стихийным периодом переселение начинает принимать организованные формы. Характеризуя этот второй, организованный этап переселения, И.А. Курганов пишет:

„Теперь переселенец получал возможность сначала найти и закрепить за собою землю на востоке, затем нормально ликвидировать свое хозяйство на родине, взять скот, сельскохозяйственные орудия, телеги, посуду, одежду и т.д. все это погрузить в

отдельный вагон по льготному тарифу. Все это он уже легко доставлял на новое место, где была приготовлена земля, колодец, а порой и первые постройки”.

Но все это, разумеется, не образовалось само собою.

Правительственные меры

Упомяну прежде всего о транспорте. В большевистских писаниях говорится, что переселенцев перевозили в товарных вагонах, „как скот”. Это далеко от истины. С 1907 г. были запланированы, а с 1910 г. пущены широко в обращение министром путей сообщений Рухловым (который сам происходил из крестьян) вагоны, созданные специально для переселенцев. Они отличались от обычных вагонов 3-го класса тем, что задняя их часть представляла собой помещение во всю ширину вагона, предназначенное для крестьянского инвентаря и скота. Таким образом ехавшие в купе крестьяне имели возможность лично ухаживать и присматривать за своим скотом, а не поручать это важное дело посторонним. Это и были пользовавшиеся среди крестьян заслуженно хорошей репутацией те самые „столыпинские вагоны”, которые получили в советское время иное назначение и обрели зловещую славу. Легенду разрушить трудно. Но когда-нибудь наш народ все же узнает правду ...

Для нужд переселения в Азиатской России был построен целый ряд железнодорожных линий местного значения. Но это не главное. Я здесь лишь упомяну о постройке Амурской железной дороги, предпринятой Столыпиным и законченной в 1915 г. Другое грандиозное начинание осуществить не успели. В докладе 1910 г., поданном Государю, сказано:

„Нужно озаботиться обеспечением сбыта сибирскому хлебу и другим продуктам сибирского хозяйства. С этой целью желательно провести южно-сибирскую магистраль Уральск-Семипалатинск, с выходом на Ачинск или на Семипалатинск”.

Проект постройки этой магистрали был одобрен Советом министров на заседаниях 17 февраля и 27 апреля 1911 г. Потом было киевское убийство (18 сентября 1911 г. П.А. Столыпин был убит террористом Богровым — Р е д.), потом война. Успели, однако, в переселенческих районах проложить 11 500 верст грунтовых дорог. Стройка продолжалась и в годы первой мировой войны.

Правительственные капиталовложения в дело переселения непрерывно росли: 4 597 000 руб. — в 1906 г., 18 268 000 руб. — в 1908 г., 26 481 000 руб. — в 1912 г. На что шли эти деньги? На постройку 7 000 колодцев и многих водохранилищ. На орошение (так, например, 5 октября 1913 г. был открыт в Голодной степи Романовский канал

длиной в 140 верст). На постройку и расширение складов, в которых переселенцы получали на льготных условиях сельскохозяйственный инвентарь, удобрения и т. д. Как отмечает К.А. Кривошеин:

„Было организовано 416 врачебных и фельдшерских пунктов в районах водворения, на которых работало 130 врачей и 684 фельдшера. Было до 1 357 000 амбулаторных посещений в год” („А.В. Кривошеин — 1857-1921”, Париж, 1937 г.).

С 19 августа по 19 сентября 1910 г. Столыпин совершил, совместно с Кривошеиным, поездку по Сибири и по Поволжью. Сотни верст оба министра проехали в повозках по местностям заселения, еще далеким от железнодорожного сообщения. На основании этого осмотра царю был вручен доклад, уже цитированный мною в ходе этого изложения. Одна из основных идей доклада была нацелена на организованное и планомерное заселение Азиатской России. Об этом свидетельствуют следующие выдержки из этого документа.

„Необходимо отводить наделы старожилам и переселенцам Сибири не в пользование, как теперь, а в собственность. Только право собственности на землю даст прочность крестьянским хозяйствам и послужит основанием для последующего правильного разверстания земель между отдельными владельцами. Вместе с тем собственность и связанная с нею свобода распоряжения землей значительно облегчат последующий переход земель, отводившихся до сих

пор с чрезвычайной щедростью (так что владельцы не могли обработать и половины своих обширных наделов) в руки новых пришельцев. Это поднимет и общий уровень производительных сил Сибири (...)

В лучших сибирских районах своевременно перейти к продаже земель переселенцам. Нельзя по всей Азиатской России отводить и лучшие и худшие земли одинаково даром. Нужно сообразовать условия получения участков с трудностью их заселения и с различными естественными и экономическими свойствами отдельных сибирских районов. Правильная расценка и продажа лучших земель, при одновременном усилении правительственной помощи в суровых местностях — наиболее верное средство достигнуть планомерного и прочного заселения Сибири. Продажу участков казенной земли переселенцам производить на льготных началах применительно к правилам Крестьянского Банка. (...)

Денежные ссуды переселенцам на домообзаводство следует сообразовать ... с большей или меньшей трудностью заселения данного района. Допускаемые теперь размеры ссуд (не свыше 165 руб. на семью) в тайге недостаточны, тогда как на Алтае чрезмерны (...)

Рядом с мелкими крестьянскими владениями надлежит обеспечить образование за Уралом также частной земельной собственности. Мысль эта уже была выражена в законе от 8 июня 1901 г., не получившем, однако, применения. Между тем, потребность в образовании частновладельческих хозяйств в Сибири становится все более настоятельной. Соседство более крупных и более культурных хозяйств, чем обычные переселенческие, может помочь общему поднятию сельского хозяйства за Уралом, внести в него разнообразие и улучшенные приемы и дать крестьянскому населению подсобные заработки. Кроме того, развитие частной собственности имеет и общее культурно-политическое значение: оно может дать приток сюда свежих сил, образованных и предприимчивых деятелей, без которых едва ли мыслимо правильно поставить и земское и городское хозяйство''.

Многое из намеченного проекта до революции не удалось осуществить. Однако после министерской поездки заселение Азиатской России приняло и большую организованность и целенаправленность. Стихийный поток переселения был направлен в нужное русло. Правительство внесло в дело переселения за Урал временные ограничительные меры, такие, как сокращение выдачи переселенческих свидетельств. С другой стороны, успех Столыпинской реформы в самой Европейской России сам по себе уменьшил крестьянскую тягу опрометчивого перехода за Урал. Вследствие этого правительство сочло возможным 4 марта 1911 г. снять ограничения и объявить переселение снова свободным в любом районе Азиатской России — однако лишь после обязательного предварительного осмотра участков ходаками.

Вот как об этом пишет К.А. Кривошеин:

„Была создана шкала ссуд, разделенная на семь категорий: от нуля в Западной Сибири до 400 рублей в Приамурье и в пограничных с Китаем областях, из коих 200 рублей безвозвратно... Косвенной помощи — дорогами, больницами и школами — отдавалось предпочтение перед индивидуальными ссудами”.

В таких условиях, с 1911 по 1916 г. переселялось в среднем 180 000 — 200 000 человек в год. Всего с 1906 г. до революции в

Азиатскую Россию переселилось более 4 млн. Им к 1912 г. было отведено за Уралом 31 080 000 десятин земли.

„Это значит, — пишет И.А. Курганов, — что восточные районы России получили в порядке переселения не меньше 3,5 млн. полноценных работников обоего пола, причем работников отборных, трудолюбивых и в своем труде особенно упорных ... Наряду с правительственными вложениями и сами переселенцы, ликвидируя свои хозяйства на родине, везли с собой на восток, кроме всяческого имущества, и денежные ресурсы. По подсчетам переселенческой статистики, новоселы лишь за последние десять лет принесли за Урал не менее 150 млн. рублей наличными деньгами”.

И.А. Курганов добавляет далее:

„Переселенцы едут работать не на фабрику, а на свою землю. Им надо устраивать на востоке свое хозяйство. Но для этого недостаточно правительственных ссуд и пособий, для этого нужны и свои деньги. Поэтому переселенцы говорили: „бедному переселяться не на что, а богатому не для чего”. Переселялся на восток не бедняк и не богач, а переселялся середняк. Но прежде всего середняк, имевший в семье больше рабочей силы, чем он мог использовать на родине... С 1911 г., когда правительство добилось отличной организации переселенческого дела и стало проводить наиболее обдуманную политику в этой области, оно сделало ставку на переселенца-середняка, способного стать зажиточным”.

Зажиточность пришла. Пришел подъем урожая хлебов, увеличилось скотоводство. В 1912 г. было вывезено в Англию масла на

68 млн. рублей, что превышало (в рублях) в два раза стоимость годовой добычи сибирского золота.

В восточных областях империи было еще много простора. Плотность населения была к 1916 г.: в Европейской России — 31,4 жителя на одну кв. версту, в Средней Азии — 3,8, в Сибири — 0,9 жителя. Следовательно, в деле переселения, как по пространству, так и по неиспользованным возможностям, на первом месте стояла Сибирь. Но наша Средняя Азия открывала также широчайшие перспективы.

В докладе, поданном царю в 1910 г., на этот счет говорится следующее:

„Следует продолжать непрерывное заселение киргизской степи русскими переселенцами как путем предварительного наделения землей киргизов, желающих перейти к оседлости, так и путем изъятия земельных излишков у киргизов, не получивших оседлого устройства и облегчением аренды киргизских земель переселенцами. От широкого прилива в степь русских переселенцев выигрывают и переселенцы, и киргизы, и самая степь, и русская государственность”.

В своем большинстве киргизы и казахи — скотоводы кочевники. С переходом части их к оседлому образу жизни и к земледелию, освобождаются для переселения значительные плодородные пространства.

В своем исследовании И.А. Курганов пишет об этом:

„Были выработаны новые нормы (экспедиция Кузнецова) и по этим нормам были исчислены новые излишки земли у казахов... И если до 1906 г. за счет такого рода излишков нарезалось ежегодно в Казахстане 200-300 тысяч десятин, то с 1906 г. нарезки земли выражались по Казахстану уже в следующих цифрах: 1906 г. — 709 000 десятин, 1907 г. — 1 461 000 десятин, 1910 г. — 1 788 000 десятин”.

18 марта 1911 г. Совет министров, под председательством Столыпина, одобрил план землеустроительных работ в Туркестане. Усилилась работа по орошению плодородных земель, по прокладке дорог. В последние предвоенные годы было положено начало усиленному выращиванию хлопка...

В своей книге К.А. Кривошеин называет своего покойного отца „министром Азиатской России”. Не без основания... После убийства П.А. Столыпина проведение задуманных преобразований за Уралом легло почти полностью на кривошеинские плечи. Но в его распоряжении оставался лишь краткий предреволюционный период.

К русским!

А. Трушнович

Внешняя политика Извольского и Сазонова, т.е. внешняя политика эпохи Думской монархии, вызвавшая в свое время столько „разоблачений” по указанию Ленина и верного ему М.Н. Покровского, вовсе не была основана ни на песке, ни на „империализме”. Об этом свидетельствует приводимый ниже отрывок из воспоминаний бывшего офицера австрийской армии, сражавшегося потом за Россию вместе с генералом Корниловым, Александра Рудольфовича Трушновича, похищенного органами КГБ в Берлине в 1954 году (Ред.).

Артиллерийская пальба утихла, а винтовочная с австрийской стороны все усиливалась. Скоро будет атака: много русских перешло Прут. Да вот они уже — поднимаются на склон. И стрельба стала реже. Но что это за звуки? Вижу, что и солдаты прислушиваются. То один, то другой выползает из норы. А по линии несется: „Русские молятся!”

Молитва стала слышна отчетливее. Идут спокойно, не торопясь, и молятся. Не с остервенелыми криками, не с проклятиями и богохульством, а с величайшим достоинством поднимаются на Голгофу, на которую посы-

лают Царь и Родина. Ведь за великое дело многие из них скоро положат свои головы, за то, за которое отцы их легли на Балканах. Вижу — не смеются солдаты-немцы, какая-то сила высшего порядка проникла в их душу, сила убедительнее пули и штыка. Сжало до боли грудь и глаза стали влажными.

Постепенно затихла стрельба — русские окопались у подножия нашего склона.

*

Опять мы в своих окопах. Загудела опять артиллерия. Пашет здорово. На нашей борозде-окопчике земля разрыхляется. И все так точно, будто лопатой. Сажу спиной к русским. Пью вино. Веселей на душе. Пью и ром. С утра уже с поллитра выпил и хоть бы что. Несколько раз попадало прямо в бруствер, чуть бутылку не разбило.

Немного затихло. Осторожно выглядываю. Бежит какой-то обер-лейтенант, глаза безумные. „Сюда!“ кричу. Он бросается мне в объятия. Ни слова не может выговорить, на глазах слезы. „Немец?“ Отрицательно мотает головой: „Серб!“ „О, а я словенец“. Жмет мне руку. „Нельзя было выдержать, так бьет!“ „Лучше немцев“. „Ох, куда лучше! Мы только что подошли, две маршевых роты по 250 человек. Все сербы из Срема и

Баната. Не знаю, остался ли кто в живых? Я им кричу, а они не отвечают. Я и побежал”.

Смотрит на меня умоляющими глазами. „Дорогой, пойдй, посмотри...” „Покажи, где?” Стрельба стала потише. Бегу. Всего 100 шагов. Вот они. „Эй вы! Сербь! Как тут у вас?” Первый не отвечает. Что за черт? Беру одного за ноги. Мертвьй. Другой — тоже. Следующий — тоже. И все лежат как живьые. Все в сереньком новеньком обмундировании. Но вот — живьой. Смотрит на меня и печально улыбается: „Почти все”. Дрожь проходит по телу. Бегу назад, как заяц, подгоньаемьй пулями. Мой серб рыдает: „А веть все наши обрадовались лесу и говорили: сегодня же будем у русских, там”.

*

В полдень была последняя атака, одиннадцатая или двенадцатая на эти три дня. Бой шел почти на месте. Но вдруг за нашими спинами раздалось торжествующее „ура!”: русские поднялись на возвышенность и зашли нам в тыл. Серая волна сбилась в кучу и хлынула в лес. Отступаю последним. Русские стреляют в спину. Глупейшее положение.

Около меня оказались два чеха из той роты 28-го Пражского полка, которая в то время как полк переходил к русским, находилась в тылу и затем была распылена по раз-

ным частям. Втроем легче. Постепенно мы отстали, не было уже видно ни русских, ни австрийцев. Мы углубились в лес и по компасу взяли направление на русских.

Не прошли мы и 20 шагов, как из кустов вылезает русский. Ну, думаю, слава Богу! А тот креститься и тоже говорит „слава Богу” и хочет отдать винтовку. Мы не берем, говорим: „Веди к русским!”. Он в недоумении, но ведет. Прошли еще шагов 200, как из кустов выходит второй русский и тоже крестится. Первый ему что-то говорит и обоим, видно, досадно. Но второй хитрее первого: „Отдавайте винтовки!” Мы отвечаем, что оружие задержим у себя, пока не выяснится, куда попадем. Тот не соглашается, начинает снимать винтовку, но поднятый мною Штейер возвращает ему благоразумие. „Дезертир ты, а не русский!” Это их совсем ошеломило.

Тишина в лесу. Идем — трое в серых, двое в зеленых мундирах. Мои чехи уже расспрашивают: „А пиво в России есть?”. Шли добрый час. Нигде никого. В это время русские начали объяснять, что против нас находится Дикая дивизия, которая в плен не берет. Стали мы в лесу советоваться и решили вернуться. К вечеру нашли „своих”. Сдали русских.

*

В задачу нашего полка входило совместно с другими частями отвлечь русские силы, чтобы не дать русским резервам участвовать в боях за переправу у Залешиков. Одним словом, мы производили ложное наступление. Русские окопы тянулись по возвышенности над Днестром. Между нами расстилась волнистая равнина. Развернулись мы в цепи и двинулись. Поднялись на горку. За нами шли широкой волной еще четыре цепи. На холме нас приветствовали русские батареи шрапнельным дождем. Цепь сбегала вниз, в лощинке передохнули. Дальше уже три тысячи шагов до русских окопов пойдет ровное поле — солдатская смерть. Я решил продвинуться со взводом как можно ближе к русским и ночью перейти. Вскоре нас приветствовала уже пехота винтовочным огнем. Своему взводу я не дал опомниться и погнался вперед. Мы оторвались от главных сил и потому теряли меньше. Но на тысячу двести шагов нас остановили русские сильнейшим огнем: подумали, наверное — хватит.

Лежим мы на ровном поле в серых мундирах — прекрасные мишени. Стоны и крики участились. „Окапываться! По двое в один окоп, скорее пойдет!” Где же мои чехи? Невдалеке от меня отвечает голос: „Мы здесь! Проклятые хлопцы, стреляют, как черти!” И действительно, становилось страшно: за десять минут ранен или убит почти каждый третий.

„Первый взвод, слушай! Один копает, второй стреляет. Тысяча двести — беглый огонь!” Солдаты, видно, ждали этого приказа, потому что трескотня поднялась дружная. Сразу стало легче: и пули жужжали в меньшем количестве, и стоны заглушались стрельбой. Хороший доброволец славянской армии! Вот тебе — одна из гримас войны.

*

Решил на следующую ночь бежать один. Обстановка не позволила. Вторая и третья ночь прошли так же. На четвертый день пришел ко мне Игнатий*. Попрощались еще раз, передал ему письмо для своих.

По телефону сообщили, что ночью можно ждать нападения. Вечер начался тревожно, ракеты беспрерывно освещали тьму. В нашей роте ракета взлетала каждые 4-5 минут и в ее зеленом свете мелькали провололочные заграждения, одинокий часовой возле них, равнина, лощинка с минным полем. Потом все исчезало и ночь становилась еще темнее. Пароль был мне известен, ротный был занят телефоном.

* Игнатий Франц, хорват из Загреба, тоже перешел к русским. Впоследствии офицер Добровольческой армии; потеряв руку, остался в строю; в конце гражданской войны — командир 3-го Корниловского полка; убит при переправе полка через замерзший Дон в январе 1920 г.

Я вошел в землянку. Денщик-итальянец тревожно посмотрел мне в глаза. Ему страсть не хотелось, чтобы я уходил. „Сегодня опять?“ „Да, сегодня во что бы то ни стало. Дай мне плащ, палку и несколько плиток шоколада“. Проверил еще раз свой Штейнер и пожал ему руку. „Адрес знаешь, не забудь, если что“.

Зашел к унтер-офицеру. „Русские могут ночью напасть, пойду проверю посты. Смотрите, не стреляйте“.

.

„Хальт! Кто идет?“ кричит часовой. Резко поворачиваю к нему: „Проверяю посты, не узнаешь? Смотри в оба, сегодня нападение будет“.

Ухожу от него и снова постепенно удаляюсь от проволоки. Ракета. Бросаюсь на землю. Миновала. Тихо кругом. Поворачиваю прямо к русским. Опять ракеты, сразу три. Теперь и соседние страшны. Выжидаю, слушаю. Опять все тихо, не заметили пока. Но соседние роты могли выслать патруль. Теперь одно спасение — десятизарядный Штейнер. Он прекрасно вычищен и осечки не даст. Иду быстрее, через каждые 10-15 шагов прислушиваюсь. При свисте взлетающих ракет бросаюсь на землю. Иду и чувствую, что под ногами спуск, трава становится выше, уже она мне до плеч.

И тут вдруг при свете ракет я заметил, что

нахожусь в лощинке на минном поле. Сердце бьется так сильно, что слышу его в ночной тишине: оно тут единственное живое, а вокруг смерть. Стою на одной ноге, опершись на палку, как цапля, боюсь опустить другую. Сейчас взорвется. Назад? Могли уже заметить. Вспоминаю, что целых три месяца не удавалось перейти. Думаю о Залещиках и готовящемся там наступлении. Пусть будет что будет. Жду ракеты. Она здесь уже слабо освещает, но достаточно, чтобы заметить, что слева, всего шагах в 50-ти земля поднимается. Пробегаю шагов десять, раздвигая траву и думая: не успею коснуться проволоки, как уже проскочу. Стучит в висках, лицо горит — нельзя, шум большой поднимаю. Стою, отдыхаю. Двадцать шагов как двадцать верст. Но не стоять же мне тут. Промелькнул на мгновение вокзал в Мариборе и большие плачущие глаза сестры. Потом начало мелькать перед глазами мелкими искрами падающих ракет. Это продолжалось недолго. Я встрепенулся и зашагал, только что не приговаривая „а-а-а, левой!“.

Появилось новое: начали стучать зубы. И вдруг от подошв побежала горячая струя по всему телу: ноги почувствовали подъем — конец минного поля! Пошел быстрее, вышел из травы на прогалину. Залег и стал прислушиваться. Кругом тишина. Смотрю на небо: звезды погасли. Ищу горизонт, вижу темную

полосу возвышенности, занятой русскими. Немного ниже горизонта другая полоса, еще темнее — русские окопы. Радостно на душе, никакого минного поля как будто никогда и не было! На каждом шагу могу уже встретить русских.

Раньше я уже решил — буду петь славянский гимн и все будет хорошо. Иду, пою негромко „Гей, славяне”. Трава становится выше, но подъем продолжается, и это уже русская сторона. Трава уже выше головы. Откуда она взялась? И не видно было ее из наших окопов. Как-то холодно, какая-то дрожь. С пением что-то не выходит, все начинаю сначала. Вот трава становится ниже, склон круче. Начинаю насвистывать „Гей, славяне”. Становится то жарко, то холодно. Уже широкой лентой проступает черная полоса окопов. Да ведь она уже совсем близко! „Свисти, чтобы слышали”. Свищу и улыбаюсь. Еще несколько шагов и... вдруг перед глазами засверкали выстрелы и мимо ушей засвистели пули. Стреляли в упор, с 15 шагов. В мгновение ока я бросился на землю. Кричу по-русски: „Я славянин! Я один!”

Слышу их голоса. Темные фигуры приближаются. Двое подходят вплотную, берут под руки, ведут к окопам. Вижу: пятеро их, все бородатые. Проволочные заграждения у них низкие, спрятаны в траве. Солдаты осторожно ведут меня через проволоку. От счастья

не могу промолвить слова. Все мне кажется родным: и проволока, через которую мы перебираемся, потому что она русская, и прикосновение солдат-мужиков, потому что они русские, и винтовки, которые они уже забросили за плечи, потому что ими наверное вооружена армия славянских добровольцев, к которой я буду скоро принадлежать. Благотворная теплота разливается по всему телу. Трудности сегодняшней ночи забыты и я чувствую лишь счастье и гордость, что перешагнул через мертвую полосу, которая минным полем разделила два мира — славянский и германский. И я стою на стороне славянского.

Спускаемся в окоп. При виде бойниц промелькнуло: „Тысяча двести — беглый огонь!” — и тут же исчезло.

*

Вечером меня повели к начальнику штаба корпуса, который принял меня с довольным видом. От него я узнал, что австрийцы перешли от Залещиков в наступление, что русские, подготовленные к этому, дали двум дивизиям возможность перейти Днестр, а затем артиллерийским огнем разбили понтонные мосты. Большая часть этих дивизий находится уже по пути в Бучач в качестве пленных.

Вошел высокий генерал, перед которым начальник штаба встал. Он поблагодарил меня за ту услугу, которую я оказал русской армии. Это был генерал Зайончковский. Кто бы мог подумать, что мы еще встретимся, но в совершенно иной обстановке?

Оставшись снова наедине с начальником штаба, я попросил его помочь мне поскорее вступить в ряды славянской армии. Генерал покачал головою и несколько смущенно объяснил, что вопрос о славянской армии еще не решен и что таковой вообще еще не существует.

Ленин в Цюрихе — к вопросу о новой тотальной стратегии

Н. Рутыч

В дни, когда начиналась первая мировая война, на перроне маленькой австрийской станции прогуливаются двое — Ленин с Ганецким. Ленин только что освобожден из-под ареста по прямому приказу из Вены. Он ждет поезда. Он радуется: «замечательно, что началась война!» Для него — «Это — подарок истории» (стр. 32).

Этими словами заканчивается первая глава «Ленин в Цюрихе»*, изъятая автором в свое время из «Августа Четырнадцатого». Как справедливо отметил уже М. Геллер¹, если вставить эту главу на ее место между 21-ой и 23-ей главами первого «Узла», то на фоне кровопролитных боев в Восточной Пруссии ленинская радость выглядит еще чудовищнее, еще страшнее.

Но едва ли можно согласиться с тем, что отрыв дальнейших глав от основного текста «Узлов» ослабляет остающееся от них впечатление. Скорее наоборот, и Солженицын недаром опубликовал эти главы в отдельной книжке. В особенности главы 47-50 из «Октября Шестнадцатого» являются цельным,

* А. Солженицын. Ленин в Цюрихе. Главы. УМКА-PRESS, Paris, 1975.

хотя и предельно кратким очерком, отвечающим на вопрос: где и как нашел Ленин тот отправной пункт, от которого начался его путь к власти. Главы эти посвящены Гельфанду-Парвусу, его плану внесения революции извне в Россию и отношению Ленина к использованию немецких денег на «дело революции». Все предшествующие главы (38, 44, 45) из «Октября Шестнадцатого» по сути дела готовят читателя к тому решающему периоду в жизни Ленина, когда он объективно становится звеном в плане Парвуса.

Ибо вне этого плана Ленин — уже полубольной человек, оказавшийся чуть ли не в полном одиночестве. От его партии почти ничего не осталось (Зиновьев подтвердил это с трибуны XI съезда). Надежды на быструю победу Германии постепенно таяли. Ненавистная Россия выстояла в 1915 году, и у Ленинаросло убеждение: «Проиграно. Не будет в России революции» (стр. 85). Все настолько ясно, что Солженицын не считает нужным еще раз ссылаться на известное обращение Ленина к швейцарской социалистической молодежи, где он высказал убеждение, что его поколение не доживет до революции. Будучи полностью оторван от России, Ленин постепенно тонет в мелких дрызгах и интригах против руководства швейцарской социалистической партии и цепляется за химеры, вроде революции в Швейцарии или в Швеции.

И неизвестно, как бы кончил Ленин, если бы в его серую, как тусклый зимний день в Цюрихе, жизнь не ворвался процветающий, уверенный в себе, талантливый Парвус со своим планом.

«Вся предыдущая жизнь Парвуса была как нарочно состроена для безошибочного создания этого Плана» (стр. 114). Уже одна его инициатива в деле организации совместно с Троцким Петербургского Совета рабочих депутатов осенью 1905 года заслужила всеобщее признание тех, кто увидел в Советах новое тактическое открытие на пути борьбы за власть.

Ленин, не участвовавший в создании первого Петербургского Совета, уцепился за эту находку Парвуса и в целом ряде статей, (достаточно известных, чтобы их не цитировать) стал настаивать на превращении Советов в «органы восстания». Казалось бы, что страницы 102-106 из «Ленин в Цюрихе», где Солженицын касается роли Парвуса в создании и деятельности Петербургского Совета, не могут вызывать сомнений. Но тем не менее, Б. Суварин в своей обширной статье «Солженицын и Ленин»² считает нужным заметить, что Парвус вовсе не был «ведеттой» в Петербургском Совете, значение которого было всего лишь «местным и эфемерным».

И далее, снижая роль Парвуса до обычного публициста (а еще в 1940 г. Большая Совет-

ская Энциклопедия называет Парвуса «видным теоретиком марксизма»³, Б. Суварин говорит, что он «воскрес» только в книге В. Шарлау и З. Земана, а вслед за ней и в книге Солженицына.

При всем нашем уважении к заслугам Б. Суварина в области изучения партии Ленина, нельзя не удивляться его отношению не только к весьма ценной (благодаря введению авторами в научный оборот большого количества документов из немецких секретных архивов) книге Шарлау и Земана⁴, но и к сборнику опубликованных З. Земаном документов из секретного архива германского министерства иностранных дел⁵. Как мы увидим дальше, Б. Суварин, не оспаривая подлинности этих документов, в то же время не придает им того значения, которого они, как нам кажется, бесспорно заслуживают. А попутно нельзя не отметить, что Солженицын, со свойственной ему склонностью к историческим исследованиям, — первый писатель, вынесший данные тайных немецких архивов из замкнутого круга ученых исследований на широкий форум мировой литературы.

Что же касается книги В. Шарлау и З. Земана, то сам Б. Суварин все же признает в другом месте своей статьи, что она «заслуживает интереса, поскольку опирается на точные документальные данные». А их-то и ввел в научный оборот З. Земан...

Но вернемся к Парвусу. Вначале он действительно, как пишет Солженицын, «старался действовать из тени» (стр. 106), но потом решительно вышел из нее. 2 декабря 1905 г. многие петербургские газеты опубликовали «Финансовый манифест» Совета, написанный Парвусом, а через несколько дней, после ареста Хрусталева-Носаря, Парвус лично встал во главе второго состава исполкома Петербургского Совета...

Бежав из ссылки, Гельфанд-Парвус надолго расстался с ненавистной ему Россией. Война, которую он так ждал (и предсказал), застала его процветающим дельцом в Турции. Здесь в Константинополе Парвус создает свой план, изложенный им в «Меморандуме д-ра Гельфанда» и зарегистрированный во входящем журнале немецкого министерства иностранных дел 9 марта 1915 года. Парвус начинает свой меморандум с указания на необходимость подготовки и организации в России массовых политических забастовок, то есть, иначе говоря, указывает на необходимость создания в тылу русской армии нового — экономического — фронта^{5а}.

Настаивая на объединении усилий лидеров социалистических и сепаратистских партий, на необходимости не жалеть денег ни на пропаганду, ни на саботаж, ни на подготовку восстаний, Парвус предлагал вызвать, как предельно кратко формулирует Солжени-

цын, — «совместный взрыв революции социальной и революции национальной при германской денежной и материальной поддержке» (стр. 115).

«Меморандум д-ра Гельфанда» был найден в немецком секретном архиве и опубликован в 1958 г. Этот исключительный по своей законченности и целеустремленности документ не был подвергнут до сих пор детальному историческому исследованию. Можно почти без преувеличения сказать, что Солженицын вступил в этой части своей работы на историческую целину.

Нет сомнения также, что этот документ произвел очень сильное впечатление в главной квартире германского верховного командования. Поэтому вполне логичен вопрос, поставленный Солженицыным, — как могло случиться, что подобный план «...не сложился прежде у германского генерального штаба, хотя ему-то и думать бы первому?» (стр. 111). Вопрос этот исключительно важный и требует развернутого ответа. Сейчас лишь укажем, что до прихода генерала Людендорфа в ставку верховного германского командования летом 1916 г., немецкий генеральный штаб мыслил в рамках классической стратегии и по логике этого мышления неудачи на фронте толкали его скорее к поискам сепаратного мира, а как справедливо замечает Солженицын, немцы в это время (1915 г.) еще

«никак не думали, что Романовы всё отвергнут» (стр. 111).

Но продвижение этого документа по немецким инстанциям все же было чрезвычайно быстрым. В общих чертах план Парвуса стал известен государственному секретарю (министру иностранных дел) фон Ягову уже в январе 1915 г. из доклада германского посла в Константинополе.

Ягов счел своим долгом немедленно сообщить этот документ начальнику политического отдела генерального штаба через своего представителя в ставке Рицлера⁶. А уже в марте Парвус получил от германского министерства иностранных дел первый миллион немецких марок. Притом он (как настоящий делец) выговорил условие, что дополнительные расходы, связанные с обменом этих денег на другую валюту в Копенгагене, Бухаресте и Цюрихе, будут покрыты германским правительством.

Окрыленный своими успехами, Парвус приехал в Цюрих в середине мая 1915 г. По дороге из Константинополя он остановился в Бухаресте, где встречался с Христианом Раковским (его упоминает Солженицын). Будущий глава Совнаркома Украины уже с января 1915 года, как свидетельствует тогдашний германский посол в Румынии Буше, «был

связан с нами и работал для нас»⁷, получая весьма значительные суммы.

В Швейцарии помощницей в деле организации нужных Парвусу встреч была Екатерина Громан. Вместе с ней он появился в столовой в Берне, где обедал Ленин вместе с Крупской и неразлучной с ним тогда Инессой Арманд. В этой столовой Ленин в присутствии Каспарова и Зифельда публично попросил Парвуса «убраться вон», но тут же поручил Зифельду организовать встречу с Парвусом более дискретно, на квартире (стр. 107).

Состоялась или не состоялась эта встреча? Б. Суварин категоричен. Он утверждает: Ленин «...послал к черту Парвуса. Между ними все было кончено»⁸. Полемизируя с Шарлау и Земаном, не сомневающимися в том, что эта встреча на квартире состоялась, Б. Суварин замечает, что за две или три недели до встречи с Парвусом Ленин переехал на другую квартиру, а авторы книги «The Merchant of Revolution»⁹ указывают на его старый адрес в Берне. Однако остается совершенно непонятным, почему Б. Суварин обходит молчанием свидетельство Зифельда о встрече на квартире, на которое ссылаются Шарлау и Земан. А оно важное. Ибо Зифельд опубликовал свои воспоминания сразу после смерти Ленина в «Бакинском рабочем» от 1 февраля 1924 года.

Ведь тогда, в середине двадцатых годов, когда всё знавший и оказавший столько услуг Парвусу (а через него и Ленину во время организации его проезда через Германию в 1917 г.) граф Брокдорф-Ранцау стал послом в Москве, Раковский, Ганецкий, Карл Моор и, наконец, среди других сам Зифельд могли не только безнаказанно занимать высокие посты, но и не опасаясь раскрытия правды (опубликования секретных немецких документов) совершенно спокойно писать свои воспоминания об «Ильиче».

Среди многих близких Ленину его соратников, рассказавших в это время об отношениях с Парвусом (и описанным Солженицыным Скларцем) был и сам Карл Радек. В своих воспоминаниях, опубликованных в феврале 1925 года в № 2 „Красная Новь” (стр. 219-220), Карл Радек, рассказывая о пирах „в берлинском доме Скларца”, заканчивает свое повествование вопросом: „с какой стати немецкое правительство снабдило его (Скларца — НР) дипломатическим паспортом?”, и отвечает: „Ответ ясен: потому, что он служил в разведывательном отделении министерства иностранных дел или числился за военным министерством. Попросту говоря, был шпионом”.

Разумеется, мы не хотим сказать, что Зифельд или кто-либо другой могли знать о со-

держании разговора Ленина с Парвусом. Навивно было бы предполагать, что тот или другой оставили бы протокол этой беседы. И сам Солженицын нисколько не скрывает, что вся сцена беседы Ленина с Парвусом — его художественный домysel. Недаром Парвус поголовски выходит из треснувшего баула Скларца, и Ленин, читая письмо Парвуса, лишь вспоминает свою беседу с ним. И тем не менее, в этот диалог Солженицын вложил весь свой талант, и не только талант писателя, но и талант историка, занимающего все больше и больше места в его творчестве. Этого, в частности, не видит Б. Суварин, признающий огромный масштаб солженицынского художественного творчества и в то же время пытающийся поучать Солженицына как историка. В разговоре Ленина с Парвусом проходит вереница людей; каждый из них служил Ленину для тайной связи по разным линиям, различного значения. Говоря, что «у сверхосторожного Ленина существовало таких несколько линий» (стр. 96), Солженицын указывает на Ганецкого, переехавшего в Копенгаген, чтобы служить у Парвуса директором его экспортно-импортной торговой конторы. (Потом, в 1917 г., Ленин будет утверждать, что Ганецкий был простым «служащим» у Парвуса.) Б. Суварин торопится заметить, что Ганецкий перед войной не был в «тесной дружбе»¹⁰ с Лениным, в то время как Солженицын напоминает о деле Мали-

новского, по которому была создана партийная комиссия, в которую по настоянию Ленина вошел Ганецкий. Нельзя не удивляться, что Б. Суварин, отмечая, что Солженицын пользуется сообщением посла в Берне барона Ромберга германскому канцлеру, говорит в своей статье, что «Ленин не имел ничего общего»¹¹ с людьми, подобными Цивину-Вейсу или Кескула, утверждает даже, что Германия «была введена в заблуждение всякого рода хлопотунами, интриганам и хитрыми обманщиками, крутившимися вокруг секретных фондов»¹².

Сравним в качестве примера оценку Солженицыным и Сувариным одного из таких «хлопотунов», которого Суварин называет «подозрительным швейцарцем»¹³ — Карла Моора, неоднократно упоминаемого в «Ленин в Цюрихе».

Б. Суварин, упрекая Солженицына в том, что он пользуется «тощими источниками», считает существенным подчеркнуть значение письма Ленина Центральному Комитету относительно предложения денег Карлом Моором. Не следует забывать, однако, что это письмо Ленина было написано уже в России и после того, как Ленин был обвинен в связях с немцами в итоге июльских событий 1917 г. Короче — «отказ» Карлу Моору весьма похож на плохо замаскированные поиски алиби.

Солженицын в своей «справке», приложенной к «Ленин в Цюрихе», подчеркивает, что видный швейцарский социалист Карл Моор, известный во время войны под кличкой «Байер», — двойной агент немецкой и австрийской разведки. И далее: «Много помогал Ленину. Опекал Мюнценберга в швейцарской тюрьме, Платтена — в литовской, спас Радека из берлинской (1919). Выполнял тайные дипломатические миссии советского правительства. После Октября — почётный гражданин СССР и жил там большей частью до 1927 г.» (стр. 234).

Важно отметить, что лишь недавно, в 1963 г. Отто-Эрнст Шудденкопф установил документально, что Карл Моор и «Байер» — одно и то же лицо¹⁴, ибо среди немецких секретных документов фигурирует весьма важный доклад¹⁵ «Байера» заместителю немецкого военного атташе в Берне Вальтеру Носсе о его встрече с ведавшим партийной кассой большевиком Георгием Львовичем Шкловским. В этом докладе, отправленном 4 мая 1917 г. Карл Моор, он же «Байер», сообщает, что Шкловский «выразил ясную и, я почти могу сказать, радостную готовность принять финансовую поддержку...»

Условия, на которых Шкловский согласился получать эти немецкие деньги (явно шедшие по другому каналу, чем деньги Парвуса, так как В. Носсе был ближайшим род-

ственным германского министра финансов графа Рёдерна) были, согласно К. Моору, следующие:

«1. Личность того, кто передает деньги, должна служить гарантией, что деньги происходят из источника, не вызывающего сомнений.

2. ...получатель денег должен иметь возможность благодаря официальным или полуофициальным рекомендациям переезжать с этими деньгами русскую границу»¹⁶.

3. Наконец Шкловский отказался брать чеки и потребовал передачи денег наличными и лучше всего в швейцарских франках.

Речь идет, очевидно, о соглашении, касающемся получения немецких денег по одной из линий, о которых говорит Солженицын. Была ли эта встреча Карла Моора с Шкловским первой? Оказывается, нет. Они давно знали друг друга и часто встречались, о чем Ленин знал. Это видно из писем самого Ленина, писавшего, например, Шкловскому 4 или 5 августа 1916 года: «...Добыли от Моора печатный экземпляр «бумаги» по делу Ц? Это необходимо. Не забудьте (подчеркнуто Лениным. — Н. Р.). Надо добыть во что бы то ни стало, а то потеряет, мерзавец!

Что давненько не было отчета о деньгах? Или уже такая масса привалила, что не считать?»¹⁷

Мы не знаем ничего про «бумагу» по делу Ц., которая так беспокоила Ленина, но сам стиль письма напоминает известное послание Ленина Ганецкому и Радеку, написанное им вскоре после своего приезда в Петроград и призывавшего их: «будьте архиаккуратны и осторожны в сношениях»¹⁸.

Можно было бы проследить историю сношений с К. Моором-Байером до прибытия Ленина в Швейцарию из Вены в 1914 г., но нам кажется и этого достаточно, чтобы убедиться, что за каждым фактом, упомянутым Солженицыным, за каждым даже бегло нарисованным историческим персонажем лежит достаточно глубокий фундамент исторического исследования. В то же время, Солженицын как историк предельно осторожен. Он не поддается соблазну преждевременных выводов. Его Ленин отказывается принять деньги от Парвуса по крайней мере до апреля 1917 г.

Именно в силу этого Солженицын не может считать Парвуса «шарлатаном», и между ним и Сувориным явно видны глубокие расхождения по вопросу оценки как документов немецкого секретного архива, так и меморандума Парвуса. Без того, что Солженицын называет «Планом Парвуса», не изменилась бы в середине войны германская стратегия, взявшая на вооружение идеи Парвуса о внесении революции извне и, следовательно, судьба Ленина была бы другой.

А для Суварина «Собрание документов Хальвега, так же как и Земана, показывают, что Германия стремилась вызвать беспорядки в России, подобно тому, как она поощряла ирландское восстание, подобно тому, как Франция посылала Марсея Кашена и Шарля Дюма в Италию для оказания финансовой помощи Муссолини; она (Германия. — Н. Р.) главным образом пыталась поощрять сепаратизм нерусских народов»¹⁹.

Если следовать Суварину, то выходит, что в плане Парвуса не было ничего нового. Ничего нового Суварин не заметил и в документах секретного немецкого архива, хотя, повторяю, он не отрицает их подлинности. При всем нашем уважении к Суварину приходится привести еще одну цитату, отнюдь не имея в виду провести какую-либо параллель со взглядами автора книги о Сталине, разоблачившего его за 21 год до Хрущева.

Старший научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС А. Лукашев писал в «Правде» от 16. 4. 1962 г.: «В связи с проездом В. И. Ленина через Германию в зарубежной буржуазной литературе, издающейся на средства различных фордовских и рокфеллеровских фондов, до сих пор расписываются всевозможные небылицы о мнимых связях Ленина и большевиков с немцами... Давая эмигрантам разрешение на проезд через ее территорию, Германия надея-

лась, что их приезд в Россию пойдет ей на пользу. Россия, Англия и Франция различными путями вели пропаганду в Германии и в немецкой армии против продолжения войны немцами. Немцы платили им тем же. Империалисты спекулировали. Большевики использовали спекуляцию империалистов в интересах революции. *Ничего другого не было и быть не могло*» (подчеркнуто нами. — Н. Р.).

А. Лукашев, вероятно, знал о публикации Земана, когда писал эти строки. Но для него не было Парвуса. Не было и нет секретных немецких документов. Не было ничего. Но тогда, спрашивается, откуда взялась новая тотальная стратегия, которой вот уже почти 60 лет пользуются коммунисты?

У КОЛЫБЕЛИ НОВОЙ ТОТАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ

Когда полковник Воротынцев со своими казаками и неразлучным Благодаревым неожиданно столкнулся на лесной дороге с автомобилем командира 1-го немецкого корпуса, то вместо, казалось бы, неизбежной стычки произошло нечто совершенно недопустимое с точки зрения идеологических воспитателей Советской армии. Противники представились друг другу и между ними завязался иронически-шутливый разговор. Ни русский полковник, ни немецкий генерал не рас-

терялись, не испугались и в силу этого вместе со своими подчиненными «...они все восемь стали выше смерти»²⁰.

Эта замечательная сцена из «Августа Четырнадцатого» вполне соответствует духу времени, ибо герои Солженицына видят политические цели войны, исходя из национальных интересов и устремлений. Оба они воспитаны в духе классической стратегии, подчиненной этим национальным целям, и именно это воспитание позволяет им разговаривать, уважая друг друга²¹.

Иначе говоря, их поведение соответствует, выражаясь словами А. Свечина, «стратегической линии поведения», в которую тогда не входило ни внесение революции извне в стан противника, ни замысел об его тотальном порабощении²².

Вообще нужно подчеркнуть, что до первой мировой войны стратегическая мысль не выходила за рамки, сложившиеся в начале прошлого XIX века. Для государственных деятелей война была, согласно Клаузевицу, «продолжением политических отношений, осуществлением их другими средствами». При этом не следует забывать, что при постановке политических целей, когда их достижение предоставлялось вооруженным силам, ни один европейский государственный деятель не связывал свою «стратегическую линию поведения» с сокрушением общест-

венного строя противника, подрыва его социальной структуры. Наполеон не искал в России нового Пугачева. Бисмарк не думал о сговоре с парижскими коммунарами.

Как они, так и германский генеральный штаб в начале мировой войны рассчитывал достичь победы на западном фронте в ходе одной сокрушительной операции. Успешное ее завершение обеспечивало в дальнейшем превосходство на восточном. Оперативный план Шлиффена почти сливался с конечной целью войны на западе, ибо его стратегическое завершение неизбежно вело к капитуляции Франции и выходу ее из Антанты. Как для плана генерала Шлиффена, так и для планов стратегического развертывания других воюющих держав в начале первой мировой войны, характерно классическое стратегическое мышление, все еще следовавшее по путям, проложенным Клаузевицем. Грандиозные по сравнению с XIX веком масштабы операций и применение новой техники отнюдь не изменили ни основных форм («сокрушение» и «измор»), ни основного метода этой классической стратегии, то есть достижение политических целей путем применения почти исключительно только вооруженных сил.

Ни одна из воюющих держав не была готова в 1914 году к тотальной мобилизации людских резервов и экономических ресурсов. И еще меньше — к созданию в стране про-

тивника внутренних экономических, политических и иных «фронтов», равно как и к подготовке внесения в тыл противника революции извне. Война представлялась всем кратковременной и быстротекущей. И никакие так называемые «империалистические противоречия» не толкали на поиски новых стратегических методов, ибо, повторяем, в «стратегической линии поведения» всех воюющих великих держав ясно видны национальные интересы и стремления. Другой вопрос — насколько эти национальные интересы, часто переходившие в страсти на грани психоза, были оправданы теми жертвами и потрясениями, которые принесла первая мировая война...

Но уже начиная с сентября 1914 года можно заметить в среде германского руководства все нарастающую тревогу в связи с кризисом немецкой классической стратегии. После почти абсолютной уверенности в достижении победы путем нахождения оперативных решений в духе плана Шлиффена наступила полоса страшных разочарований. Первым было сражение на Марне, где не осуществился этот блестящий план. Просчет в темпах русского стратегического развертывания и неожиданное глубокое вторжение самсоновской армии — вот причины этого судьбоносного стратегического провала германского руководства на Западе.

Вторым, может быть, еще более жестоким разочарованием в классической стратегии сокрушения была неудача большого германского наступления на русском фронте летом 1915 года.

Окружить и уничтожить русскую армию, несмотря на испытываемый ею недостаток в снарядах и патронах, не удалось. Генерал Алексеев вывел армию из польского мешка. А через год наступление Брусилова продемонстрировало всем, что германскому командованию не удалось достичь поставленных им стратегических целей. Подводя итоги летней кампании 1915 года на русском фронте, генерал Людендорф позже признал: «ни на востоке, ни на западе нам не удалось в течение всей войны довести до конца большой стратегический прорыв со всеми его последствиями»²³.

Наконец, третьим крушением надежд на достижение победы в духе стратегии сокрушения был Верден. От Вердена кривая стратегического напряжения пошла вниз. Германскому командованию стало ясно, что оно вынуждено перейти от стратегии сокрушения к стратегии измора.

Но если Россия и ее союзники могли себе позволить роскошь временного перехода от стратегии сокрушения к стратегии измора (не

без основания рассчитывая на развертывание военного производства своей промышленностью и на вступление в войну Америки), то Германия и ее уже сломленная союзница Австро-Венгрия, не располагая ни людскими резервами, ни экономическими ресурсами в том же объеме что и противники, должны были признать, что переход к стратегии измора, в конечном счете, ведет к поражению.

Это признание вызвало тяжелый кризис не только во всей германской армии, но и на самом верху ее руководства. Ушел с поста начальника генерального штаба фактический главнокомандующий Фалькенгайн. На его место с русского фронта в Плесс 29 августа 1916 г. прибыли неразлучные генералы Гинденбург и Людендорф. Последний был достаточно умен, чтобы вскоре признать: «наше положение было необычайно тяжело и выхода из него *почти не было*» (подчеркнуто нами. — Н. Р.)²⁴.

В судорожных поисках этого выхода генерал Людендорф обратился к новым, невиданным еще средствам и методам ведения войны. Их можно разделить на две неравные, однако, одинаково существенные части.

В первую вошли: тотальная мобилизация населения, что было достигнуто введением поголовной трудовой повинности, наравне с воинской; полное подчинение верховному командованию не только транспорта, но и про-

мышленного производства, с введением планированного распределения сырья и энергетических ресурсов. Введение карточной системы и строгого распределения продовольствия и ряд других мероприятий, входивших в так называемую «Большую программу Гинденбурга», придавали Германии последних двух лет первой мировой войны «социалистический характер».

Во вторую часть вошли новые методы наступления, ибо оно было нацелено не только на сокрушение вооруженных сил противника (обходя их из глубокого тыла) но и позволяло наносить удары на новом тогда, внутреннем фронте. Меморандум Гельфанда-Парвуса был существенным вкладом в эту вторую часть и, следовательно, в создание новой стратегической доктрины. Уже с начала 1915 года политический отдел германского генерального штаба располагал совершенно готовым планом вторжения в Россию на внутреннем фронте.

Но переход к новой стратегии, когда война стала не продолжением политических отношений, а наоборот, средством полной их ликвидации с тем, чтобы навязать побежденному противнику совершенно новый государственный строй, что само по себе вызывает необходимость тотального уничтожения старого, произошел не сразу.

Он и не мог произойти до того, как генерал Людендорф не взял в свои руки верховное руководство и операциями на фронте и тотальной мобилизацией страны, и до того как во главе министерства иностранных дел оставался дипломат старой школы, аристократ Готфрид фон Ягов.

Не отказывая Парвусу вначале в деньгах и докладывая о нем в Ставку, Ягов всеми силами стремился восстановить связи с русским правительством и окружением императора Николая II для прощупывания возможности заключения сепаратного мира. В мае 1915 г. Ягов лично принимал фрейлину русской императрицы Марию Васильчикову перед ее отъездом в Россию, говоря, что продолжение войны он считает «опасным для династии»²⁵.

Но как убедительно доказал С. П. Мельгунов, все попытки начать переговоры о сепаратном мире со стороны Германии натолкнулись в России на глухую стену. В вопросе верности союзникам император Николай II был тверд и остался непоколебим до конца.

Вскоре после прибытия генерала Людендорфа в Ставку, Ягов должен был уйти. Его место заняли сначала безличный Циммерман, а потом фон Кюльман. И тот и другой усердно помогали Людендорфу в проведении новой политики и новой «стратегической линии поведения», которую сам генерал Людендорф

впервые определил как «тотальную». И тот и другой пришли к заключению, что только осуществляя новую тотальную стратегию, проводя «стратегическую линию поведения» Людендорфа в политике и деятельности министерства иностранных дел, можно надеяться на благополучное для Германии завершение войны.

29 сентября 1917 года, через год после того как новая «стратегическая линия поведения» постепенно была введена Людендорфом, государственный секретарь Кюльман докладывал верховному командованию германской армии:

«Военные операции на восточном фронте... были поддержаны интенсивной подрывной деятельностью министерства иностранных дел внутри России. Нашими главными задачами в этой деятельности было подталкивание националистических и сепаратистских опытов и оказание сильной поддержки революционным элементам»²⁶.

Не трудно заметить, что эти слова почти точно повторяют главную идею плана Парвуса, так как ее сформулировал Солженицын — «совместный взрыв революции социальной и революции национальной при германской денежной и материальной поддержке».

Кюльман доказывал далее: «...мы принимаем участие в этой деятельности в полном

согласии с Политическим отделом Генерального штаба в Берлине (капитан фон Гюльзен). Большевицское движение никогда не смогло бы достигнуть того масштаба и того влияния, которого оно достигло теперь, если бы не наша непрерывная поддержка»²⁷.

Кажется, ясно сказано. Подводя итоги, можно, не боясь преувеличений, сказать, что создателями новой тотальной стратегии были генерал Людендорф и Парвус. Этим более чем оправдано пристальное внимание Солженицына к «Плану» Парвуса. Ибо немецкий трамплин, подставленный Парвусом Ленину, позволил ему не только прийти к власти, но и претендовать на авторство новой тотальной стратегии, названной им «классовой».

Сила этой стратегической доктрины была в 1917 году в ее новизне. Удар, нанесенный России, был не столько сильным, сколько внезапным. Солженицынский Ленин знал, что эта стратегия бессильна, если — «Царь — с кадетами сговорится. И будет пошлое нудное буржуазное развитие на двадцать-тридцать лет. И — никаких надежд революционерам...» (стр. 95).

Отметим еще раз, что Суварин вообще «отвергает» доклады Кюльмана, считая творца Брест-Литовского договора «лгуном». Вслед за Sir Levis Namier, которого он цитирует²⁸. Оставляя эту аргументацию Б. Суварина на его совести, мы хотим только отметить, что

генерал Людендорф придерживался другого мнения, признавая в своей ответной телеграмме Кюльману от 6 октября 1917 г. подрывную деятельность в России Министерства иностранных дел и Политического отдела Генерального штаба и выражая благодарность за выделение больших денежных сумм на эту деятельность, представлявшую по его мнению «большую ценность»²⁹.

Но ни кадеты, ни русское правительство, ни, наконец, контрразведка, как свидетельствует полковник Никитин³⁰, не были подготовлены для отпора на создаваемых благодаря новой стратегической доктрине внутренних фронтах.

Но не только они. Вот уже скоро 60 лет, как новая тотальная стратегия, доработанная при участии Тухачевского, Фрунзе и многих других, применяется коммунистическим руководством, часто оставаясь такой же внезапной, как в 1916-17 годах.

Выпустив в свет «Ленин в Цюрихе», Солженицын не только отнял у Ленина индульгенцию, выданную ему «революционной демократией» в 1917 году, но и указал где и когда зародились идеи, положенные в основу новой тотальной стратегии, уже обошедшейся человечеству в сотни миллионов жертв.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вестник РСХД № 117, стр. 170-177.

2. Est & Ouest № 570 1-15.4. 1976 г.

3. «...С конца 90-х гг. принял активное участие в работе герм. с.-д-тии, примыкал к ее левому крылу. До 1898 издавал в Мюнхене еженедельник «Aus der Weltpolitik». Выдвинулся как крупный марксистский теоретик и специалист по вопросам мировой экономики и политики. С начала 900-х гг. принимает участие в работе рус. с.-д-тии, сотрудничая в «Искре» и «Заре» под псевдонимом Молотов...» (Большая Советская Энциклопедия, т. 44, стр. 159, Москва, Огиз, 1939 г.).

4. Winfried B. Scharlau und Zbyněk Zeman. *Freibeuter der Revolution. Parvus — Helphand, eine politische Biographie*, Verlag Wissenschaft und Politik, Köln, 1964.

5. *Germany and the Revolution in Russia 1915-1918, Documents from Archives of the German Foreign Ministry*. Edited by Z. A. B. Zeman, London, Oxford University Press, 1958, p. 1-2.

5а. Этому малоизученному вопросу посвящен раздел (Helphand and labour unrest in Russia) в исключительно содержательной книге проф. Г. Катькова, безупречной с точки зрения использования источников. См. George Katkov. «Russia 1917. The February Revolution» изд. Collins. London. 1969. Стр. 139-150.

6. Там же, стр. 3.

7. Там же, стр. 85.

8. Est & Ouest № 570 1-15.4. 1976, p. 8.

9. Книга эта писалась и вышла одновременно по-английски и по-немецки. Мы ссылаемся на немецкое ее издание — см. сноску 4.

10. Est & Ouest № 570, p. 5.
11. Там же, стр. 6.
12. Там же, стр. 7.
13. Там же, стр. 13.
14. Archiv für Sozialgeschichte vol. III (1963).
15. Germany and the Revolution in Russia, edited by Z. Zeman p. 54-56.
16. Там же, стр. 54-56.
17. В. И. Ленин. Сочинения. Изд. четвертое, т. 36. М., 1957 г., стр. 373.
18. Там же, стр. 405.
19. Est & Ouest, № 570, p. 76-77.
20. А. И. Солженицын. Август Четырнадцатого. YMCA-PRESS, Paris 1971 г., стр. 333.
21. Примеров, подтверждающих историческую правдивость этого эпизода из первого «узла» А. И. Солженицына, можно привести множество. Ограничимся одним из воспоминаний генерала А. И. Деникина, прославившегося в начале войны на посту командира 4-ой стрелковой бригады (позже — дивизии), носившей за свои подвиги название «Железной». Уже будучи эмигрантом он писал: «Не раз в Венгрии мне пришлось встречаться с бывшими врагами, участниками войны, моими «крестниками» (военнопленными, взятыми в плен моими частями), и всегда эти встречи были искренне радостными. Особенно дружелюбное отношение к нам проявили офицеры прекрасной в боевом отношении 38-й гонведной дивизии, с которой судьба несколько раз столкнула на полях сражений Железную дивизию»... А в июне 1916, во время Брусиловского наступления, после того, как Железная дивизия отбила ожесточенные атаки переброшенной с западного фронта знаменитой «Стальной» германской дивизии, перед их позицией появился плакат: «Ваше русское же-

лезо не хуже нашей немецкой стали». В первой мировой войне сохранились еще традиции старого боевого рыцарства» — заканчивает генерал Деникин («Путь русского офицера», изд. им. Чехова, 1953 г., стр. 332-39).

22. См. подробнее материал: А. Свечин. Стратегия. «Военный вестник», М., 1927 г., стр. 361.

23. Ген. Э. Людендорф. «Мои военные воспоминания 1914-18». Перевод Моровича. Изд. Milon, Любляна, Югославия, т. 1, стр. 160.

24. Там же, стр. 294.

25. Об этом см. подробнее: С. П. Мельгунов «Легенда о сепаратном мире». Париж, 1957 г., стр. 12-14.

26. Germany and the Revolution in Russia. Edited by Zeman, 1958, p. 70.

27. Там же, стр. 70.

28. Est & Ouest, стр. 5.

29. Germany and the Revolution in Russia. Edited by Zeman, 1958, p. 71.

30. Б. Никитин. «Роковые годы». Париж, 1937 г.

ЧАСТЬ III

РЕЦЕНЗИИ – СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА О ДУМСКОЙ МОНАРХИИ

Связь времен

О книге В. Шульгина „Годы”

В. Желягин

Василий Витальевич Шульгин — видный политический деятель дореволюционной России, член Государственной думы трех последних созывов — скончался 15 февраля 1976 года во Владимире на девяносто девятом году жизни, оставаясь убежденным противником советской власти и подлинным патриотом России... за что советская власть в свое время и отняла у него двенадцать лет жизни, сослав его в ГУЛаг в 66-летнем возрасте.

Зачем же, спрашивается, нужно было издательству Агентства печати Новости публиковать, в конце 1979 года, очередные политические воспоминания этого „столпа контрреволюции”, как принято выражаться на официальном советском жаргоне? В предисловии к книге В. Владимиров, „журналист” из АПН, предполагает, что и сегодня „многие за рубежом, особенно молодежь, не знают и недооценивают всей силы сопротивления врагов революции, среди которых были и умные люди... ”. В. Владимирову, однако,

В. Шульгин. „Годы”, воспоминания бывшего члена Государственной думы. Изд. Агентства печати Новости, Москва, 1979 г.

хорошо известно, что история как предмет была отменена в России (а не за рубежом) вскоре после захвата власти большевиками и заменена марксистским „обществоведением” — инструментом попытки создания „пролетарской” культуры. Только в 1935 году было введено преподавание „гражданской” истории в школах по учебнику Шостаковича и были восстановлены два исторических факультета на всю страну: один в Москве, другой в Ленинграде. Иначе говоря, поколение людей, родившихся перед революцией в России, историю как таковую вообще изучать не могли. А те, кто родился сразу после революции, изучали Парижскую Коммуну и историю ВКП(б)... И сегодня еще наше историческое прошлое преподносится исключительно с позиций „классовой борьбы”, при полном отрицании общенациональных интересов.

Так будем считать, что книга Шульгина „Годы”, изданная без указания тиража, предлагается зарубежному читателю (в этом, вероятно, была одна из основных целей ее издания), по сути — русской политической эмиграции. С расчетом, может быть, что эмиграция донесет ее и до российского читателя? Как бы то ни было, издание этой книги следует признать полезным. И согласимся с В. Владимировым, что эта публикация „и сейчас весьма своевременна”, ибо известно,

что геноциды бывают не только физическими: народ можно убить и лишив его памяти о самом себе.

Отметим несколько наиболее важных тем книги.

Идея национального единства

В. В. Шульгин родился в Киеве в 1878 году, в семье профессора истории Киевского университета и основателя газеты „Киевлянин” (национального русского направления). В 1907 году 29-летний юрист избирается от Волынской губернии в члены второй Государственной думы. Его книга и начинается с описания этих выборов и свидетельствует, между прочим, что свободное от „классовой” ненависти чувство национального единства и гражданской ответственности в России не уступало чувству гражданского долга на Западе. Не без юмора отмечает Шульгин, что сейчас, „когда в выборах участвуют 99,9 процентов избирателей”, теми 78 процентами выборщиков Острожского уезда, явившихся к избирательным урнам в морозный зимний день — „никого не удивишь”. (А вместе с тем, в том же году на городских выборах в Брюсселе, число явившихся избирателей достигло 75 процентов возможного, что отмечалось как результат „высокой гражданственности”).)

Членов второй Государственной думы избирали выборщики, присланные в губернское собрание из уездов. Для этого в каждом уезде проводились два предварительных собрания: одно состояло из выборных от волостей (эта старинная форма самоуправления, хорошо знакомая крестьянам, легла в основу крестьянских выборов), второе — из землевладельцев, деливших на „полноцензовиков” (ценз — двести десятин) и на более мелких собственников. Последние могли „складывать” свою землю и получать столько голосов, сколько выходит при делении общего числа десятин „сложенной” земли на двести. Делегаты от „сложенной” земли являлись „уполномоченными” от землевладельцев, не имеющих ценза.

Во время выборов в первую Думу, в Острожское избирательное собрание явилось семь уполномоченных... Начисто провалившиеся русские помещики Волынской губернии (тогда как польское коло в первой Государственной думе насчитывало около сорока депутатов) постановляют: приложить все усилия, чтобы во второй Думе поляки не были единственными представителями Юго-Западного края! Весь вопрос заключался в голосах мелких русских землевладельцев. Как из семи перводумских уполномоченных сделать хотя бы сорок втородумских, необходимых для того, чтобы забаллотировать

польских помещиков? В Острожском уезде не меньше ста священников. Они есть в каждом селе и все в совокупности они знают чуть ли не поименно всю толщу народа. Кроме того, они сами по закону участвуют в выборах. Батюшки — ключ к положению! Каждому из них посылается открытка: „В Вашем приходе, уважаемый отец такой-то, проживают такие-то лица. Им надлежит прибыть на выборы в Государственную думу туда-то и тогда-то. Предвыборный комитет просит Вас напомнить им об этом их долге в ближайший к выборам праздничный день, после службы...” На собрание приехали... шестьдесят уполномоченных (20-батюшек, 21 — крестьянин, 19 — чехов-„колонистов”) и 19 русских помещиков. Всего набралось 79 голосов, а у поляков — 55. Теперь пятеро поедут в Житомир на губернское собрание и там, вместе с другими, они будут избирать членов Государственной думы: один священник, один чех, один крестьянин и один русский помещик. А пятый? „Пятое место надо отдать еще одному русскому помещику, заявляют крестьяне. Почему мы на это решились, хотя нас больше других? Потому, что мы хорошо знаем, что всё вы сделали, что без вас ничего бы не было, а поляки избрали бы одних поляков, вот почему” (с. 31).

На губернском собрании в Житомире самой многочисленной группой стали крестья-

не — выборщики от волостей и уполномоченные от крестьян-собственников. „По национальности они были русские, или, как тогда говорили, малороссияне, а по нынешней терминологии — украинцы” (с. 35). Второй по численности была группа польских помещиков, третьей — русских. Четвертая группа состояла из выборщиков от горожан (почти все евреи), пятая — из русских священников и шестая — из чехов и немцев-„колонистов”. Если исходить из классового признака, то помещикам было бы выгодно образовать свой блок без различия национальности, который обладал бы большинством, если бы к нему примкнули еще представители горожан. Но... „не всегда выгода выгодна, — говорит Шульгин. — Мы хотим идти с русским народом, которого мы часть” (с. 37).

Крестьяне не лубочные, не пейзажные. „Чистокровные хлеборобы, черная Волынь. Лица знакомые, не злобные, приветливые... Нет! Эти люди не хотели насилия. Они хотели сговора с русскими помещиками” (сс. 38-39). Бегут года, и вспоминается коллективизация, раскулачивание, уничтожение русской деревни, голод... Это другие „годы”, о них Шульгин не пишет. Но из глубины его души вырывается крик: „Люди в самомнении своем считавшие себя культурными, делали все возможное, чтобы вернуть мирных земледельцев к звериной жизни!” (с. 39).

Итак, „идея национального единства, поддержанная церковью, одержала верх...” И не только на Волыни:

„Окраины, населенные так называемыми „ино-родцами”, иногда больше ценили Россию, нежели природные русские. В частности, Бессарабия послала во вторую Государственную думу П. Н. Крупенского, В. М. Пуришкевича, П. А. Крушевана, П. В. Синадино и других убежденных сторонников монархии и величия России” (с. 46).

Чувство чести, ответственности, долга

Монах Илиодор — „колоритная”, по словам самого Шульгина, фигура из „Союза русского народа”, — хотел поднять „всю черную Волынь” и устроить поход на Санкт-Петербург, чтобы навести там „порядок”. Похода он не устроил, а в 1912 году был заточен в монастырь. После самоотречения от Церкви, с него был снят сан и бывший монах уехал за границу в Христианию (Осло), где написал книгу о Распутине, вышедшую в 1917 году в Москве под заглавием „Святой черт”... Когда Шульгин выступал на страницах „Киевлянина” в защиту еврея Менделя Бейлиса, обвиненного в „ритуальном убийстве” ребенка (а П. Н. Милюков, с думской кафедры, требовал пересмотра дела), „Союз русского народа” кричал, что защищающие Бейлиса — „бессовестные агитаторы... проданы

жидам''. Однако 12 присяжных заседателей из той самой „черной Волыни'', которую монах Илиодор хотел поднять на погром, оправдали Бейлиса. Он эмигрировал в Америку, где умер в 1937 году.

„Простые русские люди, — пишет Шульгин, — не имея возможности силой ума и знания разобраться в той страшной гуще, в которую их завели, одной только чистотой сердца нашли верный путь из обступавшего их со всех сторон дремучего леса... Им, этим серым гражданам, пришлось перед лицом всего мира спасти чистоту русского суда'' (с. 136).

Эти люди, воплощавшие дух русской национальной идеи, были душой той миролюбивой и уступчивой России, к которой обращался Петр Аркадьевич Столыпин. Шульгин описывает его следующими словами:

„Столыпин взошел на кафедру... Он был высок ростом, на полголовы выше меня и было нечто величественное в его осанке. Я бы сказал, что Столыпин был именно таков, каким должен быть премьер-министр: внушителен, одет безукоризненно, но без всякого щегольства. Голос его не был колокольным басом Родзянко, но говорил он достаточно громко, без напряжения. Особенность его манеры говорить состояла в следующем. Его речь плыла как-то поверх слушателей. Казалось, что она проникает через стены, звучит где-то на большом просторе. Он говорил для России..." (сс. 53-54).

Столыпин, — пишет далее Шульгин, — выдвинул как программу действий правитель-

ства борьбу с „насилием революционным”, с одной стороны, и борьбу с „косностью” — с другой. „Я отстаивал с кафедры Государственной думы его программу, потому что считал предначертанный им путь действий единственно правильным для спасения России и ее дальнейшего эволюционного развития... Вскоре я сблизился с Петром Аркадьевичем и кроме уважения стал питать к нему более теплые чувства” (сс. 54-55). Но Столыпину грозили и справа, и слева...

1907 год выдвинул в Таврический дворец представителей той „демократической” России, в которой председатель второй Государственной думы, кадет Ф. А. Головин видел „массу опьяневшей от недавнего и неожиданного успеха, необразованной и озлобленной молодежи”. Эти депутаты еще в первой Думе голосовали за отмену смертной казни, Шульгин же называл их „депутатами с бомбами в карманах”. „Я не знаю в истории акта большего лицемерия — пишет он — ... То собрание, которое, если бы не было распущено, поставило бы гильотины в каждом доме, то собрание, которое выросло на трупах, то собрание, которое кричало: „Мало тысяч убитых революцией...”, то собрание вотировало отмену смертной казни” (с. 82). При всем инстинктивном отвращении русского характера к смертной казни и к жестокостям правосудия вообще, эти слова

Шульгина звучали ответственно в то время, когда на улице, за пределами Таврического дворца, социал-революционеры выносили смертные приговоры и приводили их в исполнение.

Отошедшие от крайне правого думского крыла Шульгин и его сторонники по фракции „русских националистов“, принявшие лозунг Столыпина — „отпор революции, покровительство эволюции“ — и считавшие уважительное отношение к монархии истинно национальным путем России, объединялись вокруг Н. А. Хомякова, представителя Смоленской губернии. Он был сыном известного славянофила, писателя и поэта, крестником Гоголя. В нем, — пишет Шульгин, — „было достоинство, полное отсутствие подхалимства в отношениях с высшими и ласковость к низшим“.

В августе 1915 года Шульгин и образовавшаяся в четвертой Думе фракция „прогрессивных русских националистов“, вошли в состав так называемого „Прогрессивного блока“.

Бело-сине-красный

Последние страницы предреволюционной истории России еще до конца не изучены и тем более — не осмыслены. Еще много в этой истории „туманных пятен“, как гово-

рил С. Мельгунов. Настолько глубокой оказалась революционная бездна, поглотившая страну, и настолько жуткими и кровавыми оказались последствия государственного крушения, что еще не изжился принципиальный спор и не утихли страсти, бросающие оппонентов, порою, в крайности.

С одной стороны, еще представляется зрелище полной правительственной „бездарности“, зрелище страшной „национальной измены“ верховной власти, зрелище — „революции сверху“...

С другой стороны, еще рисуется картина „крамольной“ Думы, картина сплошных „подкопов“ под верховную власть, картина, в которой действующие лица, как марионетки, лишенные всякого патриотического вдохновения, бесятся в Таврическом дворце и на частных квартирах, принося Россию в жертву своему властолюбию...

Вряд ли подобные карикатуры на российских предреволюционных, правительственных и думских деятелей соответствуют действительности. Действительность была несомненно более сложной и, вероятно, более благовидной. Можно спорить о достоинствах военного министра Сухомлинова, но нельзя забывать слова генерала Алексеева о том, что даже в 1916 году, „армия сохраняла свой великий русский воинственный дух“. Можно спорить о политике Николая II, но нельзя за-

бывать, что когда в конце 1916 года германское правительство обратилось к державам Антанты с приглашением начать мирные переговоры, Николай ответил приказом, что время для достижения мира еще не наступило. Можно спорить о том, была ли Россия уже в 1914 году на грани революции, хотя „революционная энергия пролетариата” — как говорят советские историки, — никак себя не проявила во время ареста „пятерки” думских большевиков. Вероятно, легче доказать, что без войны революции в России не было бы.

Еще весной 1907 года Шульгин присутствовал на приеме членов Государственной думы в Царском Селе. Он пишет:

„Государь говорил негромко, но очень явственно и четко. Голос у него был низкий, довольно густой, а выговор чуть-чуть с налетом иностранных языков. Этот гвардейский акцент — единственное, что показалось мне, провинциалу, чужим. А остальное было близкое, но не величественное, а наоборот, симпатичное своей застенчивостью... Я впервые в жизни увидел его взгляд. Взгляд был хороший и спокойный” (с. 61).

Вызвав к жизни народное представительство, Николай мог бы покончить с этим начинанием в том же порядке, в каком оно было создано, то есть вернуться к прежнему самодержавному строю. Однако, отмечает Шульгин, он этого не сделал: „Он признал

правильной столыпинскую идею, что монарх и Государственная дума должны править Россией совместно” (сс. 91-92).

Государственная дума, какова бы она ни была, была „элементом политической свободы” и в ней была „предельно обеспечена свобода слова” (с. 85). Прогрессивный блок был своего рода политическим итогом думской деятельности, в результате чего целый ряд партий добровольно подчинили свои партийные интересы и цели общенациональному делу служения России во время войны и были готовы поддерживать правительство, представленное такими (все еще назначенными царем) министрами, как, например, Сазонов, Кривошеин, генерал Поливанов и др., пользовавшиеся общественным доверием.

Можно допустить, как это говорит сам Шульгин, что кадеты в какой-то степени увлекли своих союзников по Прогрессивному блоку в борьбе за власть. Но можно ли утверждать, что патриотизм этого блока сводился к одной только надежде, что победа России в войне с Вильгельмом откроет ему (блоку) путь к власти? „Сколько бы Марков-второй ни называл Прогрессивный блок „желтым блоком” — это неправда, — пишет Шульгин. — Блок был трехцветный, белосине-красный, он был национальный, он был русский” (с. 276).

Выходя за пределы чисто мемуарного творчества, Шульгин выносит на суждение читателя свою собственную историческую концепцию, в которой нет ни „измен” ни „подкопов”, ни всеобъясняющей „энергии” пролетариата: в конфликте Государственной думы с короной во время войны „погибли и династия и российский парламент...” (с. 275).

*

После октябрьского переворота Василий Витальевич Шульгин принял активное участие в создании Добровольческой армии и в организации борьбы против большевиков. После гражданской войны он эмигрировал в Югославию. Ставши жертвой чекистской организации, работавшей за рубежом под названием „трест”, Шульгин совершил „незаконную” поездку в СССР зимой 1925 года. В тридцатых годах Василий Витальевич принял участие в создании Национального Союза Русской Молодежи (будущего НТС) и хотел продолжить свое служение в его рядах. Правда, НСРМ, переименовавшийся вскоре в Национальный Союз Нового Поколения, по тогдашнему своему уставу не принимал в свои ряды людей „старого поколения” (старше 1895 г. р.), поэтому В.В. Шульгин мог работать только в Комитете содей-

ствия НСНП (см. также интервью А. А. Чернова в „П о с е в е” № 10, 1979 г., с. 41). В 1944 году Шульгин был захвачен в Югославии, привезен в СССР и пробыл в заключении до 1956 г.

Последние годы жизни В. В. Шульгин провел во Владимире, под надзором КГБ, однако несмотря на это к нему, „последнему из могикан” дореволюционной российской политики, нескончаемым потоком шли паломники со всей страны, и, как и в 30-е годы, национально настроенная молодежь — те, кому предстоит создавать новую Россию. И в его маленькой комнатке восстанавливалась связь времен...

Завещание Маклакова

Н. Арсеньев

Эта интересная и увлекательно написанная книга* проникнута одной основной мыслью, одним основным ощущением: ценности такой личности, такого общественного деятеля, который не связан всецело партийной догмой, который прежде всего ищет *правды, справедливости и человечности* и, вместе с тем, не пренебрегает живой конкретной действительностью. Не абстрактный изувер, но живой человек, не свободный от ошибок и недостатков, но с горячим желанием служения правде и с сильно пробужденным чувством справедливости, готовый сам себя осудить за свои ошибки, встает перед нами Маклаков. Эта черта — стремление служить прежде всего справедливости и правде, как диктовала ему совесть, по мнению автора (и, думаю, мнение это глубоко обосновано и справедливо), характерна для Василия Алексеевича (1869—1957) как человека и как общественного деятеля. И, вместе с тем, у него было сильно развито чувство вдумчивого отношения к историческому прошлому своей страны, он не понимал такого движения вперед, которое отрицало бы

* Георгий Адамович. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959. Издание друзей В. А. Маклакова.

все прошлое. У него было чувство уважения к основным традициям, нравственным и культурно-историческим, своего народа, у него было чувство необходимости исторической преемственности. Он хотел такого движения вперед (он был убежденным либералом в благородном смысле этого слова), которое не порывало бы с историческими корнями народной жизни.

Ему дорога была конкретная живая жизнь России, против недостатков которой он хотел неуклонно бороться, чтобы содействовать ее моральному и культурному развитию путем истинной свободы, неразрывно связанной с духом истинной законности и вдохновляемой признанием моральных ценностей и бережного отношения к человеку и историческому наследию страны. Ему чужда была проповедь абстрактных революционных лозунгов, он *не был революционером*, более того — он был *убежденным врагом революции* (которую обычно обозначал жутким словом „Ахеронт”). Он считал желательным сговор между исторической властью и стремлением к разумным либеральным реформам. Уже в ранней юности Маклаков, как рассказывает нам автор книги, увлекался образом Мирабо, — оратора и политического деятеля. „Он считал единственно правильной основную политическую линию Мирабо: сговариваться с властью, про-

водить законным путем то исторически необходимое, что иначе без этого, ломая законы и устои, все уничтожая на своем пути, сделает революция". (с. 26). В связи с этим своим основным политическим направлением Маклаков дважды старался быть посредником между Государственной Думой и Столыпиным (что было ему поставлено в вину его партией) и осуждал в своих позднейших книгах отказ либеральной (не революционной) оппозиции от сотрудничества с правительством.

Маклаков был, если хотите, настоящим конституционным деятелем „западного" типа (в хорошем смысле слова), с уважением, при всем своем либерализме, к историческим традициям страны, и, вместе с тем, он был, прежде всего, глубоко укоренен в русской культурно-исторической почве, был человеком конкретного понимания живой окружающей русской действительности, считался с историческими судьбами, с культурным и государственным прошлым России. Здесь нет противоречия: одно подкрепляло другое.

Этот облик Маклакова как либерального деятеля не абстрактно-теоретического типа, а связанного с конкретной почвой России, и связанного, духовно и сознательно, с ее культурными и государственными корнями при устремлении вперед — не к революции, а

к свободному и нормальному развитию страны — этот облик Маклакова ярко и убедительно воспроизведен Адамовичем в его книге. Так, говоря о революционной деятельности социал-революционера Чернова в стенах Московского университета (с которой Маклаков и его друзья боролись, стараясь добиться легализации студенческих организаций), Маклаков осуждает ее самым резким образом в своих воспоминаниях. „Эта-то идеология и привела к большевизму”, — утверждает он. — Тогда мы этого не понимали. Все это сделалось ясным, когда весь процесс развился до конца” (цитировано у Адамовича, с. 33). Характерно, как Маклаков пишет о своем любимом университетском учителе европейски знаменитом историке проф. П. Г. Виноградове: „Он был слишком подлинным европейцем, чтобы не понимать, что неудачи и беды России происходят не только по вине нашей власти, но и по неподготовленности, несерьезности нашего общества...” (с. 38).

*

В главе под заглавием „Политик” Адамович подробно останавливается и на историко-политических книгах Маклакова, написанных им в эмиграции после революции, —

„Власть и общественность”, „Первая Государственная Дума”, „Вторая Государственная Дума” — и рисует нам не только политического деятеля, но и политического *мыслителя*, стремящегося к объективности и справедливой оценке *историка* (являющегося одновременно и мыслителем), вдумчиво и внимательно анализирующего факты близкого прошлого, подготовившего революцию, и строго судящего себя и своих единомышленников за близорукость и доктринерство (а у него его было меньше, чем у остальных*), наряду с прочими вольными и невольными подготовителями катастрофы. Адамович называет Маклакова „кающимся либералом”. Главные упреки его по адресу русского либерализма и его бывших руководителей (причем Маклаков не старается себя выбелить) сводятся, по словам Адамовича, к следующему:

Первое — русская либеральная общественность должна была и могла пойти на сотрудничество с исторической властью, которая ее к этому настойчиво приглашала.

Второе — русский либерализм изменил своему назначению и сам себе вырыл могилу.

* Так, в своих „Воспоминаниях”, очень правдивых, Маклаков пишет: „Я считал революцию очень реальной опасностью. Она могла оказаться для правового порядка не меньшим врагом, чем самодержавие”, но тут же признается: „Полностью мы это увидим в 1917 г.”.

лу, заключив тактический союз с революцией (с. 102).

Это с особой силой вскрыто в замечательной и мужественной книге Маклакова „Власть и общественность”. По поводу отказа русских либералов войти в кабинет Витте он приходит к заключению, что (пользуясь пересказом Адамовича) „именно эти дни следует в русской истории признать днями черными, а если и можно для наших либералов найти какое-либо смягчающее их вину обстоятельство, то, пожалуй, лишь в том, что они не отдавали себе отчета в своем политическом безумии” (с. 108). Неудаче столыпинских намерений привлечь либералов в свой кабинет (разбились они опять-таки об отказ либералов) Маклаков придает даже больше значения, чем безрезультатности попыток Витте. Вот что он пишет по этому поводу в передовой к „Первой Государственной Думе”: „В конечном счете Россию в революцию столкнула война. Без нее революции не было бы, но если после восьми лет конституции Россия смогла воевать целых три года, то будет ли смело предположить, что если бы эти восемь лет протекли иначе, Россия смогла бы в войне дотянуть до конца? В совместной конституционной работе с общественностью здоровые элементы исторической власти получили бы такую опору, что смогли бы преодолеть осилившие их

микробы разложения... Война тогда пошла бы иначе и могла бы иначе кончиться... Эти последствия так неисчислимо громадны, что их размеры страшно себе представить” (с. 110-111).

Моральный облик Маклакова в достаточной степени обрисован этой *мужественностью самоосуждения* и этой большой мерой (большей, чем у большинства его политических друзей) государственной трезвости и непредвзятости суждения. Так, „в совершенном политическом джентльменстве” Столыпина и огромных его государственных дарованиях у Маклакова сомнений нет и, между прочим, он не колеблясь утверждает, что за всю свою жизнь „не слышал оратора по силе и убедительности красноречия ему равного” (с. 111).

Подытожив впечатления, можно сказать, что Адамович живописует образ общественного деятеля, который не был ослеплен одбокой партийностью, для которого *правда* была выше партийных расчетов и который имел достаточно трезвости, мужества духа и широты ума и любви к своей стране, любви к правде, чтобы судить — и строгим образом — и себя самого. Это — образ *не партийца* по существу, а человека, который считался с моральными основами, моральными ценностями жизни.

Для деятельности Маклакова как юриста

и адвоката было характерным не искажать правды для выигрыша дела, а постараться показать судьям действительно смягчающее обстоятельство и пробудить в них *жалость* к преступнику, чтобы дать ему возможность исправиться.

В этом Маклаков был сознательным учеником и последователем великого русского адвоката Плевако. Плевако был человеком большой моральной высоты. Он избегал ухищрений, юридических кривотолков и неправды в своей защите и стремился пробудить *жалость* к провинившемуся. Маклаков так характеризует Плевако в своей статье, посвященной ему: „Прощение виновного казалось ему не милосердием, а самым простым и радостным делом... Он смотрел на жизнь и людей с высоты такого идеала, перед которым все одинаково грешны, одинаково жалки, где бросить камень, пожалуй, и некому... Личность, душа человека была для него в центре всего...” (с. 72-73).

Идеал *моральной правды*, во имя которого он сам себя строго судит, есть завещание Маклакова как общественного деятеля, как писателя, как юриста и человека — грядущим поколениям русских людей.

Книга Адамовича — умная, талантливая и исполненная большого благородства — в полной мере это показала.

О романе В. Пикуля «У последней черты»

А. Столыпин

О романе Валентина Пикуля „У последней черты” можно, не боясь ошибиться, сказать, что он пользуется у читателей в Советском Союзе исключительным успехом. Номера журнала „Наш современник” (№№ 4-7 за 1979 г.), где опубликовано это произведение, невозможно достать. Однако вряд ли этот интерес сотен тысяч, а может быть и миллионов читателей обусловлен только лишь „потокот сюжетных сплетен”, как это утверждает автор литературного обзора в „Правде” (от 8.10.1979).

Если в роман вчитаться внимательно, то создается впечатление, что писал его не один, а как бы два автора. То идет поток безнадёжного пустословия, то вдруг вкрапливаются верные места, написанные иным почерком, места где можно найти некую толику правды о нашем историческом прошлом.

Пользуется ли роман такой популярностью из-за этих крох правды, воспринимает ли читатель обширную порочную часть романа как досадный, но привычный „принудительный ассортимент”? Надеемся, что это именно так. Сознательно ли сгустил автор краски, рассчитывая, что наш читатель давно привык к работе, которой занимался кры-

ловский петух на навозной куче? Трудно сказать, о Пикуле мы знаем не так уж много. Но даже если он был озабочен главным образом тем, чтобы протащить рукопись через цензуру, он перестарался. В книге немало мест не только неверных, но и низкопробно-клеветнических, за которые в правовом государстве автор отвечал бы не перед критиками, а перед судом. Этих страниц мы касаться не будем. Мы просто попытаемся правдиво изобразить оклеветанных людей.

Хотя книга посвящена дореволюционной России, перед нашим взором предстают фигуры хрущевской (а то и брежневской) поры, наряженные в сюртуки и мундиры царского времени.

Так, например, пикулевская императрица Мария Федоровна на официальном приеме шепчет Александру III: „Сашка, умоляю тебя, не напейся!“ (!) Чего только Пикуль не наговорил об этой царице! Она якобы и скандалила в момент смерти ее царственного мужа и вступления на престол ее сына, она якобы вторично вышла замуж.

Пикуль явно пренебрегает мемуарами того времени. А людей, оставивших свои воспоминания о царице, было много. Например, министр иностранных дел Извольский свидетельствует:

„Это была женщина чарующая и бесконечно добрая. Она смягчила своей приветливостью и озарила

своим обаянием царствование императора Александра III... Не колеблясь, советовала она своему сыну разумные преобразования, и положение в октябре 1905 года удалось спасти при ее содействии”.

Младший брат императора Николая II — великий князь Михаил Александрович — Пикулю явно нравится. Но и он изображен в кривом зеркале. Так, автор заставляет его публично избивать Распутина возле ограды императорского Царскосельского парка, как будто это не великий князь, а дружинник на площади Маяковского.

Своего родного отца я тем паче не узнал. Пикуль пишет:

„... в хорошо прогретое (министерское. — А. С.) кресло уселся черноусый, жилистый человек с хищным цыганским взором — Петр Аркадьевич Столыпин”.

„Жилистый человек”, докладывая царю о государственных делах, ведет себя по-хулигански. Царица восклицает, обращаясь к государю: „Развалился перед тобой в кресле, хватает со стола твои папиросы”: Курит в романе мой отец и свои, и чужие папиросы без устали. Да и выпить горазд: „... горько зажмурившись, он с каким-то негодованием (?! — А. С.) всосал в себя тепловатый армяньяк”.

На самом же деле мой отец за всю свою жизнь не выкурил ни одной папиросы. Ког-

да не было гостей, на обеденном столе у нас была только минеральная вода. Мать часто говаривала: „Наш дом как у старообрядцев: ни папирос, ни вина, ни карт”.

Когда Пикуль пишет о дачах того времени, ему мерещится закрытая зона под Москвой: „Скомкав служебный день, Столыпин отъехал на нейдгартовскую дачу в Вырицу”, — сообщает он.

Во-первых „нейдгартовской дачи” (очевидно принадлежавшей моей матери, урожденной Нейдгарт) вообще не существовало. А что касается „скомканного рабочего дня”, то я сам, по детским воспоминаниям, мог бы многое возразить. Предпочитаю, однако, привести слова Извольского:

„Трудоспособность Столыпина была изумительная, как и его физическая и моральная выносливость, благодаря чему он преодолевал непомерно тяжкий труд”.

Член Государственной Думы В. Шульгин свидетельствовал, что П. Столыпин ложился спать в 4 часа утра, а в 9 уже начинал свой рабочий день.

Согласно Пикулю, правую руку моего отца, когда он был гродненским губернатором (1902-1903), прострелил террорист-эсер. Неверно. Правая рука Столыпина плохо действовала еще с ранней молодости (ревматизм). Впоследствии это еще усилилось в бытность его саратовским губернато-

ром: один погромщик-черносотенец в июне 1905 г. попал в правую руку отца булыжником, когда тот защищал от расправы группу земских врачей.

В романе описана сцена, якобы имевшая место в Первой думе, т. е. не позднее июня 1906 г., когда Столыпин был еще министром внутренних дел.

„Когда Дума разбушевалась, стала кричать, что он сатрап, Столыпин поднял над собой кулак и произнес с удивительным спокойствием: „Да ведь не запугаете”.

На самом деле нечто подобное произошло почти годом позже, когда отец был уже премьер-министром. Поднятого кулака не было, а упомянутые слова не были отдельной репликой. Ими заканчивалась его ответная речь 6 марта 1907 г. при открытии Второй думы:

„Все они (нападки левых депутатов. — А. С.) сводятся к двум словам, обращенным к власти: „Руки вверх!”. На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты, может ответить только двумя словами: „Не запугаете!”

Пикуль приводит разговор исторического значения, якобы состоявшийся между Столыпиным и лидером октябристов А. И. Гучковым в Зимнем дворце в августе 1911 г. Во-первых, в Зимнем дворце мы тогда уже не жили добрых 2 года (жили на Фонтанке,

д. 16). Вторую половину июля и весь август моего отца в Петербурге не было: из-за сердечного переутомления он впервые взял 6-недельный отпуск. Прерывал его дважды, чтобы председательствовать на заседаниях Совета министров, — в конце июля (в связи с подготовкой Киевских торжеств) и 17 августа (из-за событий во Внешней Монголии). Заседания происходили не в Зимнем, а на Островах в Елагинском дворце.

1 (14) сентября 1911 г. в киевском театре (перед тем как прогремел выстрел Богрова) царскую ложу якобы „занял Николай II с женой”. На самом деле Александра Федоровна оставалась во дворце. В ложе вместе с царем были его дочери Ольга и Татьяна, а также наследный болгарский принц (впоследствии царь) Борис. Он прибыл в Киев во главе болгарской делегации для участия в открытии памятника Царю-Освободителю Александру II. Пикуль об этом не знает, или не хочет знать. Но болгары — помнят. Несколько лет назад я получил от живущего в изгнании болгарского царя Симеона письмо, где он вспоминает об этом событии.

Пикуль пишет, что еще в довоенное время вдовствующая императрица Мария Федоровна в силу какого-то каприза „перебралась на постоянное жительство в Киев”, забрав с собою „второго мужа” князя Георгия Шервашидзе. На самом деле переезд состоялся в

конце 1915 или в начале 1916 г., и не из-за каприза: царь переселился в Ставку и общаться с сыном из Киева царице было легче. Тем более, что в Петербурге настала пора политического влияния Распутина. Князь Георгий Шервашидзе занимал должность при дворе царицы в Петербурге, но не был в ее близком окружении. В Киев (а затем в Крым) он за ней не последовал.

Разделяю чувства советского историка Ирины Пушкаревой, когда она пишет:

„В романе искажена трактовка эпохи, смешаны акценты в оценке исторического процесса, неверно характеризуется ряд исторических лиц”. („Литературная Россия”, 2 августа 1979 г.).

Хочется сказать еще несколько слов о взрыве на Аптекарском Острове 12 августа 1906 года. Простим автору бутафорское изображение этого трагического случая. Остановимся на другом. Пикуль пишет:

„Погибло свыше тридцати человек и было изувечено сорок человек, не имевших к Столыпину никакого отношения. Умерли фабричные работницы, с б о л ь ш и м т р у д о м (выделено мною. — А. С.) добившиеся приема у председателя Совета министров по своим личным нуждам”.

„С большим трудом добившиеся...” Можно подумать, что речь идет о приеме у Косыгина, Андропова или иного представителя „народной” власти. Помню с детства (отмечено это и у ряда свидетелей того времени) :

мой отец настоял, чтобы его субботние приемные дни были доступны для всех. От приходивших на прием не требовалось ни предъявления письменного приглашения, ни даже какого-либо удостоверения личности. Так и проникли в подъезд террористы, переодетые в жандармскую форму.

Дальше такая сценка, якобы в Зимнем дворце:

„Ночью Столыпин сидел на царской постели, слушал как в соседней комнате дворца кричит его дочь Наташа, которой врачи ампутировали ногу (выделено мною. — А. С.). Возле жены мучился от боли раненный сын”.

Во-первых, отец после взрыва созвал чрезвычайное заседание Совета министров, окончившееся лишь в два часа утра. А остальную часть ночи был занят судьбою раненых. Чтобы в этом убедиться, Пикулю достаточно было бы взглянуть в любую газету того времени. Во-вторых, сестру и меня не перевозили с места взрыва в Зимний дворец. Об этом тоже тогда писали. Например, „Новое время” (13.8.1906):

„Вчера в частную лечебницу доктора Кальмейера в 5 часов пополудни привезли в каретах скорой помощи с министерской дачи раненных дочь П. А. Столыпина Наталью — 14 лет, и сына Аркадия — 3 лет”.

Выдумка понадобилась автору, чтобы добавить, что у изголовья моей сестры „бубнил” молитвы Распутин, которого тогда и

в помине не было. Не было и ампутации: этому воспротивился лейб-хирург Е. В. Павлов. После двух операций и длительного лечения моя сестра снова встала на ноги.

*

Перейдем к характеристике, данной Пикулем последней императорской чете.

Трудно в журнальной статье рассказать подробно о последней нашей императрице Александре Федоровне. Вдохновляемая наилучшими намерениями, она, тем не менее, способствовала крушению нашей государственности. Переехав в Ставку и отдав себя всецело делу ведения войны, царь передал ей бразды правления. Ей и стоявшему за ее спиной Распутину. Тогдашний посол Великобритании Джордж Бьюкенен отмечает:

„Императрица стала управлять Россией, особенно начиная с февраля 1916 г., когда Штюмер был назначен главой правительства”.

В кои веки раз советская печать дает этим событиям близкое к истине освещение: в своей рецензии на книгу Пикуля Ирина Пушкарева пишет в „Литературной России”:

„Буржуазные фальсификаторы истории преувеличивают роль личности Распутина. Влияние Распутина, действительно, в какой-то мере усилилось в среде придворной камарилы в самые последние годы царского режима, в годы войны. И это было

одним из многих признаков кризиса правящей верхушки”.

Как будто бы все ясно: на императрицу легла на все времена часть страшной ответственности за постигшую нашу страну катастрофу. Но Пикулю этого мало. Скорбную и морально чистую царицу он счел нужным изобразить аморальной женщиной. На этот счет я, как уже сказал, полемизировать не стану.

Но Пикуль бросает Александре Федоровне еще и другие обвинения. Она была, дескать, германофилкой, чуть ли не шпионкой, чуть ли не сообщницей Вильгельма. Она, дескать, не любила Россию, не любила своих детей, любила только себя.

В книге имеется следующее место:

„Григорий, — сказала царица осенью 1915 г., — мне нужен надежный человек, заведомо преданный, который бы, в тайне от всего мира, перевез большие суммы денег в... Германию”.

Так вот. Министры финансов, оказавшиеся затем в эмиграции — **Коковцов** и **Барк** — никаких сумм, принадлежавших убиенной царской семье, на Западе не обнаружили. Не только в Германии, но и союзной Англии. Зато остались достаточно точные следы от крупных сумм, которые платный агент Германии Владимир Ульянов-Ленин получал из немецкой казны.

Обвиняющие же императрицу в германо-

фильстве (Пикуль в этом не одинок) умалчивают, что она воспитывалась большей частью при английском дворе и была наполовину англичанкой, любимой внучкой королевы Виктории. Пьер Жильяр, учивший царских детей, в своей книге „Тринадцать лет при русском дворе” пишет:

„Королева Виктория не любила немцев и питала особое отвращение к императору Вильгельму II. И это отвращение передала своей внучке, которая чувствовала себя более привязанной к Англии, родине своей матери, чем к Германии”.

Германофилы, правда, были при царском дворе и в столице. К ним посол Бьюкенен присматривался внимательно. О коменданте императорского дворца генерале Воейкове он пишет:

„Но ни он, ни кто-либо другой, не посмел бы никогда выразить свои прогерманские чувства, могущие вызвать раздражение Их Императорских Величеств”.

О премьер-министре Штюмере:

„Этот весьма хитрый человек и не помышлял высказываться открыто в пользу сепаратного мира с Германией... ни Император, ни Императрица не потерпели бы, чтобы им был дан подобный совет, из-за которого он почти наверное лишился бы своего поста”.

К этому посол добавляет:

„Керенский меня однажды сам заверил, что (после Февральской революции. — А. С.) не было обна-

ружено ни одного документа, на основании которого можно было бы заподозрить, что императрица помышляла о сепаратном мире с Германией”.

Так было, когда царская чета была на престоле. Ну а потом?

Согласно Пикулю, летом 1917 г., находясь в заточении в Царском Селе, царица якобы шепчет царю:

„Надо здесь бросить все, даже детей, и бежать... бежать... Бежать надо в Германию. У нас теперь последняя надежда на кузена-кайзера и на его могучую армию”.

На самом же деле после Брест-Литовского мира, будучи в заточении в Тобольске, Александра Федоровна говорит: „Я предпочитаю скорее умереть в России, чем быть спасенной немцами”. Эти слова донесли до нас уцелевшие от кровавой расправы царские приближенные. Генерал-лейтенант М. Дитерихс, ведший, по распоряжению адмирала Колчака, в Екатеринбурге расследование об убийстве царской семьи, упоминает в своей книге, что офицер Марков был тайно прислан немцами, в начале 1918 г., в Тобольск. Он привез царице письменное предложение императора Вильгельма, которое могло ее спасти. С письмом царицы ее брату принцу Гессенскому он направился назад в Киев, оккупированный тогда немцами.

„Император Вильгельм, под влиянием принца Гессенского, предлагал императрице Александре Фе-

доровне с дочерьми приехать в Германию, — пишет Дитерихс. — Но она это предложение отклонила...

В декабре 1917 г. из Тобольска царица тайно пишет Вырубовой в своем предпоследнем письме:

„Я стара! Ох, как я стара! Но я по-прежнему мать нашей России. Я переживаю ее мучения, точно как и мучения моих собственных детей. И я ее люблю, несмотря на все ее грехи и на все ужасы, ею творимые. Никто не может оторвать ребенка от сердца матери, никто не может оторвать от человеческого сердца любовь к его родной стране.

Однако черная неблагодарность, проявленная Россией по отношению к Императору, мне раздирает душу. Но это все же не вся страна. Боже, помилуй Россию! Боже, спаси нашу Россию!”

В своем описании личности последнего царя Пикуль зашел так далеко, что даже официальная советская критика вынуждена его поправлять. Цитировать Пикюля я не буду. Ограничусь краткой характеристикой личности последнего императора.

Все дореволюционные государственные деятели, с коими мне привелось на этот счет беседовать (Коковцов, Сазонов, Крыжановский), давали высокую оценку уму, трудоспособности, бескорыстию государя. Все сожалели о том, что царь был слабovolен и, вследствие этого, порою нерешителен. Все лица, близко его знавшие, выносят на этот счет одинаковые суждения. Извольский пишет:

„Был ли Николай II от природы одаренным и умным человеком? Я, не колеблясь, отвечаю на этот вопрос утвердительно. Меня всегда поражала легкость, с которой он ухватывал малейший оттенок в излагаемых ему аргументах, а также ясность, с которой он излагал свои собственные мысли”.

У французского посла Палеолога мы находим о царе следующие строки:

„Храбрый, честный, добросовестный, глубоко проникнутый сознанием своего царственного долга, непоколебимый в пору испытаний, он не обладал качеством, необходимым в условиях автократического строя, а именно — сильной волей”.

Недалек от этой оценке посол Бьюкенен:

„Император обладал многочисленными качествами, благодаря которым он с успехом мог бы играть роль монарха при парламентском строе. У него был восприимчивый ум, методичность и упорство в работе, удивительное природное очарование, под которое подпадали все, кто с ним общался. Но император не унаследовал внушительность, силу характера и способность принимать четкие решения, необходимые для находившегося в его положении монарха”.

Пикуль пишет, что царь во время докладов министров скучал, зевал, хихикал, мало что понимал. Это ложь. Летом 1906 г. в Петергофском дворце, когда готовилась аграрная реформа, царь работал с моим отцом целые ночи напролет. Вникал во все подробности, давал свои суждения, был не-

утомим. Очевидно, эти петергофские ночи припомнились царю, когда в марте 1911 года (в момент правительственного кризиса) он писал Столыпину: „Я верю Вам, как и в 1906 году” (письмо от 9.3.1911).

Николай II не терял этих своих качеств, а главное самообладания, в самые трудные минуты жизни. Извольский описывает прием у царя летом 1906 года в Петергофском дворце, в момент восстания в Кронштадте. Окна царского кабинета дрожали от пушечных выстрелов:

„Император слушал меня внимательно и, по обыкновению, ставил мне ряд вопросов, показывая этим, что его интересуют малейшие подробности моего доклада. Сколько я не посматривал не него украдкой, я не смог уловить на его лице ни малейшего признака волнения. Однако он хорошо знал, что всего в нескольких верстах от нас была поставлена на карту его корона”.

Когда в Петрограде разразилось восстание и настал час отречения, царь обратился с последним своим приказом к войскам. (Как известно, опубликование этого документа было запрещено демократическим Временным правительством.) Всякие личные соображения в этом приказе были отброшены. Все помыслы царь сосредоточил на судьбах страны, на верности союзникам, на необходимости сражаться до победного конца. Не думал он о себе и в сибирском заточении. А

ведь если бы он согласился признать позорный Брест-Литовский договор, то немцы бы его спасли.

*

О денежных делах придется поговорить отдельно.

У Пикуля есть такая сцена. „Красивая госпожа М.”, облеченная в дорогие меха и увешанная драгоценностями, является к министру финансов Коковцову с запиской от царя: „Выдать срочно сто двадцать тысяч рублей”. Министр исполняет царскую волю, но берет эти деньги не из государственной казны, а из личных средств царя. Узнав это, царская чета якобы негодует. Пикуль пишет:

„Миллиардеры, живущие задарма на всем готовом, в сказочных дворцах наполненных сокровищами, они выедали казну, как крысы, забравшиеся в в головку сыра, но... только посмей тронуть их кубышку!”

„Красивая госпожа М.” существовала на самом деле. Было это в самом начале царствования Николая II. Прибегнув к протекции вдовствующей императрицы, дама эта просила у царя крупный заем из государственной казны... В феврале 1899 г. царь письменно ответил своей матери отказом. Текст письма сохранился.

Это об отдельном случае. Теперь о царских финансах как таковых. В своей книге „Николай и Александра” историк последней

царской четы американец Роберт Масси приводит финансовые сметы того времени. Как он пишет, личные доходы Николая II были на самом деле внушительными. Но Масси приводит и полный список расходов. Они тоже внушительны. Вот некоторые из этих расходов: содержание семи дворцов, содержание Императорской Академии Художеств, содержание Императорского балета, содержание штата обслуживания императорских дворцов (15 000 человек), субсидии ряду госпиталей, сиротских домов, богаделен и т. д. Помимо этого, в Императорскую канцелярию поступал непрерывный поток просьб о финансовой помощи. Царь негласно, из личных средств, удовлетворял все просьбы, заслуживавшие внимания.

В результате, как пишет Масси, основываясь на документальных данных, — в конце, а иногда и в середине года царь не знал, как свести концы с концами.

У меня сохранилось личное воспоминание. В начале апреля 1916 г. в Ставке, в Могилеве, Николай II сказал состоявшему при нем нашему дальнему родственнику адмиралу Михаилу Веселкину:

„Мне стало известно, что Наташа Столыпина, страдавшая при взрыве 1906 г., вскоре выйдет замуж. Я решил назначить ей маленькую пенсию. Пожалуйста, сообщите об этом ее семье, но не подвергайте огласке”.

Царская семья жила экономно. Дорогостоящие приемы и придворные балы были отменены (исключением были пышные торжества зимой 1913 г. по случаю 300-летия Дома Романовых). Посол Бьюкенен пишет:

„В царскосельском уединении императорская чета придерживалась весьма простого образа жизни... приемы были редки”.

Это раздражало петербургское высшее общество, оказавшееся вдали от царской семьи. Простой народ, падкий на пышные церемонии, тоже не был доволен: „Немка держит царя вдали от народа”.

О скромном образе жизни царской семьи мало кто догадывался. Помню, как однажды мой отец приехал с докладом во Дворец ранее назначенного часа. Его попросили немного подождать: царская семья была еще за столом. И вот, в приемной, полковник Дексбах, состоявший при моем отце, подошел к нему с волнением и сказал:

„Ваше Высочайшее Превосходительство, я только что видел как к царскому столу проносили фрукты. Я бы никогда не позволил, чтобы такой жалкий десерт подали к моему домашнему столу”.

Царская семья экономила не только на еде, но и на одежде. Генерал-лейтенант Дитерихс, рассматривая во время судебного следствия в Екатеринбурге царские вещи, описывает довольно поношенную шинель Николая II.

Запомнился мне рассказ моей матери. В декабре 1913 г. вдовствующая императрица Мария Федоровна устроила бал в Аничковом дворце в честь ее двух старших внучек Ольги и Татьяны. На балу должна была присутствовать царская чета. И царица долго колебалась: заказывать ли ей бальное платье у первой столичной портнихи мадам Брисак. В результате бальное платье ко дню бала не было готово и Александра Федоровна явилась в Аничков дворец в старом, уже не модном одеянии. Этот случай вызвал в высшем петербургском обществе насмешки. Но с грустью вспоминали об этом уже в 1921 году в Берлине моя мать и уцелевшая в Екатеринбурге царская фрейлина баронесса Буксгеведен.

*

Вся эта — самая большая — часть пикулевского романа написана с очевидной целью — представить в неверном свете, дискредитировать весь думский период нашей отечественной истории.

Главные заправилы в общественной жизни и в политике у Пикуля, наряду с Распутиным, — расстриги, религиозные изуверы и морально опустившиеся иерархи православной Церкви. Или же бессовестные финансовые дельцы, окутавшие своей паутиной представителей администрации, армии и даже императорскую чету.

Были изуверы, были расстриги. Есть они и теперь почти во всех странах свободной части мира. Но они, как это было и в России в царское время, отнюдь не влияют на ход истории. Были и не совсем чистоплотные дельцы. Был в Петербурге банкир Манус, близкий к Распутину и пользовавшийся плохой репутацией. Но никакой роли в государственной финансовой политике Манус не играл. К царской чете, конечно, доступа не имел. Но, в описании Пикуля, Манус всемоушен, он всемоушен. Может быть, Пикуль писал это по указке, чтобы разжечь антисемитские настроения? (Манус был евреем).

Может быть, по заказу лиц, стоящих на вершине партийной власти, занялся Пикуль дискредитацией последних десятилетий царского строя, часто просто фальсифицируя события? Может быть, ему поручили показать, что тогда Россия увязала в смрадном болоте, а такой показ начала столетия нужен кремлевским догматикам, чтобы бороться с религиозным возрождением, с монархическими настроениями, неожиданно проявляющимися ныне в новом российском поколении?

Добились ли заказчики желанного результата? Наверное, нет. Пикуль, с одной стороны, неумело лгал, а с другой — перешагнул через черту предписанного и дозволенного.

*

Пора перейти теперь к тем фразам, а иногда и целым страницам в романе, которые написаны другим почерком.

Во-первых, Пиккуль изменил марксизму. Как отмечает „Правдва”, он „подменил социально-классовый подход к событиям предреволюционной поры идеей саморазложения царизма”. Но хотя она и не социально-классовая, „идея саморазложения царизма” более близка к истине. Саморазложение наблюдалось (с каких пор? с конца прошлого столетия?) во всех слоях российского общества. И среди бюрократии, оторвавшейся от либеральной интеллигенции. И среди интеллигенции, живущей утопиями и оторвавшейся от народа. И среди купечества (богатеи Савва Морозов, и не он только, финансировал Ленина и работу его террористических групп).

Но, наряду с больными клетками были и клетки здоровые. Саморазложение могло прекратиться. В государственном организме после революции 1905 г. вновь началось здоровое кровообращение.

В романе мы находим строки, как бы написанные культурным и разумным учителем на полях сочинения зарвавшегося ученика. Так, там говорится, что в царствование Николая II,

„... творили Максим Горький и Мечников, Репин и Циолковский, ... пел Шаляпин и танцевала несрав-

ненная Анна Павлова, ... Заболотный побеждал чумную бациллу, а макаровский „Ермак” сокрушал льды Арктики ... Борис Розинг обдумывал проблему будущего телевидения, а юный Игорь Сикорский вертикально вздымал над землей первый в России вертолет... Об этом следует помнить, чтобы не впасть в ложную крайность”.

И хотя автор и впадает в ложную крайность, он все же, то тут, то там, вставляет в свой текст многозначительные фразы:

„Моральный авторитет России был очень велик и Европа смиренно выжидала, что скажут на берегах Невы... Индустриальная мощь Империи возрастала и Россия могла выбрасывать на мировой рынок почти все — от броненосцев до детских сосок... Промышленный подъем начался в 1909 году и русская мощь во многом определяла тональность европейской политики. Россия стояла в одном ряду с Францией и Японией, но отставала от Англии и Германии. Зато по степени концентрации производства Российская Империя вышла на первое место в мире”.

К словам Пикуля, конечно, многое можно было бы добавить. Но и то, что написано, — показательно.

Пикуль решается даже робко напомнить о царившей тогда свободе печати. Председатель Думы Родзянко говорит царю:

„У нас принято в газетах ругать министров, Синод, Думу... и меня обливают. Мы все терпим — привыкли-с!”

Если бы Пикуль добавил, что перед пер-

вой мировой войной большевистская „Правда” печаталась в Петербурге легально, то картина была бы еще полнее.

Решается Пикуль сказать несколько слов и о роли Думы:

„В отличие от царя, желавшего игнорировать Думу, премьер активно сдружился с нею. Понимал, что парламент, пусть даже самый плюгавый (! – А. С.), все-таки – это глас общественного мнения. Столыпин вел большую игру с членами ЦК октябрьской партии... Россия, после поражения в войне с японцами, быстро набирала военную мощь. Потому и ассигнования на дело обороны – самые острые, самые ранящие”.

И тут не все договорено. Но из приведенной цитаты явствует, что Дума отнюдь не была простой регистрационной канцелярией, штампующей заранее принятые в иной инстанции решения. Ассигнование кредитов по всем отраслям правительственной работы зависело от народного представительства. Поэтому думские дебаты о воссоздании флота были „острые, ранящие”.

Министров, представителей общественности, военных, многих замарал, оклеветал Пикуль. Но не только оклеветал и замарал. Если их портреты собрать воедино, то перед глазами встает нечто реальное и даже почти правдивое.

Вот министр финансов Коковцов.

„Правые упрекали Коковцова в недостатке мо-

нархизма. Левые критиковали за излишек монархизма. А Владимир Николаевич попросту был либерал". „Коковцев был человек умный и хорошо воспитанный, но болтлив не в меру (? — А. С.) Он был человеком честным и в обширную летопись грабежа русской казны (? — А. С.) он вошел как собака на сене".

Вот военный министр Редигер.

„Автор многих военно-научных трудов, которые долгое время считались почти классическими, высоко образованный человек".

Вот генерал-губернатор Туркестана А.Самсонов.

„Он осваивал новые площади под посевы хлопка, бурил в пустынях артезианские колодцы, в Голодной степи проводил оросительный канал".

Вот председатель Государственной Думы:

„Лидер октябристов, глава помещичьей партии Родзянко внешне напоминал Собакевича (? — А. С.) но за этой внешностью скрывался тонкий, проницательный ум, большая сила воли, стойкая принципиальность в тех вопросах, которые он защищал со своих, монархических позиций".

Пикнуть даже решается намекнуть, что время „столыпинской реакции" отнюдь не было временем господства реакционных элементов:

„Крайне правые для правительства были так же неудобны и одиозны, как и крайне левые. Царизм никогда не рисковал черпать сановные кадры из числа крайне правых".

Отдельно хочется остановиться на моем дяде — министре иностранных дел Сазонове. Не потому, что он пришелся Пикулью особенно по вкусу, а потому, что со строками, посвященными этому государственному деятелю, связаны большие национальные проблемы. Описан он таким, каким я его помню:

„Очень слабый здоровьем Сазонов не курил, не пил, не имел дурных привычек... он был полиглот и музыкант, знаток истории и политики”.

В романе описан важный разговор Сазонова с немецким послом графом Пурталесом перед самым началом первой мировой войны:

„Сазонов замер посреди кабинета... Я могу вам сказать одно, — заметил он спокойно, — пока остается хоть ничтожный шанс на сохранение мира, Россия никогда и ни на кого не нападет... Агрессором будет тот, кто нападет на нас, и тогда мы будем защищаться”.

Приведенные слова Сазонова сводят на нет бытующую в коммунистических и коммунизированной кругах дезинформацию о том, что царский режим якобы нарочито спровоцировал первую мировую войну, чтобы пресечь нараставшие в стране революционные настроения. В этом вопросе Пикуль подтверждает слова Бьюкенена, который пишет:

„Россия не желала войны. Когда возникали проблемы, могущие вызвать войну, царь неизменно про-

являл все свое влияние в пользу мира. В своей миролюбивой политике он зашел так далеко, что в конце 1913 г. сложилось впечатление, что Россия ни при каких обстоятельствах не будет воевать. Беда в том, что это ложное впечатление побудило Германию воспользоваться сложившейся обстановкой”.

Далее Бьюкенен уточняет:

„В Германии прекрасно знали, что вслед за усилением германской армии в 1913 году Россия была вынуждена выработать новую военную программу, которая не могла быть полностью завершена ранее 1918 года. Таким образом, для военного нападения сложился особенно благоприятный случай, и Германия им воспользовалась”.

*

Среди вымыслов и непристойностей в книге есть места, где все же видна фигура министра-реформатора. Пикуль пишет:

„Столыпин выделялся из толпы, был чрезвычайно колоритен. Именно он составлял сейчас фон власти... был реакционен, но порою мыслил радикально, стремясь разрушить в порядке вещей то, что до него оставалось нерушимо столетиями. Натура цельная и сильная — не чета другим бюрократам”.

В книге имеются четыре места, где автор почти что вложил в уста моего отца слова, действительно произнесенные им. Пусть это было сказано в другой обстановке и в менее грубой форме — но основные мысли его государственного творчества выражены верно.

Первое: на следующий день после взрыва на Аптекарском Острове, на заседании Совета министров,

„Столыпин сказал, что вчерашнее покушение, едва не лишившее жизни его самого и его детей, ничего не изменит во внутренней политике российского государства.

— Мой поезд с рельс не сошел — заявил Столыпин

— Террористам нужны великие потрясения, а мне нужна Великая Россия... Моя программа остается неизменной: подавление беспорядка, разрешение аграрного вопроса как самое неотложное дело Империи и выборы во Вторую думу”.

Второй отрывок (относится тоже к первому году правительственной деятельности Столыпина, когда не утихало еще революционное брожение) :

„Он тряхнул колокольчик, вызывая секретаря.

— Телеграмма по губерниям, записывайте, диктую: „Борьба ведется не против общества, а против врагов общества. Поэтому огульные репрессии не могут быть одобрены. Действия незаконные и неосторожные, вносящие вместо успокоения озлобление, — нетерпимы. Старый строй получит обновление”.

Третье место, особенно показательное. Пусть это никогда не бывший и приведенный в грубых выражениях разговор Столыпина с царем. Но в этом разговоре вкратце изложены основные мысли аграрной реформы:

„Давно пора раздробить общину и дать мужику землю: возьми, вот это твое! Чтобы он почувал вкус ее, чтобы он сказал: „Моя земля, а кто ее тронет, на того с топором пойду!“. Вот тогда в мужике проснутся инстинкты землевладельца, и все революционные доктрины разобьются о могучий пласт крестьянства, как буря о волнолом”.

„Моя земля, а кто ее тронет, на того с топором пойду” — как такое пропустила цензура? В этих словах, приписываемых моему отцу, звучит сегодня также и осуждение всего колхозного и совхозного строя.

Четвертый отрывок как бы дополняет все ранее сказанное:

„Премьер срочно выехал в Крым... В вагон к нему забрался (! — А. С.) журналист из влиятельной газеты „Волга”, и ночью Столыпин, прохаживаясь по ковровой дорожке, крепко сколачивал фразы интервью.

— Дайте мне — диктовал он — всего двадцать лет внутреннего и внешнего покоя, и наши дети уже не узнают темной, отсталой России. Вполне мирным путем, одним только русским хлебом, мы способны раздавить всю Европу”.

Давить Европу Столыпин не собирался. Но в остальном цитата соответствует действительно им сказанному.

*

Неизбежна ли была революция? Так вопрос Пикуль, конечно, не ставит. Но ответ

сквозит в приведенных выше словах Столыпина. Он сквозит тоже в описании дней, предшествовавших первой мировой войне:

„Бравурная музыка лилась в открытые настежь окна. Маршировала русская гвардия, воспитанная на традициях умирать, но не сдаваться... Мерно и четко шагала железная русская гвардия”.

Так и просится на бумагу то, что тут показано, но не договорено. Если бы „железная русская гвардия” не полегла на полях Восточной Пруссии и Галиции, если бы некоторые гвардейские части были (как в 1905 году) оставлены в столице? Что было бы тогда? Удалось бы распропагандированным солдатам петроградского гарнизона (из запасных) осуществить „великую и бескровную”?”

Август 14-го автор трактует не так, как Солженицын. Кратко упоминая о наступлении наших войск в Восточной Пруссии, он пишет:

„Это был день полного разгрома германской армии, и в летопись русской боевой славы вписалась новая страница под названием Гумбинен... Прорыв армии Самсонова заранее определил поражение Германии, и те немцы, кто умел здраво мыслить, уже тогда поняли, что Германия победить не сможет... Немцы проиграли войну не за столом Версаля в 1918 году, а в топях Мазурских болот еще в августе 1914 года”.

В этих словах слышится сожаление о том,

что России не оказалось в числе победителей. В этом вопросе автор близок к мыслям сэра Бьюкенена, надеявшегося, что первая мировая война окончится по-иному. Английский посол вспоминает в своей книге аудиенцию у царя 13 марта 1915 года, на которой присутствовал министр иностранных дел Сазонов. На повестке дня была договоренность о Константинополе и о сферах влияния в Персии:

„Царь раскрыл атлас и стал следить по нему за докладом Сазонова, указывая пальцем, с поразившей меня быстротой, точное местоположение на карте каждого города и каждой области, о коих шла речь... Затем, повернувшись к императору, я говорю: после окончания войны Россия и Великобритания будут двумя самыми могущественными державами и всеобщий мир будет обеспечен’ .

Вполне обоснованные, но несбывшиеся надежды...

*

Таким образом, в романе „У последней черты” мы сталкиваемся как бы с двумя текстами, порою резко противоречащими один другому. В одном, более обширном, тексте речь идет о государстве, скатывающемся в пропасть. В другом — о государстве, набирающем новые силы и могущем, не прибегая к насилию, занять первое место в Европе.

Все это Пикуль не договаривает, но это звучит между строк.

Получается, таким образом, что роман „У последней черты” отражает две тенденции, обозначающиеся сейчас в кругах российского общества.

Одна тенденция — догматическая, тоталитарная. Ее представители стремятся втоптать в грязь, показать в уродливом виде наше историческое прошлое. Особенно думский период начала столетия — со столькими возможностями, несший столько надежд! Скрыть правду об этом времени, очевидно, уже невозможно: в новых поколениях начался процесс восстановления исторической памяти. Поэтому власти необходимо представить это время в искаженном виде и так попытаться воспрепятствовать здравому видению будущего.

К другой тенденции принадлежат люди, видящие, что тоталитаризм катится к пропасти и влечет туда за собой и Россию, и другие страны. Люди этой тенденции (некоторые из них по эгоистическим мотивам, ради собственного спасения) стремятся опереться на еще живые основы прошлого.

Роман „У последней черты” подвергся чуть ли не запрету со стороны властей. Думается, что это происходит не из-за недостатков, отмеченных советскими критиками (неверности в трактовке исторических со-

бытий, изобилия альковных и бутафорских эпизодов). А из-за того, что автор в какой-то мере, робко отметил наличие и положительных сторон нашей, еще способной возродиться, национальной государственности.

Источники

„Председатель Совета Министров П. А. Столыпин”. С.-Петербург, 1909 г.

М. Е. Дитерихс. „Убийство Царской Семьи”. Изд. „Русское Слово”. Буэнос-Айрес, 1979 г.

„Memmoires d'Alekhandre Iswolski — 1906-1910”. Ed. Payot, Paris, 1923.

Maurice Paleologue “L'ecroulement du tsarisme”. Ed. Flammarion, Paris, 1932.

„Memoires de sir George Buchanan” — 1910-1917. Ed. Payot, Paris, 1925.

„Nicolas et Alexandra”, Robert K. Massie. Ed. Stock, Paris, 1967.

Пьер Жильяр. Тринадцать лет при русском дворе. — Переиздано изд. „Лев”. Париж, 1978.

Судьбы русского либерализма

О книге В. Леонтовича
„История либерализма в России”

Д. Руднев

Книга русского историка и юриста Виктора Владимировича Леонтовича* (1902-1959) „История либерализма в России” была выбрана А.И.Солженицыным для открытия задуманной им серии „Исследований новейшей русской истории”. Цель этой серии, по определению Солженицына, — по мере возможности способствовать „очищению русской истории от наростов лжи” и помочь „выяснить затоптанную истину о последних веках России”.

Книга Леонтовича — последовательное и убежденное развитие тезиса о том, что зародившийся в России при Екатерине II либерализм был единственным политическим течением в России, способным довести ее до уровня передовых западных государств. При таком подходе, разумеется, очень важно то определение либерализма, которое дает нам

*В.В.Леонтович. „История либерализма в России. 1762-1914”. Перевод с немецкого Ирины Иловайской. „YMCA-PRESS”, Париж, 1980. V + 549 стр. Впервые издана на немецком языке в 1957 г., когда автор был профессором восточноевропейской истории во Франкфурте-на-Майне.

автор. Для Леонтовича, „основная идея либерализма — это осуществление свободы личности”, а основной его метод действия — „устранение всего того, что грозит существованию индивидуальной свободы или мешает ее развитию” (с.1). Суть и метод либерализма тождественны во всех странах, но в России, согласно Леонтовичу, у него, в отличие от Запада, не было древних и глубоких исторических корней, что и отразилось на его развитии в стране. Для своего осуществления „либерализм требует создания объективного правового государственного порядка, противостоящего воле отдельных людей и связывающего ее”, но он не должен стеснять личную инициативу и предпринимательский дух человека (с.3). Либерализм расценивает обладание имуществом как важное условие благополучной жизни и „берет под свою опеку свободу тех видов деятельности, которые направлены на добычу и рост частной собственности” (с.4). Либерализм, наконец, избегает революционного разрушения долиберальных государственных форм, из-за нежелания нанести ущерб интересам частных лиц, связанных с этими формами.

Леонтович считает, что, даровав дворянству „права, принадлежащие статусу свободного гражданина” Екатерина II „впервые создала предпосылки для освобождения как крепостных, так и других сословий” и, та-

ким образом, поставила „первый краеугольный камень для создания гражданского строя в России” (с.37). Екатерина более подлинный либерал, чем „радикал” Радищев.

Далее автор уделяет внимание либеральным проектам и начинаниям при Александре I. Наряду со Сперанским и Мордвиновым, он предоставляет и Карамзину значительное место в развитии либерализма в России: хотя он и был убежденным противником отмены крепостного права, Карамзин не в меньшей степени настаивал на обязанностях помещика по отношению к своим крестьянам, чем на его праве ими владеть, и был сторонником предоставления крепостным права частной собственности, что было бы для них первым этапом на пути достижения гражданской свободы. Декабристы для Леонтовича — не либералы, а характерные радикалы.

Царствованию Николая I автор ставит в заслугу составление Свода Законов и предоставление крепостным, в 1848 году, права приобретать землю в собственность. Зато он критически оценивает меры, принятые Киселевым по отношению к государственным крестьянам, проведенные чисто бюрократически и не давшие крестьянам подлинного самоуправления и права распоряжаться своим имуществом. К славянофилам Леонтович относится отрицательно и сочувственно при-

водит мнение Чичерина о том, что „никакого самосознания в русском обществе они не пробудили, а, напротив, охладили патриотические чувства тех, кто возмущается нелепым превозношением русского невежества над европейским образованием” (с.171).

Вторая часть книги посвящена развитию гражданской свободы в пореформенный период. Задумываясь о разочаровании, охватившем широкие круги русской общественности после освобождения крепостных крестьян, автор приписывает его духовной атмосфере времени, явившейся следствием распространения в русской интеллигенции революционного образа мышления. После смерти Николая I, думали многие, „реакция” в России окончательно побеждена и „освобождение крестьян является первым шагом на пути к бесконечному прогрессу” (с.184). Революционные и радикальные мечтания, не учитывающие необходимости прогрессивного развития в обществе начал гражданских свобод, были плодом, по приведенному автором суждению Чичерина, „мысли подавленной, неразвитой, рабской во всех своих инстинктах, одичавшей в своих темных трущобах” (с.187). Русские радикалы оказались людьми, неспособными „справиться” даже с ограниченной свободой, предоставленной им властью. Они мечтали о новой — революционной — власти, на-

деленной диктаторскими полномочиями. Причем искренним либералам, не могущим принять социалистических мечтаний о революционном насилии, осталось лишь поддерживать борющийся с ними русский абсолютизм.

Крестьянская реформа, считает Леонтович, была не столько освобождением крестьян, сколько „последним этапом начатого уже в XVIII веке процесса освобождения дворянства” (с.194). Земля была передана крестьянам с рядом ограничений на право ею распоряжаться и с целью обеспечить их существование лишь как особого, крестьянского, сословия. Как и до освобождения, крестьянин не получил личной свободы, так как он продолжал быть членом замкнутого особого сословия, подчиняющегося специальному, отличному от общего, праву. Крестьянин не получил и экономической свободы, так как ни общинное, ни подворное владение землей не были частной собственностью. Все усиливавшиеся тенденции власти всеми средствами способствовать сохранению „духовной сущности” крестьянства, избежать его пролетаризации, способствовали укреплению в правительственных сферах взгляда на надельную землю как на собственность государства, предоставленную в вечное пользование крестьянству как сословию. Крестьяне же „инстинктивно стреми-

лись к осуществлению в своей жизни той гражданской свободы, которая появилась бы в системе их правовых отношений вследствие введения в них начал гражданского права” (с.231).

При Николае II столкнулись концепции Плеве, стремившегося сохранить государственную опеку над крестьянством, и Витте, желавшего развития в крестьянстве начал гражданской свободы. Но проектам последнего не дано было осуществиться до революции 1905 года. Правда, еще до революции правительство приняло несколько либеральных мер: в 1903 году была отменена круговая порука крестьян, в 1904 году — телесные наказания.

Указом от 5 октября 1906 года крестьяне были приравнены в правах к другим слоям русского населения. Среди прочих прав они получили право на бессрочные паспорта и свободу местожительства, были отменены ограничения на деление подворного имущества между членами семьи, крестьяне-общинники получили право отчуждать свой надел. „Столыпинский” указ от 9 ноября 1906 года завершил реформу: каждый домохозяин получил право выхода из общины с сохранением за собой в качестве личной собственности части общинной земли, причем он мог требовать от общины предоставления земли одним отдельным участком.

Эти либеральные меры были искренне поддержаны в Думе лишь центром — октябристами. Правые партии все же не посмели вступить в борьбу со Столыпиным, поддержанным Государем, но кадеты и социалисты показали себя открытыми и убежденными врагами столыпинских начинаний. Леонтович замечает, что революционные круги желали сохранения общественно-юридического права крестьян на землю, потому что оно способствовало росту требований крестьян к государственной власти, от которой зависела их земля. Таким образом они привлекались к революционной борьбе против власти. Зато, „если крестьяне превращаются в собственников, тем самым такие требования в отношении государства теряют всякое правовое и психологическое обоснование. Тем самым теряются и все предпосылки для революционного подхода к положению” (с.289). Развивая свою мысль, автор пишет, „что именно правосознание сословия, в большей мере, чем экономическое положение его членов, делает его восприимчивым к революционной пропаганде, что это правосознание является источником уважения к правам других — или, наоборот, неуважения” (с.290).

Более сочувственно, чем к критике левых партий, Леонтович относится к взглядам Витте на столыпинскую реформу. Сам

автор проекта крестьянской реформы, Витте упрекал Столыпина в том, что правительство его остановилось на полумерах, что гражданское право по-прежнему не было введено в такие важные области крестьянской жизни, как право наследования или разделения имущества между членами семьи. Крестьяне, считал Витте, остались лишь „полуличными собственниками“. Заклучая вторую часть своей книги, автор указывает, что в России главным стремлением либерализма „было превзойти старомосковский принцип верховной собственности государства на землю“, и он считает, что „либерализм в России потерпел поражение именно потому, что не удалось вовремя это осуществить“ (с.301).

В третьей части книги, описывающей развитие политической свободы, Леонтович уделяет особое внимание земской жизни и взглядам земских деятелей. По его определению, „земства были теми местами, где прогрессивные силы пытались организовать и начинали работать на либеральное развитие России“ (с.316). При Александре III развитию земского либерализма мало способствовала власть, все более склонная к консерватизму, чтобы защитить себя от ударов нарастающего в стране революционного движения. Русский либерализм принял два направления: часть деятелей стремилась к раз-

витию либерализма в стране путем создания в ней конституционных форм правления; другие же, наоборот, считали, что пока лишь сильная абсолютная власть способна провести либеральные реформы.

В начале XX века подлинно либеральные взгляды продолжала выражать полулегальная группа „Беседа”, состоящая в основном из земских деятелей, а самой характерной фигурой либерализма был тогда Д.Н.Шипов, сочетавший приглушенное славянофильство с либеральными идеями.

Гораздо далее Шипова и „Беседы” пошли члены и сторонники группы „Освобождение”, также отчасти вышедшие из земской среды, но чаще — городские интеллигенты. Их программу Маклаков резюмирует словами: „Долой самодержавие!”. По мнению Леонтовича, платформа „Освобождения” уже чисто радикальна, а их деятельность — направлена на создание в стране конфликтных ситуаций, могущих привести к революционному перевороту. Причем русское „освободительное движение” как бы пошло — по требованию дружественных ему социал-демократов — на отказ от работы среди рабочего класса.

Хотя большинство земцев оставались либералами, на земских съездах начали преобладать радикальные настроения. Мнение Шипова и его единомышленников о том, что

народное представительство „должно было стать органом нравственного значения для осуществления солидарности между царем и народом, а никак не органом, представляющим права и требования граждан по отношению к государственной власти” (с.378), стали неприемлемы для большинства земского съезда осенью 1904 года. Правительство же не сумело различить за фасадом земского радикализма, проявлявшегося на съездах, умеренно-либеральных взглядов большинства земцев, и с декабря 1904 года началась конфронтация между властью и общественностью, развившаяся в революционные события 1905 года и приведшая к манифесту 17 октября и „основным законам” 23 апреля 1906 года.

Разбирая содержание конституции, дарованной царем в 1906 году, Леонтович подчеркивает, что она дала каждому русскому право частной собственности, свободу выбора местожительства, передвижения и выезда за границу. Были также обеспечены право выбора профессии, свобода придерживаться своего вероисповедания без административных стеснений, провозглашалась свобода слова, печати, право организовать союзы и объединения. Таким образом, считает автор, были „с достаточной ясностью и точностью сформулированы принципы гражданской свободы” (с.443). Избирательное право было

подлинным, оно не лишало права голоса ни одну категорию населения и давало возможность действительного выбора между несколькими кандидатами. Это наглядно доказывается тем, что в первые две Думы было выбрано оппозиционное большинство.

В России был создан настоящий парламент, обладающий законодательной властью во всем, кроме дел, касающихся вероисповеданий, вооруженных сил и императорской семьи. Леонтович упрекает правительство не в том, что оно ввело в Основные Законы известную 87-ю статью, позволявшую ему издавать временные законы в промежутках между сессиями, а лишь в том, что оно этой статьей злоупотребляло. Исполнительная власть, как и прежде, была полностью предоставлена царю, зато судебная власть, после некоторых колебаний, была признана независимой от государства.

Леонтович считает, что конституция 1906 года хорошо соответствовала тому, что тогда нужно было России, в нужных пропорциях сочетала старое с новым и „в высшей мере” осуществляла либеральный принцип разделения властей. Но радикалы, задававшие тон в русской общественности, не были удовлетворены новым устройством политической жизни. Они продолжали требовать капитуляции власти и замены ее полным народовластием. Неудавшийся сговор с об-

щественностью правительство сменило жестоким подавлением революционной оппозиции, что сделало его окончательно ненавистным для радикального лагеря и значительно охладило к нему многих представителей либерального течения.

К концу революции либеральный лагерь окончательно раскололся на радикалов — кадетов и умеренных либералов — создателей и единомышленников „Союза 17 октября”, хотя и в кадетском стане продолжало существовать либеральное меньшинство. Программа близких сердцу Леонтовича октябристов предусматривала всеобщее, равное и тайное голосование и правительство, составленное из рядов думского большинства. Октябристы призывали к мирному развитию начал конституционной монархии и к сотрудничеству между царем и народом, им чуждо было стремление к „великим потрясениям”.

После роспуска непримиримой к правительству Первой Думы премьер-министром был назначен П.А.Столыпин. Он представил Второй Думе широкую программу либеральных реформ, содержащую устранение правоограничений, связанных с вероисповеданиями, подчинение распоряжений на аресты и обыски контролю судебной власти, передачу политических расследований не жандармским, а судебным следователям. Сто-

лыпин предусматривал также создание новых местных судов, взамен упраздненных земских начальников и сословных крестьянских волостных судов. Он хотел расширения голосования в земствах, увеличения поля их деятельности и, в частности, создания волостного земства. Должны были быть также введены различные виды страхования рабочих и узаконены экономические забастовки, подтверждалась независимость университетов от государственной власти. Но Дума отклонила программу Столыпина и отказалась от предложенного ей сотрудничества: большинство ее членов видело в министерстве в первую очередь человека, ведущего с революцией беспощадную борьбу, часто выходящую за рамки законности.

Последовавшее за роспуском Второй Думы изменение избирательного права „представило собой возврат к идее Конституции, основанной главным образом на земстве” (с.527). В большинстве земств господствовало отвращение к революции и желание сотрудничать с властью в деле либерального развития России. Новое думское большинство, в котором октябристы играли решающую роль, выражало в первую очередь взгляды земств. По мнению Леонтовича, измененный избирательный закон 3 июня 1907 года создал возможность сотрудничества между Думой и правительст-

вом и „в конечном итоге служил интересам либерализма, а никак не интересам реакции” (с.533). По мнению Столыпина, Россия могла стать полностью правовым государством лишь тогда, „когда крестьянство, то есть основная масса населения, поймет ценность свободы и права”, но это осуществится „только после того, как аграрное законодательство начнет давать плоды” (с.537), иначе говоря, право населения на свободу должно быть основано на праве располагать своим имуществом. Развитый гражданский строй, утверждает Леонтович, заключая свою книгу, „является необходимой основой для всякой либеральной конституции” (с.539).

Книге Леонтовича нельзя отказать в таланте, последовательности и убедительности. Однако она не лишена и изъянов. Совершенно справедливо упрекает автора Солженицын в сужении некоторых проблем из-за строго юридического подхода к ним. Этот юридический взгляд придает „Истории либерализма в России” некоторую сухость, а иногда и охлаждает возбуждавшийся было интерес к поднятым вопросам. Не может не огорчить также чрезмерное значение, придаваемое автором мемуарной, столь опасной для историка, литературе. Порой на протяжении целой главы цитируется фактически лишь один мемуарист: например, из 20 при-

мечаний к главе 8-й 3-й части книги, 17 — ссылки на воспоминания Маклакова, написанные много позднее описываемых в них событий... Немного упрощенной представляется картина кадетской партии, почти безоговорочно отбрасываемой Леонтовичем в лагерь радикализма. Ведь даже сам Милюков высказывался о желательности „оппозиции его величества”, а не „оппозиции его величеству”, преклонялся перед английским либеральным и монархическим строем и до 1917 года сам считал себя монархистом. Недостаточно прослежена та либеральная — и очень русская — идейная линия, которая ведет от кадетского радикализма к христианскому либерализму „Вех”, линия таких людей, как Булгаков, Бердяев или Струве.

Что же касается более основных проблем, то нам кажется незакономерным общественное развитие России в начале XX века выводить лишь из взаимодействия трех действующих сил — власти, общественности и крестьянства. Если для того времени действительно можно не учитывать русский „рабочий класс”, то нельзя пренебречь еще далеко не развалившимися и совершенно четко относившимися к идеям либерализма Церковью и армией. Старая Россия держалась не на уваровской триаде, а на действительном союзе царя, армии и православной Церкви, что либералы, по-видимому, не очень учитывали.

В центре построений Леонтовича стоит вопрос о превращении земли из государственной в частную собственность как о предпосылке преобразования России. Если считать, вместе с Леонтовичем, что либерализм как система может осуществиться в любом государстве, то он безусловно прав. Но ни объективная ситуация современного мира, ни исторический опыт почти всех стран, за исключением западноевропейских, к такой установке не приводит. Представление о русской земле как государственной не было в России искусственно насаждено властью, а сложилось в связи с процессом образования государства. Большинство земель, пригодных для сельского хозяйства, было отвоевано московским государством или занято казачеством и лишь потом передано в совместное пользование служилого люда и будущих крепостных крестьян. Дворянство, как известно, несло обязательную службу до Петра III, а следовательно, несли ее и принадлежащие ему крестьяне. Гораздо больше, чем к свободе распоряжения землей, русское крестьянство было чувствительно к равному распределению ее между теми, кому она была нужна для жизни. Крестьянин, конечно, стремился к прочному владению землей, хотел стать ее хозяином. Но ведь хозяин и собственник — понятия различные. Самый удачный пример вrastания крестья-

нина в старое русское общество — это казачество. Казак был, конечно, хозяином своей земли, но отнюдь не ее собственником: казачьи земли из казачьего сословия не выходили. Не раз уже было указано (и на наш взгляд справедливо), что в русском традиционном понятии слово *право* соответствует слову *правда*, а не слову *свобода*.

Разумеется, эти наши соображения лишь в незначительной степени могут быть поставлены в упрек автору прекрасной и содержательной книги, который отнюдь не претендовал на всеобъемлющее описание развития политических идей в России, но проследил за одним, точно им очерченным общественным течением.

Историческая концепция Ричарда Пайпса

О книге Р. Пайпса „Россия при старом режиме”

В. Желягин

Среди любителей экскурсов в нашу историю за поисками „корней” коммунистического тоталитаризма проф. Ричард Пайпс, бывший глава Русского исследовательского центра при Гарвардском университете, отличается новой позицией: его интересует уже не судьба „русской идеи”, из которой обычно пытаются извлечь „национальный” характер советского коммунизма, а развитие внешних форм русской государственности. Причем, проф. Пайпса интересует не культурное и нравственно-политическое содержание исторического процесса в России, а только институционно-юридический метод его оформления, в котором он и пытается найти объяснение тоталитарным формам коммунистического государства.

Историческая концепция Ричарда Пайпса, т. е. его взгляд на советское тоталитарное государство как на конечную форму развития древнерусского „вотчинного” строя

*Richard Pipes. Russia under the old regime. New York, Charles Scribner's Sons, 1974.

Ричард Пайпс. Россия при старом режиме. Кембридж (Массачусетс), 1980.

(„Patrimonial state”), изложена в его книге „Россия при старом режиме”, вышедшей еще в 1974 году на английском языке и переведенной теперь на русский. Правда, в этой концепции ключевым моментом является не столь уж отдаленный период нашей истории:

„Между 1878 и 1881 годами, — пишет Пайпс, — в России был заложен юридический и организационный фундамент бюрократически-полицейского режима с тоталитарными звучаниями, который пребывает в целостности и сохранности до сего времени. Можно с уверенностью утверждать, что корни современного тоталитаризма следует искать скорее здесь, чем в идеях Руссо, Гегеля или Маркса” (стр. 298; здесь и далее — цитаты из английского издания).

Без труда можно было бы ограничиться тем, что отослать проф. Пайпса к фундаментальному исследованию его французского коллеги Алэна Безансона, обнажившего общеевропейские (именно — общеевропейские) корни коммунистического тоталитаризма и указавшего, между прочим, на организационную структуру французских якобинцев как на прототип ленинской „партии профессиональных революционеров”*. Как раз в якобинских „клубах” — а не в законодательном творчестве российского правительства прошлого века — формировался

* Alain Besançon. *Les origines intellectuelles du leninisme*. Paris, Calmann-Lévy, 1977.

тот абстрактный идеологический язык (действующий и по сей день), который позволял якобинцам — а затем большевикам — казнить не людей, а „врагов народа” и „предателей”. Как раз на почве якобинства и, конечно, с помощью Гегеля и Маркса (и Ленина тоже, о котором Пайпс вообще не упоминает) создавалась та идеологическая „сверхреальность”, без учета которой нельзя понять ни коммунистического тоталитаризма, ни советского государства, а точнее — квазигосударства, по определению проф. С.Пушкарева, имевшего в виду государство, где все подчинено партийной воле.

Но книга Ричарда Пайпса заслуживает отдельного анализа потому, что историческая концепция, которая в ней изложена, препятствует, как нам кажется, ясному пониманию проблемы коммунизма, а следовательно — выработке четкой и обоснованной внешнеполитической стратегии Запада. „Исторический фон”, который Пайпс преподносит американским стратегам, лишает их возможности даже допустить мысль о том, что национальные интересы России никогда не требовали и не требуют уничтожения основ западных обществ. Он также не допускает мысли, что Россия, может быть, является той естественной преградой коммунизму, которую Запад тщетно ищет то в политике детанта, то в вооружении Китая.

За существование собственной концепции, пусть даже, на наш взгляд, порочной, упрекать историка нельзя. Но у проф. Пайпса есть и свой собственный метод, который — с точки зрения исторического исследования — нам кажется весьма сомнительным.

„В России, — утверждает Пайпс, — за правительством всегда признавалось право решать, что его подданные могут читать и публиковать” (стр.292).

Но тут же, ссылаясь на работу советского историка П.А.Зайончковского*, он приводит интересную и малоизвестную статистику:

„В XVIII веке цензура (в России, — В.Ж.) была доверена Академии наук, которая настолько бережно пользовалась этими своими полномочиями, что до начала Французской революции россияне могли читать все, что хотели... Между 1867 и 1894 годами, т. е. и во времена консервативного царствования Александра III, к распространению в России было запрещено всего-навсего 158 книг. В одно десятилетие было отвергнуто около 2 % рукописей поданных на предварительную цензуру. Из 93 565 260 экземпляров книг и периодических изданий, посланных в Россию из-за границы в одно десятилетие конца XIX века, было задержано всего 9 386” (стр. 292-293).

Отметим, что эти цифры относятся к тому

* П.А.Зайончковский. Российское самодержавие в конце XIX столетия. Москва, 1970.

самому периоду, при котором, согласно автору, „был заложен фундамент бюрократическо-полицейского режима с тоталитарными звучаниями”. На основании этой статистики Пайпс приходит к заключению:

„Все это говорит о том, что цензура в Российской империи была скорее досадной помехой, чем барьером на пути свободного движения идей” (стр. 293).

Метод, о котором мы говорим и в правильности которого сомневаемся, заключается в придании первому утверждению характера аксиомы, не требующей доказательства, и в непризнании объективной силы исторических фактов, приводимых лишь в виде исключений, которые должны подтвердить правило.

Поэтому в сознании профессора даже его заключительное положение не входит в противоречие, с его же первоначальным утверждением, что в России за правительством всегда признавалось право решать, что его подданные могут публиковать и читать. А тот факт, что оно не препятствовало свободному распространению идей свидетельствует, по его мнению, лишь о том, что правительство этим своим правом в тот момент не пользовалось. Но что важнее для историка, для понимания им данного исторического этапа в развитии российского общества: то, что в 1826 г. был введен цензурный кодекс, или то, что российские граждане чита-

ли все, что хотели? (Что характернее для советского периода нашей истории: то, что цензуры формально не существует, или то, что наш народ, в массе своей, ничего, кроме партийной литературы, читать не может?)

Можно привести и другой пример.

„Трудно передать, — утверждает Пайпс, — до какой степени вмешивалась полиция в русскую жизнь позднего монархического периода” (стр. 307).

Вместе с тем, он же пишет, что

„Зайончковский, имевший доступ в соответствующие архивы, цитирует официальные отчеты, согласно которым в 1880 году во всей российской империи лишь 1 200 человек были приговорены к ссылке за политические преступления, из них 230 проживали в Сибири, а остальные — в европейской части России. Всего 60 человек находились на каторжных работах (стр. 311) ... В 80-е годы прошлого века за политические преступления было казнено всего 17 человек, все — за покушения или за попытку совершить оные (стр. 315) ... Заграничных поездок не запрещали... Николай I пытался их ограничить... в 1834 году он потребовал, чтобы дворяне ограничили свое пребывание за границей пятью годами... Однако проку от этих мер было немного. Россияне часто ездили в Западную Европу и жили там подолгу. В 1900 году, например, 200 тысяч русских провели за границей в среднем по 80 дней. Для получения заграничного паспорта надо было всего-навсего послать заявление местному губернатору и уплатить небольшую пошлину” (стр. 314).

Из этих цифр профессор делает вывод, что полицейская система в России была... „посмешищем” (стр. 316). Опять — сомнительная диалектика: полиция была посмешищем (очевидно, в сравнении с передовыми для того времени западными полицейскими системами), однако вмешивалась в русскую жизнь настолько, что перу автора это даже „трудно передать”.

Прав проф. Пайпс, отмечая, что Министерство полиции было утверждено в России в 1811 г. (и ликвидировано восемью годами позже), что в 1826 г. Николай I создал Третье Отделение Собственной Его Величества Канцелярии, что в том же году был введен цензурный кодекс, что в 1832 году вышел Свод Законов Российской Империи (над которым Сперанский трудился с начала Николаевского царствования) и что в 1845 г. в него вошло Уложение о наказаниях. Верно пишет проф. Пайпс, что в 1881 г. Александр III принял „Распоряжение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и о приведении определенных местностей империи в состояние усиленной охраны”. В одном только проф. Пайпс ошибается: как конституционные формы сами по себе не рожают правового порядка, так и уложения о наказаниях не рожают сами по себе тоталитарного порядка. При всех перечис-

ленных Пайпсом институтах и законах, созданная в России в прошлом веке полицейская система была „оборонительной” по замыслу, как и соответствующие защитительные системы в странах Западной Европы — никакой разницы здесь не было. Коммунистические же системы являются, по замыслу своему — „наступательными”, отвечающими той воле к насилию над всеми сторонами общественной и личной жизни, которая характеризует тоталитарный порядок. Ведь нельзя же забывать, что царствование Николая I, как бы к нему ни относиться, было в нашей истории и периодом расцвета русской культуры, а не тотального подавления всех творческих сил нации, и что „дух эпохи” Александра II был не только „полицейским”, но и духом великих реформ.

Если отбросить эту волю к насилию над душой целой нации, в которой (воле) и выражается идеологическая сущность коммунистического тоталитаризма, то сравнение уголовных кодексов в России до и после событий 1917 г. может привести к историческому заблуждению, позволяющему видеть преемственность государственных традиций там, где все традиции вырубались топором. Если отбросить этот главный отличительный признак идеологического тоталитаризма, то можно, пожалуй, и в

истории Англии, и в истории Франции найти все предпосылки для неизбежного торжества тоталитаризма. И дело здесь не только в том, как — по мнению Пайпса — воспринимаются идеи, но и в том, какими методами они осуществляются: не заплombeй немцы в 1917 г. вагон Ленина, согласно А.Безансону, „лучшего представителя денационализировавшейся левой европейской интеллигенции того времени”, — может быть, проф.Пайпс писал бы сейчас работу о том, как корни коммунистического тоталитаризма в Германии уходят, через кайзеровскую полицию, в государственные традиции прусских королей. В том-то и суть, что ни германская, ни французская, ни русская история не были детерминированы однозначно. Франция могла дать не только демократию, а Россия — не только тоталитаризм.

И совсем уж неубедительно звучат утверждения проф. Пайпса о том, что „стыд перед Западом” не позволял, мол, российским правителям „использовать машину репрессий в полную силу” (стр. 314). Русские люди краснели не только за отечественные эксцессы, но, например, и за спектакли публичных казней во Франции, которые были отменены только в 1936 г. и о которых с отвращением писали и Толстой, и Достоевский. Более убедительным кажется нам факт проведения судебной реформы в

1864 г. и наличие в народном сознании тех нравственных критериев, которые как раз и объясняют то, что проф. Пайпс не может понять, а именно — что присяжные суды, у нас

„... часто оправдывали подсудимых” и что, „даже в случае признания подсудимых виновными, судьи склонялись к вынесению чрезвычайно мягких приговоров за действия, которые по западноевропейским уголовным кодексам наказывались весьма строго” (стр. 296).

Эти обстоятельства говорят лучше, пожалуй, любых политических традиций о том, что наша история допускала и совершенно другой вариант общественно-государственного развития, чем тот, бесчеловечный и безобразный, который был ей навязан Лениным и большевиками.

*

Но вернемся к концепции проф. Пайпса. То, что полицейская система в России была „посмешищем”, а цензура — „досадной помехой”, говорит, с его точки зрения, не только о неспособности и неумении российских правителей учинять репрессии (из-за стыда перед Западом), но и об отсутствии необходимых средств для эффективного действия полицейской машины. Только после 1917 г., когда эти препятствия были устранены, „традиции вотчинного государства”, согласно автору, развернулись во всю

ширь. Вот мы и подошли к тому исходному утверждению Пайпса, на котором, фактически, зиждется вся его историческая концепция:

„До первой мировой войны ни в одном государстве мира не было двух видов полиции — одной для защиты государства, а другой для защиты его граждан. Только страна с глубоко укоренившейся вотчинной психологией („patrimonial mentality”) могла додуматься до такой двухъярусной системы” (стр. 302).

Не будем спорить с проф. Пайпсом о том, кому служила полиция Фуше — французским гражданам или наполеоновской власти. Остановимся на „вотчинной психологии” нашего народа — на его неспособности разделять понятия „правителя” и „собственника”, в которой Пайпс видит и корни тоталитарных форм советского государства, и источник сталинской жестокости.

Такое смешивание двух юридически раздельных понятий было характерно для всей феодальной Европы, где феодалы наследовали по нисходящей линии, тогда как порядок княжеского владения на Руси еще держался на очереди старшинства и был залогом неделимости Русской земли. Поэтому, если Русская земля и была действительно „отчиной и дединой” всего княжеского рода, она никак не могла быть княжеским личным и наследственным, непрерывным владением по завещанию.

Смешивание понятий „правителя” и „собственника” если и произошло в княжеских умах в России, то только тогда, когда установился удельный порядок, в чистом виде и полном развитии наблюдаемый только в отчине Всеволодовичей, в области верхней Волги в XIII-XV веках. Этот период нашей истории представлялся Карамзину „скудным деталями славы и богатым ничтожными распрями многочисленных властителей”. У Соловьева, он описан следующими словами:

„Действующие лица действуют молча, воюют, мирятся, но ни сами не скажут, ни летописец от себя не прибавит, за что они воюют, вследствие чего мирятся. В городе, на дворе княжеском ничего не слышно, все тихо. Все сидят и думают думу про себя”.

Ключевский, считавший удельные века „бесплодными для историка”, писал:

„При изучении истории неохотно останавливается внимание на таких эпохах, дающих слишком мало пищи уму и воображению. Из маловажных событий трудно извлечь какую-либо крупную идею”.

Сомнительными представляются нам попытки проф. Пайпса извлечь из этого „скудного деталями (политической) славы” периода, какую-либо специфическую традицию русской государственности или черту национальной психологии.

В XIII-XV веках готовилось будущее России не через государственные формы, а через тот процесс духовного становления, который развивался под водительством святых митрополитов московских Петра, Алексия и Ионы, и вокруг Сергиевской обители. В этом духовном становлении укоренялось глубинное, религиозное понимание всего комплекса проблем „свободы”, которое заранее обрекает на бесплодность историка, избирающего предметом своего интереса исключительно формальную, юридическую область выражения русской „несвободы”.

В Московском государстве, в котором проф. Пайпс видит „торжество вотчинного строя”, удельная психология быстро выдыхалась под действием патриотического и религиозного движения. Уже в заявлении Ивана III литовскому королю о том, что „вся русская земля — наша вотчина”, сказывалась не столько психология удельного князя, сколько историческое воспоминание о бывшем единстве и неделимости Русской земли. Видеть в этом лишь утверждение принципа, что „Россия принадлежит ее государю”, это не видеть патриотических побуждений, по которым объединялись русские князья с Димитрием Донским против Твери и Мамаея, не видеть религиозного

движения православных князей Западной Руси (которую польские и литовские короли считали своей вотчиной), присоединявшихся к Москве как к своему религиозному центру. Не видеть этого — это лишить русскую историю одного из ее наиболее одухотворенных периодов и все свести к одной только форме террористического властвования — потерявшего разум Ивана Грозного.

Ключевский — правда, не без полеми-ческого азарта — утверждал, что единство русского народа, русское национальное государство „родилось на Куликовом поле а не в скопидомном сундуке Ивана Калиты”. И действительно, можно ли найти например в „Задонщине”, в этом народном гимне, воспевающим борьбу прежде всего за свою веру, — а следовательно, за духовную свободу, — хотя бы след какой-либо „вотчинной психологии” или „модели тотального рабства”, о которой говорит А.Янов („Континент” № 10, стр. 268)? И если даже в современном русском языке осталось немало следов со времен татарского ига, то все же нельзя забывать, что основным формирующим наш национальный характер фактором была православная вера и что прежде всего она вдохновляла и автора „Задонщины”, и митрополита Филиппа, сознательно противопоставившего себя тому самому Грозному,

от которого теперь стало модным начинать генеалогию и сталинщины, и ГУЛага.

Если отбросить этот основной фактор, то из оторванных от культуры объективных исторических событий и фактов можно с одинаковым успехом (но, конечно, искусственно) строить две совершенно противоположных схемы.

Можно — и не без оснований — утверждать, что в истории России доминировала либерально-демократическая традиция: Киевское вече призывает Владимира Мономаха на великокняжеский престол, а Новгородское вече (в 1137 году) формирует основу конституционного законодательства. Без Земских Соборов в XVI и еще в XVII веке не принимается ни одно значительное решение во внешней политике — ни во времена Ливонской войны при Грозном, ни даже тогда, когда донские казаки, при Михаиле Федоровиче (избранном Земским Собором), учиняют на свой страх и риск „Азовское сидение”. Можно продолжить и дальше, через Наказ Екатерины II и реформы Александра II — до режима Думской монархии.

С неменьшим успехом можно, конечно, построить и другую схему: от Александра Невского, наводящего ордынцев на свободу-

любивую и независимую Новгородскую республику и — своим мечем и татарской саблей — заставляющего ее выплачивать огромную дань, через традиции „вотчинного” (в замысле — тоталитарного) государства с опричниной Ивана Грозного, и, через государство безжалостного сыноубийцы Петра, названного Великим, которого народный художник изобразил в Знаменском Соборе в Новгороде в виде дьявола в преображенском мундире, — прямым путем к Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Надо ли говорить, что ни первая, ни вторая схемы не имеют ничего общего с нашей историей и что вообще за подгонкой ее к той или иной схеме прозрачно сквозит концепция марксиста-ленинца Покровского: история есть не что иное, как опрокинутое в прошлое понимание современной действительности.

Интеллектуальные истоки ленинизма

О книге Alain Besançon „Les origines
intellectuelles du léninisme“

В. Желягин

Поиски истоков русского коммунизма обычно идут по давно проторенной тропинке мысли: от Чернышевского, через Нечаева и Ткачева (духовных предков Ленина) и, наконец, сквозь узкие ворота марксизма — в ленинизм. Алэн Безансон — французский историк и, бесспорно, один из самых компетентных специалистов по «русскому вопросу» — в своей последней книге «Интеллектуальные истоки ленинизма»* продлил этот путь во времени и в пространстве: от якобинцев до Брежнева, пройдя через Германию и определив при этом роли не только Фейербаха, но и Гегеля, подготовивших успех Марксу и Энгельсу.

Основная заслуга Безансона в том, что он ломает сложившееся мнение о ленинизме как о явлении национально-русском. Правда, утверждая, что корни ленинизма — западные, автор добавляет, что лишь в России, благодаря особым условиям, ленинизм смог вылиться в чистейшего вида идеологизм. Здесь у читателя, мало знакомого с русской действи-

* Alain Besançon. Les origines intellectuelles du léninisme. Paris, Calmann-Lévy, 1977.

тельностью, может создаться впечатление, что кроме западничества и Ленина ничего другого в России не было. Но ведь, даже останавливаясь только на западничестве, нельзя пройти мимо того факта, что Новиков, Радищев и Чаадаев, лучшие представители тогдашнего русского образованного общества, не имели ничего общего (кроме западничества) с Бакуниным и Чернышевским.

Безансон считает, что ленинизм — завершение того «идеологизма», который зародился в Западной Европе в условиях кризиса религиозного сознания и начала развития современной науки. Исторический и диалектический материализм выведены из предпосылки, что материя, став единственной реальностью, получает содержание и смысл, и становится тем целым, которое мир потерял, разорвав «связь Августинову сердца с Богом». Все реальное есть материя, поддающаяся исследованию. Еще не все человек знает, но познать может все. Вот источник постоянства материалистической веры).

Но это еще не есть политическая доктрина, необходимая для построения политической идеологии. Такой идеологии — по Безансону — как раз не хватало французским якобинцам, взявшим власть в 1792 году и не сумевшим удержать ее дольше полутора лет. Однако политическая партия якобинцев бы-

ла неплохо организована, а их «клубы» действовали активно, доказывая фактически возможность создания аппарата власти, первоначально дублирующего государственный аппарат, но способного его заменить. Еще показательно и то, что в якобинских «клубах» уже формировался идеологический язык, тот абстрактный язык (существующий и по сей день), позволявший абстрагировать казни, а впоследствии — сталинские чистки. И якобинцы казнили не людей, а „врагов народа”, „предателей” (за это и ценил их Ленин).

Но все же якобинцы не были достаточно «идеологизированы» (арестовывали — но не всех; казнили — но недостаточно). Одним словом, они не сумели преодолеть реальность жизни. (Это им Ленин ставил в упрек). Только Маркс, поставив Гегеля «с головы на ноги» и расширив материалистическую философию до материалистического экономизма, сделал, наконец, возможным создание политической идеологии. Теперь «якобинство» могло, в сочетании с немецкой философией родить идеологию, восторжествовавшую через Ленина.

Немецкий марксизм открыл новые возможности, которых не было у якобинцев. Но в Германии он не выдержал испытаний при столкновении с реальностью. Забастовки 1896—1897 гг. показали, что рабочий класс не воспринял уже оформлявшейся материали-

стической идеологии марксизма. Рабочие добивались улучшения жизненных условий, а не революции. Этот «экономизм» и лег в основу того ревизионизма, который зародился в октябре 1898 года — письмо Эдуарда Бернштейна к съезду немецкой социал-демократической партии. Бернштейн стал «изменником». Но чему он изменил? Идеологии!

Вопреки всему, согласно А. Безансону, до конца верным идеологизму остался Ленин, которого первоначально еще связывала общность доктрины с Плехановым. Оба они имели абстрактное, доктринерское представление о российской действительности. Не социальная реальность, а их общий догматизм был основой веры в революционность русских рабочих, которых, между прочим, ни тот, ни другой не знали. Но с 1904 г. Плеханова, как говорит Безансон, озарило прозрение. Он вдруг увидел в Ленине нового Робеспьера и, перечитав «Что делать», понял то, что не заметил при первом чтении.

Окончательный же разрыв между Плехановым и Лениным произошел фактически из-за того, что первый, поняв социальную реальность в России, начал мечтать о торжестве либеральной экономики, способствующей, по его мнению, созреванию рабочего класса. Ленин же полностью посвятил себя революции как конечной цели, в отношении которой «либеральный аппетит народа и его

стремление к экономическому благополучию использовались в качестве тем для пропаганды и политического оружия».

Здесь можно поставить вопрос — не есть ли предел идеологического рационализма в том, что Ленин, как пишет Безансон, «обращает внимание на рабочий класс постольку, поскольку он занимает в его идеологии определенную роль. Если рабочий класс оказывается неспособным играть роль, ему предназначена, если он как бы предает «пролетариат» и «социализм», то партия не обязана обращаться с ним иначе, чем с „буржуазией” или с иным враждебным классом”.

Партия — хранитель доктрины! Потому она и не допускает свободы критики. «Безыдейность» и «оппортунизм», о которых говорят партийные ораторы, — ярлыки, навешиваемые тем, кто позволяет себе критиковать коммунистические догмы, исходя из реального жизненного опыта. В партию объединяются не для того, чтобы подготавливать заговор, но чтобы бороться с заговором! С заговором буржуазии. (Западные коммунисты — с заговором «капитала», Ленин в 1917 году — с корниловским заговором, и т. д.) Поэтому логично утверждение Сталина, что классовая борьба обостряется по мере построения социализма.

Тупик ленинской политики, ее внутреннее противоречие в том, что при «пролетарском

государстве» (партийной диктатуре) революционная партия сливается с государственным аппаратом. По мнению Безансона, это и произошло окончательно при Брежневе. Он считает, что революция, начатая «путчем» 7 ноября 1917 года, завершилась в конце 60-х годов в том смысле, что партия окончательно подменила собой государство, слилась с ним. Но если революционная партия сливается с государственным аппаратом, это значит, что задача коммунистического государства, смысл его существования не в создании необходимых для жизни нации социально-экономических условий, а в сохранении власти партии для развития мирового наступления на буржуазию.

Главы, посвященные Ленину в книге Алэна Безансона, бесспорно заслуживают особого внимания. Автор приходит к существенному, редкому для иностранного историка выводу, что этого малокультурного политика, сыгравшего столь значительную роль в судьбе России, никак нельзя считать «русской исторической личностью» в том смысле, в каком Гладстон был, несомненно, англичанином, Тьер — французом, а Бисмарк — немцем. Если, говорит Безансон, прислушаться к мнению Достоевского, согласно которому русская левая интеллигенция «денационализировалась», то Ленина, «полностью растворившегося в анонимной Европе средних клас-

сов», нужно считать «лучшим примером этой денационализации».

Безансон обращает внимание на то, что ни одна из существующих биографий Ленина не проникает в глубину его личности, не раскрывает его лица. «Биография Ленина не удаётся, пишет он, потому, что этот исключительный индивидуум не поддается рассмотрению как человек». Безансон считает, что «единственный правильный подход к Ленину — метафизический, так как под плоской поверхностью этой личности зияет страшная бездна небытия».

Ленинизм и есть осуществление глубокой, если можно так сказать, «духовной» реальности ленинской бездуховности.

Ленин готов был сделать из Швейцарии базу мировой революции. Россия, Швейцария, Германия — всё равно, была бы революция! Но, когда надежды на скорое наступление мировой революции рухнули, задачей оставалось сохранить власть, чтобы в какой-то момент поддержать революционный процесс. (Ведь, он все равно «назревает» — это догма исторического материализма.) Иными словами, идеология, во имя которой приносилась в жертву Россия, остается в силе, и Россия по-прежнему эксплуатируется для внедрения в мире этой идеологии.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	5
-----------------	---

ЧАСТЬ I. ВРЕМЯ АЛЕКСАНДРА II (1861-1881)

Проф. Н. Арсеньев. — Крестьянская реформа Александра II („Посев” от 20.5.1956)	10
П. Якоби. — Величайший памятник культуры („Посев” № 3/1981)	20
Е. Брейтбарт. — Местное самоуправление („Грани” №№ 111-112)	28
Ю. Жедиягин. — Славянофилы и реформы	51
Н. Рутыч. — К столетию Сан-Стефанского мирного договора („Посев” № 4/1978)	69
А Столыпин. — Несколько штрихов к портрету Александра II („Посев” № 4/1978)	83
Н. Рутыч. — Судьбоносное заседание („Посев” № 3/1981)	90

ЧАСТЬ II. ДУМСКАЯ МОНАРХИЯ (1906-1916)

Выдержки из Думского законодательства.	104
Д. Левицкий. — Основные законы 23 апр. 1906. Первая русская конституция („Посев” № 7/1981)	111
Проф. С. Пушкарев. — Конституция 1906 г. („Посев” № 2/1979).	137
Н. Рутыч. — Переговоры правительства с Думской опозицией о вхождении в правительство („Посев” № 9/1981)	149
В. Желягин. — Общественно-политические настрое- ния в период думской монархии	180
А. Столыпин. — Мартовский кризис 1911 г. („Посев” № 3/1979)	218

А. Столыпин. — Столыпинская реформа („Посев” № 7/1979)	236
А. Столыпин. — Заселение наших азиатских пространств („Посев” № 11/1979)	258
А. Трушнович. — К русским! („Посев” № 4/1979)	271
Н. Рутыч. — Ленин в Цюрихе — к вопросу о новой тотальной стратегии. („Посев” № 8/1976)	282

ЧАСТЬ III .РЕЦЕНЗИИ — СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА О ДУМСКОЙ МОНАРХИИ

В. Желягин. — Связь времен. О книге В. Шульгина „Годы” („Посев” № 2/1981)	312
Н. Арсеньев. — Завещание Маклакова	327
А. Столыпин. — О романе В. Пикуля „У последней черты” („Посев” № 8/1980)	335
Д. Руднев. — Судьбы русского либерализма. О книге в Леонтович „История либерализма в России”. („Посев” № 8/1981)	367
В. Желягин. — Историческая концепция Ричарда Пайпса. О книге Р. Пайпса „Россия при старом режиме” („Посев” № 3/1980)	384
В. Желягин. — Интеллектуальные истоки лени- низма. О книге Alain Besancon „Les origines intellectuelles du leninisme” („Посев” № 4/1978)	400

РОССИЯ В ЭПОХУ РЕФОРМ

РОССИЯ
В ЭПОХУ
РЕФОРМ